

**1-е послание святого Апостола Павла к
святому Тимофею, истолкованное
святителем Феофаном
Феофан (Гóворов) епископ Тамбовский и
Шацкий, Затворник Вышенский, святитель**

Введение

1) О Святом Тимофее

Святой Тимофей был любимейший ученик святого Павла, восхваляемый им высокими похвалами во многих местах своих Посланий. И сам он преискренно любил святого Павла, как отца, и никогда не оставлял его с того времени, как был избран им и взят с собою на труды проповеднические. В первый раз апостол Павел, как поминает книга Деяний, встретил святого Тимофея во второе свое Апостольское путешествие, когда после Собора, бывшего в Иерусалиме, в сопровождении Силы, посещая предварительно преждеоснованные им Церкви, прибыл в Листру Ликаонскую. Здесь свидетельствовали о нем братия верующие, – и местные, и соседнего города Иконии (Деян. 16:2), – свидетельствовали, конечно, не об одной нравственной его доброте, но и о полноте ведения Евангельского с ревностью распространять его, защищать и укоренять. По этому поводу Дух Божий указал в нем святому Павлу доброго ему помощника в деле благовестия, – и он избрал его и взял с собою.

Предание, впрочем, возводит первую встречу апостола Павла с святым Тимофеем ко времени первого в Листре насаждения им веры, прилагая, что тогда же родилось у него и намерение употребить его в дело благовестия. Когда святой Павел с Варнавою, изгнанные из Иконии, прибежав в грады Ликаонские, исцелили в Листре хромого от чрева матери его, тогда листряне подумали, что они боги в образе человеков и собрались было принести им жертву. Когда же Апостолы убедили их, что не суть боги, а посланники Божий, на то посланные, чтоб отклонять людей от ложной веры и приводить к истинной, – и растолковали им, в чем сия истинная вера, – тогда они во множестве оставляли прежнее нечестие и веровали в Евангелие (Деян. 14). В числе их, – пишет святой Димитрий Ростовский (Святитель Димитрий Ростовский. Четииминеи, 22 января), – были бабка и мать святого Тимофея, вдовствовавшая по смерти мужа. Они уверовали в числе первых; с ними вместе уверовал и святой Тимофей, как можно

заключать из слов святого Павла, в которых он воспоминает о начале его уверования: «воспоминание приема о сущей в тебе нелицемерней вере, яже вселися прежде в бабу твою Лоиду и в мать твою Евникию: известен же есм, яко и в тебе» (2Тим. 1:5), – то есть, что и ты не отстал от них. Обрадованные уверованием, они приняли Апостолов в дом свой и всяким довольством упокоили. Тут мать предала единственное чадо свое, святого Тимофея, святому Павлу – как дар за чудо, явленное в городе их, а паче за приятую ими светлость благочестия. Святой Павел принял его и, видя юношу доброумным и кротким и благодать Божию прозрев в нем, возлюбил его и положил взять его с собою, – только не в ту пору, а после; потому что он еще был молод и имел нужду в приготовлении к труду благовестия. Оставив его до времени в доме, святой Павел поручил его мудрейшим верующим, чтоб руководили его в уразумении Писаний и приучали к трудам по делу веры среди верующих и неверующих.

Как видно, время это не потрачено напрасно. И святой Павел, пришед сюда во второй раз, спустя несколько лет, со святым Силою, нашел святого Тимофея и добрым ведцем Божественных Писаний (2Тим. 3:15), и преуспевающим в добродетели, и доброе стяжавшим свидетельство от всех христиан (Деян. 16). Он и прежде, конечно, не чужд был ведения Писаний, – до чего не могли допустить его мать и бабка, благочестивые; но теперь он навыв читать в них предуказание Евангельского учения. Вероятно, и прежде богобоязненными воспитательницами своими научен он был всяким добрым делам; но теперь его научили обращать труды добродетели на другой предмет, именно на способствование успехам Евангелия. Видя это, святой Павел и положил теперь же взять его с собою «во Апостольство и сотворить всех трудов и путей своих сошественника и соучастника неотступна и сослужителя о Господе верна».

Положив это, святой Павел положил и обрезать Тимофея, не по необходимости сего для спасения, а по благопотребности сего для успехов проповеди. Необрезанный не имел бы свободного к иудеям доступа и в домах, тем более в синагогах,

и еще более с наставлением о том, как должно веровать и спасаться. Как порядок, в каком велась тогда проповедь, требовал этого, то Апостол и решил обрезать святого Тимофея. С его стороны это была мера благоразумия, по тому началу, которого всегда держался он: «всем бых вся» (1Кор. 9:19–22), а со стороны святого Тимофея – пример полной покорности учителю, подражания ему и преданности и первая жертва любви к ближним и ревности об их спасении.

Так приготовившись, пошли на проповедь далее. На первых порах святой Тимофей не виден действующим; он только смотрел и учился. Видел обращение галатов, а может быть, колоссян, лаодикийцев и иерапольцев. Был свидетелем, как Дух Божий не попустил им идти ни в Асию, ни в Вифинию, а направил чрез Троаду в Македонию (Деян. 16:6). Наблюдал успехи проповеди в Филиппах, Солуни и Берии, с сопровождавшими ее знамениями и чудесами. Вероятно, что-нибудь и делал он во всех этих местах.

Но в первый раз свидетельство о нем встречается уже при описании дел в Берии, именно что он, когда святой Павел вынужден был перебраться в Афины, оставлен был здесь с Силою, на время, конечно не без назначения продолжать дело проповеди. Провожавшие святого Павла в Афины получили наказ к святым Силе и Тимофею, чтоб они поскорее постарались соединиться с ним. Поспешил к нему, вероятно, один святой Тимофей и рассказал о том, что терпят и чем смущаются македонские братия. Это понудило святого Павла написать к Солунянам Первое Послание, в утешение и вразумление их, и послать его с Тимофеем же, дав и ему заповедь утвердить и утешить их в вере (1Сол. 3:2). Тут святой Павел называет уже его "братом" своим, «служителем Божиим и споспешником себе в благовестии Христове»: что, конечно, было не слово ласкания, а истина дела. Возвратился святой Тимофей уже с Силою и нашел святого Павла в Коринфе, куда перешел он из Афин (Деян. 18:5).

После сего, во время полугодового пребывания святого Павла в Коринфе, во время путешествия его в Иерусалим на праздник, пребывания в Антиохии, вторичного

посещения Малоазийских Церквей в Киликии, Ликаонии, Фригии и Галатии и трехгодичного почти пребывания его в Ефесе, о святом Тимофее не поминается. Но он, конечно, с ним был во все это время; ибо для того и взят, чтоб быть при нем, – с ним был и действовал с ним, по его указанию и руководству.

Поминается о нем уже к концу пребывания святого Павла в Ефесе. Услышал Апостол Павел о некоторых нестроениях в Церкви Коринфской и положил побывать у них; но как еще нужно было кое-что сделать в Ефесе, то он послал наперед туда святого Тимофея, чтоб он там уладил дела по своему усмотрению. Между тем как святой Тимофей двигался в Коринф чрез Македонию, пришли к святому Павлу посланные из Коринфской Церкви с Посланием. Узнав определенно, в чем состояли тамошние нестроения, святой Павел написал к Коринфянам Послание Первое и отправил его со святым Титом. В этом Послании он поминает, что послал к ним «Тимофея, чадо возлюбленно и верно о Господе», чтоб он напомнил им пути о Господе (1Кор. 4:17); а после прибавляет: «когда придет к вам Тимофей, смотрите, чтоб он был у вас без страха: дело бо Божие делает, якоже и аз» (1Кор. 16:10).

Вслед за сим восстание неверующих в Ефесе понудило святого Павла оставить этот город прежде положенного времени, и он направился в Коринф чрез Македонию. Двигался он туда неспешно; ибо ему надо было прежде прибытия в Коринф видеться с Титом, чтоб узнать, как принято Послание и что произвело среди верующих. Не дождавшись его в Троаде, переехал он в Македонию и здесь встретил Тита. Тут же застал он и святого Тимофея, который не успел выйти в Коринф. Узнав от Тита, как шли дела в Коринфе, святой Павел пишет к ним Второе Послание, в коем, в надписании, ставит вместе с собою и святого Тимофея. Послание послано опять со святым Титом, а святой Тимофей пошел туда со святым Павлом, после него. Ибо там видим его во время писания оттуда святым Павлом Послания к Римлянам, которым он пишет целование и от Тимофея, «споспешника» своего (Рим. 16:21). И на возвратном пути оттуда, после трехмесячного там пребывания, видим

святого Тимофея со святым Павлом, в числе других спутников его (Деян. 20:4).

Святой Павел направлялся в Иерусалим. На сем пути был он в Филиппах, в Троаде, в Милете, Родосе, в Тире и Кесарии и во многих других прибрежных городах, где были верующие, вероятно, ученики святого Павла. В Иерусалиме святой Павел, по случаю восстания иудеев, взят властями и в узах пробыл два года в Кесарии; откуда, все же узником, отправлен в Рим, где еще просидел в узах два года. Во все это время о святом Тимофее поминается лишь в Троаде и в Риме. Но нет сомнения, что он неотлучно был со святым Павлом: таково было его назначение.

Что он был в Риме, видно из надписаний в Посланиях, писанных святым Павлом из Рима к Колоссаем, к Филимону и к Филиппийцам, где святой Павел вместе с собою ставит и святого Тимофея. В Послании к Филиппийцам святой Павел пишет, что намерен послать к ним святого Тимофея, как только узнает о своем освобождении. Вероятно, это обещание было исполнено; и, когда святой Павел сам отплыл из Рима в Малую Азию, как обещал Филимону, чрез Крит, святой Тимофей, можно полагать, направился в Македонию, чтоб, побыв в Филиппах, соединиться опять со святым Павлом, что, вероятно, и было в Никополе Киликийском, где зимовал святой Павел. Увидевшись с ним, он дал ему знать, как идут дела в Македонии и как желательно и нужно его там присутствие.

Перезимовав в Никополе, весною святой Павел направился в Македонию чрез Ефес. Долго в Ефесе, по сказанному, а может быть, и другим обстоятельствам, ему оставаться было невозможно. Почему, видя, что там нечто требует исправления властною рукою и что потребна властная рука для держания должных порядков между верующими, он рукоположил святого Тимофея во епископа, по пророчеству, с возложением рук священничества (1Тим. 1:18; 1Тим. 4:14; 2Тим. 1:6), и оставил его там, а сам отправился в Македонию, седши на корабль в Милете (где оставил Трофима по причине болезни его), чтоб чрез Троаду (где у Карпа оставил фелонь и, может быть, книги) прибыть в Филиппы. Отсюда писал он Первое Послание к

святому Тимофею, давая ему наставления о спасении паствы и воодушевляя к трудам по сему важному делу.

Апостол выражал в сем Послании намерение скоро воротиться в Ефес, вероятно посетивши Церкви Македонские и Ахайские. Но обстоятельства так сложились, что этого исполнить ему не удалось. Предание гласит, что в Коринфе встретился он со святым Петром (Евсевий Кесарийский. Церковная история. 2, 25) и с ним отправился на Запад. Святой Петр прямо в Рим, а святой Павел прежде в Испанию, и потом в Рим, где оба они попали в узы и увенчались мученической смертью. Из сих уз святой Павел писал к святому Тимофею Второе Послание о том же, о чем писал прежде, приглашая его поспешить в Рим к нему, оставленному всеми, и делая ему другие некоторые поручения. Нет сомнения, что это желание Божественного учителя было поспешно исполнено любимым и любящим учеником.

По мученической смерти святого Павла, святой Тимофей возвратился в Ефес и правил тамошнюю Церковь до своей кончины, тоже мученической, пользуясь руководством и святого Иоанна Богослова, который здесь жил и руководил пастырей всех Церквей Асийских. Во время заточения святого Иоанна Богослова в Патмосе дело руководства всех Церквей исправлял святой Тимофей, – пишет святой Димитрий Ростовский.

Мученическая кончина его (со слов патриарха Фотия (Константинопольского) была такая: совершался ефесянами-язычниками какой-то праздник, в который мужи и жены, перерядившись и надев маски, ходили по улицам города с идолами и дреколиями в руках, при бесчинных песнях и криках, разбойнически нападая на сдвигающихся и убивая их. Попался им навстречу святой Тимофей и, может быть, пользуясь случаем, простер к ним слово увещания. Но те не только не послушали его, а еще напали на него и избили почти до смерти. Когда прошла толпа, оставив на месте святого Тимофея, подошли христиане верные и, нашедши его еще дышащим, подняли и вынесли за город (на воздух; или там было жилище – его или другого кого из верных). Здесь он скоро скончался и был

погребен на месте, называемом Пион. Мощи его святым Артемием-мучеником перенесены из Ефеса в Царьград, при Констанции, и положены в церкви Святых Апостолов, вместе с евангелистом Лукою и апостолом Андреем Первозванным.

У нас в некоторых деревнях водится обычай языческий: ходить летнею ночью в известные дни с криками, песнями и еще с сохою, – чтоб прогнать коровью смерть (падеж скота). В это время не попадайся никто навстречу; убьют, почитая встретившегося коровьего смертью преобразившеюся. Подобное нечто могло быть и у ефесян-язычников.

2) О посланиях к святому Тимофею

После сказанного в общем введении в Пастырские Послания и в очертании течения жизни святого Тимофея, о Посланиях к нему святого Павла остается сказать очень немного.

а) О месте и времени написания их.

Повторим сказанное уже. Первое Послание писано из Македонии, вероятно, из Филипп, куда обещался святой Павел прибыть и где, следовательно, имел побуждение подольше побыть. Время написания его – между первыми и вторыми узами, как и Послание к Титу. Если Апостол из первых уз получил свободу в 62–63 годах, то, определив на пребывание его в Крите и в Малоазийских Церквах и на перезимование в Никополе года полтора-два, будем иметь 64–65 годы.

– Второе Послание писано из Рима, когда святой Павел был в узах и ждал конца мученического (2Тим. 4:6). Сею мученическою кончиною, бывшею в 67–68 годах, определяется и время написания сего Послания.

б) Поводы и побуждения к написанию их.

Святой Тимофей никогда почти не разлучался с святым Павлом с того времени, как взят им к себе, и если иногда посылаем был на какое дело, то всегда под ближайшим наблюдением и руководством святого Павла. Теперь он оставлен самостоятельным действователем, и по всей широте церковного управления, а главное – оставлен один. Отечески к нему расположенный святой Павел видел, как должна быть прискорбна душа святого Тимофея и как при таких чувствах трудно ему вести дела, требовавшие полного внимания и напряжения сил, не расслабляемых скорбными чувствами. Почему, немного спустя по разлучении с ним, пишет к нему Послание, которое, хотя бы ничего не содержало особенного, было бы для него и утешением, и воодушевлением, свидетельствуя о том, как духовный отец его помнит его и думает о нем. Но Послание по содержанию своему не просторечиво, а представляет довольно подробное указание,

как святому Тимофею, как пастырю, действовать должно по разным частям доброго, пастырствования, – каковое указание освобождало его от гадания, так ли поступить или иначе, укрепляло в ведении порядков без раздумываний, колебаний и без опасений поступить не как следует и тем воодушевляло на дела, одобряемые совестью и убеждением в их несомненной уместности. – Сколько в этом утешения и сколько благопоспешения доброму пастырствованию!

К этому можно прибавить и следующее: оставляя святого Тимофея правителем Церкви, святой Павел, конечно, многое сказал ему на сей предмет; но мог и не успеть или не иметь времени все сказать. В продолжение пути в Македонию, он, всегда занятый устройением Церквей, передумывал, конечно, что предлежит святому Тимофею и что сказано ему в руководство. Это могло открыть ему, что недосказано и что из сказанного пояснить и подтвердить надо. Дополнения сии он мог сделать и возвратившись, как надеялся; но, как уже научился он многими опытами, ему не всегда приходилось так вести дела свои, как загадывал. Часто течение обстоятельств, или особые указания свыше, направляли его шаги совсем не так, как он предполагал. Имея сие в мысли, не мог он не думать, что и возвращение его в Ефес могло замедлиться или даже и всем не состояться. Это предположение сильно было заставить его сесть и написать святому Тимофею, что считал нужным дополнить или уяснить и точнее определить в пастырской его деятельности. Содержание Посланий это подтверждает осязательно.

Сказанное больше идет к Первому Посланию, в котором не указывается никакого частного обстоятельства, какое можно бы почесть поводом к писанию Послания. Что касается Второго Послания, то написать его заставила Апостола необходимость иметь при себе святого Тимофея и некоторые оставленные им по дороге вещи, в чаянии скорого возвращения. Все меня оставили, пишет он. Поспеши ко мне и захвати по дороге такие и такие вещи. Может быть, это одно написать и имелось в виду. Тогда имели бы во Втором сем Послании послание, подобное Посланию к Филимону сего же Апостола или Посланию святого Иоанна к Гайю и некоей госпоже. Но как Апостол находился в

узах и участь его была в руках человека, от которого каждую минуту можно было ожидать смерти, то святой Павел счел уместным приложить к Посланию и еще нечто о добром пастырствовании. Как это важнейший предмет, то о нем речь предлежала впереди – и пошла несколько пространно, так что составила главный предмет Послания, а то, что заставило писать, явилось в виде приписки или послесловия.

в) Содержание Посланий.

Содержание обоих Посланий – одно: наставление пастырю о добром пастырствовании: «да увеси, како подобает в дому Божии жити» (1Тим. 3:15), как жить и действовать в Церкви Божией, которая есть дом Божий. Различие между ними то, что, тогда как Первое Послание касается более практической стороны пастырского служения или разных сторон и частей деятельности пастырей, Второе живописует дух и характер сего служения и деятельности в чертах общих, всеобъемлющих. При толковании выяснится это само собою.

г) Разделение.

Разделение и сих Посланий, как всех других, одинаково: между предисловием и послесловием излагается главный предмет Послания, или главное его содержание. Эти отделения будут означаемы при толковании. Заметим только, что послесловие Второго Послания, как указано, указывает повод и побуждение к писанию его; а Первое Послание почти не имеет послесловия, равно как и никаких почти обстоятельных сведений. Так осязательно сим удостоверяемся, что поводом и побуждением к написанию его послужило желание дать подробное наставление по делам пастырской деятельности.

Предисловие

1) Надпись и приветствие

1Тим. 1:1. Павел, посланник Иисус Христов по повелению Бога Спаса нашего и Господа Иисуса Христа упования нашего.

Надпись сия по духу сходна с надписями всех других Посланий святого Павла, а по выражениям напоминает надпись Послания к Титу. Она короче сей последней и может быть сочтена сокращением ее. И там говорится, что проповедание Евангелия вверено Апостолу по повелению Спасителя нашего Бога, как и только там это относится паче к Господу Иисусу, а здесь паче к Богу Отцу, или к Богу в Троице поклоняемому. И там вводится указание на упование, как и здесь, с тою лишь разностью, что, тогда как там в основание упования положено обетование неложного Бога, здесь представлено основание самому обетованию в лице Господа Иисуса, равно как в Нем же видится и осуществление уповаемого – обетованного.

«Павел, посланник», ἀποστολός. «Поелику намерен писать законоположения Тимофею (и в лице его всей Церкви), то провозглашает себя Апостолом, чтоб слово свое сделать достойным беспрекословного приятия. Не мое, говорит, буду изрекать, но Пославшего меня; смотри же не преслушай» (блаженный Феофилакт). «И везде в своих Посланиях святой Павел к своему имени прибавляет имя Апостола, научая сим слушателя, что не должно полагать, что сказанное им есть слово человеческое; потому что посланник ничего не говорит от своего лица; следовательно, назвав себя посланником, он тотчас обращает мысль слушателя к Тому, Кто его послал. Посему он во всех Посланиях ставит это имя наперед, доставляя чрез это своим словам высшую степень достоверности» (святой Златоуст).

«Посланник, по повелению Бога». «Не сказал: «зван», – но: «по повелению». Выражение: по повелению – сильнее выражения: «зван» (святой Златоуст). «Апостол дает знать ученику, что не восхитил он Апостольское звание, но получил повеление от Бога предлагать всем спасительную проповедь» (блаженный Феодорит). «Звание Апостола было велико, высоко

и досточтимом; почему видим, что Павел везде указывает на основания сего звания своего (желая показать), что он не восхищает себе чести, но приемлет ее (как справедливо ему принадлежащую) и что так поступает вследствие необходимости («долг имею неотложный, Владычнее повеление исполняю» [блаженный Феофилакт]). Притом, когда он называет себя «званным» (Рим. 1:1) и когда говорит: «волею Божию» (1Кор. 1:1) и подобное, – всем этим устраняет всякую мысль о любочестии и гордости. Потому что как тот, кто домогается той чести, которая не была дана ему от Бога, подлежит строжайшему осуждению, так и тот, кто отстраняет от себя и отвергает ее, становится виновным в другого рода грехах, – в непослушании и непокорности. Поэтому Павел и теперь, в начале Послания к Тимофею, говорит о сем в таких словах: «Павел, посланник Иисус Христов по повелению Бога» (святой Златоуст).

Апостол по повелению Бога. «Где же дано такое повеление? В Деяниях, где говорит Дух Святый: «отделите Ми Варнаву и Савла» (Деян. 13:2), где Господь Иисус говорит к самому Павлу: «иди, яко Аз во языки далече пошлю тя» (Деян. 22:21). Но что Сын или Дух повелел, то святой Павел означает повеленным от Отца. Ибо едина есть воля Пресвятой Троицы» (Экумений). И здесь святой Павел повеление об Апостольствовании представляет исходящим от Бога Спаса и Господа Иисуса, «почитая власть такую в равной степени принадлежащею Им» (святой Златоуст). «Вместе с Богом наименовал и Владыку Христа, показывая Им равночестие, и Бога назвал спасением, а Христа – упованием, не разделяя сим имен и не усваяя того одному, а другого другому, но то и другое разумея о каждом; потому что и блаженный Давид то и другое приписал одному Лицу: «услыши ны, Боже, Спасителю наш, упование всех концев земли» (Пс. 64:6)» (блаженный Феодорит).

К слову: «Бога» – приложено здесь: «Спаса нашего». Под словом: «Бог», – когда оно стоит одно, обычнее разумеется Бог Отец; а при слове: «Спаситель» – всегда помышляется Господь Иисус, Сын Божий, воплотившийся нашего ради спасения. Соединены же Они здесь по нераздельности Отца и Сына, по

коей все Отчее есть Сыновнее, и Сыновнее – Отчее. Можно при слове: Бог – помышлять здесь и о Боге в Троице поклоняемом, Отце, Сыне и Святом Духе. Ибо как все домостроительство спасения устроено, так и спасение каждого верующего устроится, по благоволению и «прозрению Отца, во святых Духа, в силу послушания и кропления Крове Иисус Христовы» (1Пет. 1:2). Бог нераздельно есть Спаситель наш: ибо нераздельны все действия Бога Триипостасного.

Господь Иисус Христос наименован упованием нашим; потому что Он с нами есть «до скончания века» (Мф. 28:20); если же Он с нами, то «кто на нас?» (Рим. 8:31). Паче же потому так наименован Господь Иисус, что в Нем созерцается осуществление уповаемого, пресекающее всякое колебание упования. Он есть сщедый и восщедый: сшел, воплотился, умер на кресте, воскрес, вознесся на небо и сидит одесную Отца. Это всё нашим естеством и нас ради. Наше естество провел Он сим путем, новым и живым, чтоб все воочию видели, куда вводит путь шествия вслед Господа, и все горели несомненным упованием, что, где Он, там будут и слуги Его (Ин. 12:26).

Соединенно же наводит Апостол на сии помышления о Боге Спасе в Троице поклоняемом и о Сыне воплощенном, уповании нашем, – не недоброму поблажая обычаю выделять в мысли Сына воплощенна из Триипостасной Единицы, а напротив, научая Сына и воплощенна созерцать нераздельным от Сей Триипостасной Единицы: ибо Он воплотился, «не оставл недр Отца», и ничего ни привнес, ни умалил, ни изменил в тайне Божеской Троицы. Научает же он сему таким наведением: Бог Триипостасный – Спас; но упование спасения – Господь Иисус – Сын воплотившийся. Но как Бог – Спас, если нет упования спасения, положенного в Сыне воплотившемся? Следовательно, Сын и воплотившийся там есть, в Боге Триипостасном, – и утверждается то о Нем помышление, что Он есть Спас.

Чего ради святой Павел внедряет здесь во внимание наипаче сии наименования: Бога – Спаса, Господа Иисуса – упования, и притом тем и другим осеняет вместе с Тимофеем и себя? Видится, что належала нужда воодушевляться. Может

быть, святой Павел был вытеснен из Ефеса неприязненностью и святого Тимофея там оставил в опасности от ее злокозненностей. Почему благовременно возводит помышления его к Спасу и упованию: чем «ободряет дух его, говоря как бы: мы имеем Спасителя – Бога и надежду – Христа. Мы много терпим, за то имеем великие надежды; мы подвергаемся опасностям, нам строят козни, но мы имеем Избавителя, – не человека, а Бога. Следовательно, ни Избавитель наш не изнеможет, потому что Он Бог, и, какие бы ни угрожали нам опасности, они не одолеют нас; ни надежда наша не посрамит нас, потому что наша надежда – Христос. Мы переносим несчастья, (укрепляясь) сими двумя, – или тем, что скоро избавимся (спасемся) от бедствий, или тем, что питаем себя лучшими надеждами. Следовательно, что бы мы ни перенесли (здесь), говорит он, все настоящее ничего не значит» (святой Златоуст).

1Тим. 1:2. Тимофею присному чаду в вере: благодать, милость и мир от Бога Отца нашего и Христа Иисуса Господа нашего.

«Присному», *υψιστω*, – подлинному, настоящему, истинному. «В вере» – показывает, в каком отношении и чрез что стал чадом, – не по естеству, а по вере, коею породил его духовно, как и о коринфянах сказал: «о Христе... Иисусе благовествованием аз вы родих» (1Кор. 4:15), – и как вообще о христианах говорит святой Петр: «порождени не от Семене истленна, но неистленна, словом живаго Бога и пребывающа во веки» (1Пет. 1:23). Говорит же все сие святой Павел, изъявляя теплую любовь свою к Тимофею, как отца к сыну, – похваляя его, как явившего такую веру, что походил ею на святого Павла, как сын на отца, – и воодушевляя его к перенесению трудностей, какие неизбежно должен был встретить в настоящее время в Ефесе.

Такие мысли находим у святых Отцов разнообразно выраженными. Святой Златоуст говорит: «сходное с сим выражение употребил Апостол и в Послании к Коринфянам, когда сказал: «о Христе Иисусе аз вы родих», – то есть родил по вере. Слово: «присному» – прибавил он, желая выразить этим,

что он совершенное и большее, нежели другие, имеет с ним сходство; притом не только это (хотел он выразить), но и свою любовь и великое к нему расположение. Заметь также, какая в этом (заключается) похвала (для Тимофея), что Апостол называет его не только сыном своим, но и присным чадом. В вере между ними не было никакого различия. И у людей по законам естества случается, что сын бывает похож на отца, однако не в такой мере, как (когда сие сходство имеет основание) в Боге (по вере); потому что тогда сходство бывает совершеннее. Здесь, хотя они по естеству одно и то же, однако ж различаются между собою во многих других отношениях, – цветом, видом, разумом, возрастом, произволением и другими душевными и телесными, наружными и внутренними свойствами; а там (в Боге, по вере) ни одно из этих различий не имеет места». Блаженный Феодорит пишет: «Апостол весьма кстати сочетал слово: «вера» – с именем, выражающим благоволение (чадо); потому что не природа, но вера сделала Тимофея чадом (святому Павлу); уверовав в Божественную проповедь, удостоился он того, чтобы Божественного Апостола называть отцом». Приложим и сказанное блаженным Феофилактом: «Чаду в вере», – то есть мною рожденному чрез веру. Похваляя же его, называет не только чадом, но и «присным» – «присным» потому, что Тимофей паче других сохраняет сходство с ним по вере, и потому, что святой Павел искренно любил его. Очень премудро приложил он: «в вере», – чтоб наиболее воодушевить в ней Тимофея. Ибо если сначала он показывал такую веру, что удостоен именоваться чадом Павла, и чадом присным, то тем паче в нее, как во всеоружие, должен он облещись теперь, чтоб не смущаться и не падать (духом при належащих стеснениях). Являть мужественное дерзновение есть дело веры».

«Благодать, милость и мир». – «Милость» – неточное начало; ибо, помилосердовав о нас, Триипостасный Бог устроил нам дивный образ спасения; «благодать», – как сила, действующая во спасение всякого верующего, приемлема будучи чрез святыя таинства во святой Церкви по вере; «мир»,

– как вожделеннейший плод в нас милости и благодати человеколюбивого Бога.

Все же сие «от Бога Отца и Господа Иисуса Христа». Не говорит только: «от Бога Отца», – чтобы кто, углубляясь в созерцание всемилостивого Бога, по делу устройства нашего спасения, не устранял из мысли Сына Божия воплощенна, без Коего никто не приходит ко Отцу. Не говорит только и: «от Господа Иисуса», – чтобы кто, обозревая дело устройства нашего спасения, не пресек восхождения своего к источнику его помышлением о Сыне воплощенном, но простирался выше и глубже, – к Богу Отцу, в тайну Триипостасного Бога. Но соединяет то и другое, чтоб научить нас, в деле устройства нашего спасения, нераздельно действующими созерцать Отца и Сына и Святаго Духа, Бога Единого, и Сыном воплощенным не заслонять Отца и Духа, и тем паче не упираться на едином человеческом Его естестве или на едином человеке Иисусе.

Зачем здесь, как и в Послании к Титу, усугублено молитвенное благожелание прибавлением: «милость»? Затем, что пастыри и учителя имеют нужду в сугубой помощи и теплейшем благоволении Божиим (святой Златоуст, блаженный Феофилакт, Экумений).

2) Начало Послания и предмет

Внушай всем не заниматься иными учениями и баснями, а все внимание и ревность обращать на главное – святую христианскую жизнь по вере.

1Тим. 1:3, 4. Якоже умолих тя пребыти во Ефесе, идый в Македонию, да завещаеши неким не иначе учить, ниже внимати баснем и родословием безконечным, яже стязания творят паче, нежели Божие строение, еже в вере.

«Якоже». Соответствующей сему «якоже» частицы нет. Ее надобно дополнить своею мыслию, так: как я упросил тебя остаться в Ефесе сделать то и то, то и делай это. Я пропишу тебе на это несколько указаний и правил. Правила сии – содержание Послания. – «Умолих». «Сыну отцом быть умоляему не следовало; но, по теплой к нему любви, и вместе, чтоб показать ему пример смирения, Апостол умоляет его» (Амвросиаст). Тут могло быть дело взаимной любви. Святой Тимофей желал идти с святым Павлом, боясь за него по причине трудностей и опасностей, каким он мог подвергнуться в дальнейшем пути, при неприязненности к нему неверующих, которая, вероятно, выжила его и из Ефеса. Почему надо было упросить его оторваться на время от любимого и старательно блюдомого учителя-отца. И святой Павел не мог не видеть трудов и опасностей, какие должен был встретить святой Тимофей, оставшись в Ефесе. Почему не повелевает ему властно: останься, но умоляет, чтоб это было делом собственного произволения, которое могло придать ему более силы к понесению труда и опасностей и устранить всякую возможность ропотливости. Святой Златоуст говорит: «послушай, какая кроткая речь, как он говорит к нему не голосом учителя, а слуги. Он не сказал: я приказал, или – повелел, или даже – убеждал; но что? «Умолих тя». – Впрочем, не со всеми учениками мы должны так поступать, но только с кроткими и благонравными; а с другими – испорченными и не вполне преданными – иначе: подобно тому, как и он, в другом

месте пища, говорит: «обличай со всяким повелением» (Тит. 2:15)".

«Пребыти во Ефесе», *προσμεῖναι*, – переждать, перебыть немного без меня; потому что Апостол имел намерение скоро возвратиться, если не окажется нужды замедлить (1Тим. 3:14, 15).

«Идый в Македонию». Святой Павел не оставил бы Ефеса, не устроив там всего, если б не заставила его какая-либо крайняя нужда. Нужда сия могла и его лично касаться, как в первый раз, еще до уз, когда он верующими упрощен был удалиться по причине угрожавшей ему смерти. Могла она быть и со стороны Македонских Церквей. Там что-нибудь требовало неотложно личного присутствия святого Павла. Он и отправился туда, оставив в Ефесе наместником своим святого Тимофея, в уверенности, что он один сможет устроить, что предлежало там устроить.

«Да завещаеши неким», *παράγγειλῃς*; что значит и просто возвещать, и – возвещать повеление и заповедь, приказывать, властно к чему обязывать. «Не сказал: умоли, но: «да завещаеши», – что отзывается властною строгостию» (святой Златоуст, блаженный Феофилакт). «Неким». Не указывает определенных лиц; потому что они, конечно, были известны святому Тимофею. Или, может быть, этим внушает святому Тимофею: в речах к верующим не означать поименно инако учащих, чтоб тем не раздражить их еще более. Святой Златоуст говорит: «он не перечисляет их по именам, дабы гласностию обличения не соделать их еще более бесстыдными». Впрочем, ниже он указывает двоих, Именея и Александра, преданных сатане (1Тим. 1:20).

«Не инако учить», *μη ετεροδιδασκαλεῖν*, – что значит: «иные учения приводить» (блаженный Феофилакт), – «инако», не как повелено, учительствовать. Норма христианского учения была преподана Господом, запечатлена и восполнена Духом Святым и составляла «образ здравых словес» (2Тим. 1:13), который Апостолы всюду передавали новопросвещаемым. поскольку происхождение сего учения от Бога, Который есть самая истина, было для Апостолов так осязательно очевидно; то они всякое,

не только противное, но и разное от сего, учение справедливо считали несовместным с верою Христовою – и такое убеждение передавали всем верующим. Они не терпели, чтоб верующие вступали в спор, а прямо, с первого взгляда отвращались от всякого учения, которое было «ино». У вас несомненная истина, говорили они; почему все «иное» – не истина, нечего вам и слух свой осквернять, открывая его для таких речей. Коль скоро оказывался кто-либо такой, который, нахватавшись отынуды «иных» учений, начинал заводить о них речь вслух верующих; то они заграждали ему уста, запрещая говорить, или совсем изгоняли из общества верных, если таковые не покорялись такому запрещению. Как сами действовали, так заповедывали действовать и тем, которых оставляли в Церквах вместо себя, – так теперь заповедует и святой Павел Тимофею: не позволяй никому приводить иные учения.

Святой Павел не определяет, что это было за иное учение и кто были иноучащие. Довольно одного того, что учение было ино и учащие учили инако, чтоб отвратиться и отвращать от того и этих. Когда бы всегда это правило сохранялось среди верующих, сколько бы уклонений от истины предотвращено было одним этим!

Эти инако учащие могли быть и из язычников, которые, покушаясь согласить веру Христову с языческими мудрованиями, составляли некое смешанное учение и его начинали проповедывать. Но вернее положить, что они были из иудеев; ибо тогда о предметах веры могли рассуждать терпимо сколько-нибудь только иудеи. Наши толковники так и говорят, что то были иудеи. Святой Златоуст говорит: «здесь находились некоторые лжеапостолы из иудеев, которые хотели снова привлечь верных к закону (Моисееву); в этом повсюду обвиняет их Апостол. Между тем они делали это не столько по внушению совести, сколько по тщеславию и из желания иметь учеников; потому что они соперничали с блаженным Павлом и питали к нему зависть». Так и другие.

«Ниже внимати баснем и родословием безконечным». – «Ниже внимати» – внимания не обращать, в уме не держать, не заниматься, – не иметь такими предметами, о коих обычно

говорят: из ума у меня это не выходит, а напротив такими, о коих говорят: стоит ли об этом думать и говорить? Святой Павел ставит законом, что коль скоро какое учение ино от учения богопреданного, то от него тотчас следует отвращать и ухо, и ум, не заводя споров и состязаний.

«Басни и родословия» были и у язычников, и у иудеев. «Басни», μυθοί, – языческие – все мудрования язычников, особенно их мифология, содержание которой составляло родословие их богов. Блаженный Феофилакт пишет: «очень вероятно, что Апостол здесь намекает и на еллинов; ибо и у них есть мифы и родословия, в коих они ведут каталог своих богов» (то же и у святого Златоуста). Родословие у иудеев – то, что «они перечисляли обычно своих дедов и прадедов, мечтая тем присвоить себе некую историческую славу» (блаженный Феофилакт). «Перечень дедов и прадедов проводили они до Авраама, думая ими прикрасить себя, сами не делая ничего достойного похвалы» (Экумений). Басни же иудейские – «не самое учение закона, но иудейское толкование оно, называемое у них Вторословием (Мишна)» (блаженный Феофилакт). «Безконечными» (απεραντοίς от: πέρας – предел, цель, конец) назвал Апостол басни и родословия или потому, что толкам об этом конца нет, или потому, что толки об этом не имеют доброй цели и пользы никакой не приносят, или потому, что они запутаны, не имеют определенности, так что их трудно схватить умом (святой Златоуст, Экумений, блаженный Феофилакт). В наше время баснями, от коих следует отвращать и слух, и ум, можно назвать фантастическую историю самообразования мира, без творческого Божиего действия.

«Яже стязания творят паче». – «Стязания», ἐκζητήσεις, – изыскания, исследования, совопросничество, питание. «Стязание трактует, что, от чего, для чего, как, каким образом сделалось и есть то или другое, – что не способствует, а скорее препятствует спасению» (Амвросиаст). Помянутые басни и родословия, как человеческие измышления, не носят печати удостоверяющего в истине авторитета; почему раздражают пытливость и порождают стязания или изыскания и образуют навык к тому. Навыкший же сему тем уж только и занимается,

что пытается; отчего область веры заслоняется, тускнеет, забывается, и душа наполняется пустыми и бесплодными представлениями и соображениями. – Тогда вера замирает; если же при сем пытливость добывает такие самодельные определения и решения, которые несогласны с верою, то вера совсем разоряется.

Так изыскания не творят «Божия строения, еже в вере». – «Строение», οἰκονομία, – экономия. Экономия занимается хозяйственным добром, его приобретением, умножением и употреблением, чтобы всем в доме всего было достаточно. Дом Божий – Церковь, устрояющая спасение верующих. Бог наполнил сей дом всяким добром во спасение наше. Экономия Божия в сем доме состоит в том, чтоб все беспрепятственно пользовались всяким добром, находящимся в нем, и устроили чрез то свое спасение. Распоряжается всем здесь Божия благодать; рука, приемлющая от нее нужное добро, есть вера. Что способствует вере, то способствует приятию всякого добра от благодати к совершению спасения, и чрез это благоприятно Божией экономии; а что не таково, то не благоприятно Божией экономии. Апостол утверждает, что стязания, порождаемые человеческими измышлениями, неблагоприятны Божией экономии, «Божью строению, еже в вере», – расстраивают веру, – сию единственную руку, предназначенную и гоую к приятию добра из Божией экономии, раздаваемого щедро благодатию, и тем пресекают действие спасения, создаваемого благодатию по вере. Наши толковники преимущественно обращают внимание на эту вредность для веры, происходящую от стязаний и изысканий. Блаженный Феофилакт пишет: «Бог ввел такую экономию, чтоб в ней все было принимаемо верою; а они вводят изыскания, расстроивающие сию Божию экономию». Экумений спрашивает: «какая Божия экономия?» – и отвечает: «та, чтоб блага Его принимать верою, потому что они непостижимы; а заводить изыскания относительно каждого из них противно Божиим по дому Его распоряжениям». Поясняет сие блаженный Феодорит: «излишние изыскания неразумны, а вера просвещает ум и открывает Божественное домостроительство».

Святой Златоуст пространнее рассуждает о сем предмете, и прочитывать его суждения не бесполезно во всякое время. Приводим их.

«Видишь ли, как он порицает неуместное исследование? Ибо, где есть вера, там не нужно исследование; где ничего не нужно исследовать, зачем там заниматься исследованием? Исследование разоряет веру: кто исследует что-либо, тот еще не дошел до (познания) того; невозможно, чтобы верил тот, кто занимается исследованием. Посему-то Апостол и говорит: не будем заниматься исследованием, потому что исследование уже не есть вера; ибо вера действует успокоительно на ум. Но (скажет кто), как же Сам Христос Господь сказал: «ищите, и обрящете» (Мф. 7:7) и: «Испытайте Писания» (Ин. 5:39)? В первом месте «ищите» означает прошение, сильное желание; а в другом «испытуйте Писания» не только не налагает никакой обязанности исследования, но даже устраняет ее; «испытуйте» – то же, что: изучайте и узнавайте подлинный смысл Писания, не для того, чтоб вечно заниматься исследованием, а чтобы прекратить всякое исследование. Бог восхотел даровать нам многое, но наш ум не объемлет величия Его домостроительства. Поэтому то, что составляет величайшее врачевство для душ наших, должно совершаться при помощи веры: наши исследования несообразны с домостроительством Божиим. А что устрояется при помощи веры? То, что мы приемлем Божий благоденствия, соделываемся лучшими, ни в чем не сомневаемся, ни об чем не недоумеваем и приходим в совершенное успокоение. Между тем то, что совершает и устрояет вера, разрушает наша пытливость, возбуждая множество вопросов и ниспровергая веру. – Не будем же заниматься изысканиями; ибо мы для того и называемся верными, чтобы несомненно верили тому, что нам сказано, и ни в чем не сомневались. Если бы сказанное нам происходило от людей, тогда следовало бы заниматься исследованием сего; но так как оно происходит от Бога, то нужно только благоговеть пред этим и верить сему. Если же не будем верить этому, то не будем убеждены и в том, что существует Бог. Ибо как ты можешь знать о том, что существует Бог, когда ты подвергаешь

исследованию Его слова? Первый признак того, что ты знаешь Бога, состоит в том, чтобы верить сказанному Им, не требуя ни объяснений, ни доказательств. Справедливо подвергать исследованию учение еллинов, потому что оно изобретено человеческою мудростию; а наше учение открыла нам благодать Святаго Духа».

1Тим. 1:5. Конец же заветования есть любви от чиста сердца и совести благая и веры нелицемерная.

Там сказал, чем не следует заниматься, а здесь указывает, на что исключительно должно быть обращено все внимание и устремлена ревность. Тут главное – любовь, а ее качественное, оживление и направление составляют чистое сердце, совесть благая и вера нелицемерная. И все они нераздельны, одна в другую входят, одна другую поддерживают и возвращают. Любовь – райское многоплодное дерево, а почва, атмосфера, теплота, свет и влага, необходимые для питания и возвращения сего дерева, суть чистота сердца, покой совести и вера нелицемерная. Вот о чем надлежит ревновать и вот как должно направлять всю заботу и все напряжение сил! Се – конец всего.

Для пасомых в этом последняя цель нравственных стремлений, а для пастыря – «конец заветования», παρρησιας, -пастырских увещаний, советов, повелений, трудов и забот. Сюда направь свою деятельность и, когда успеешь сделать своих пасомых такими, чтоб означенные добродетели, – любовь чистосердечная, добросовестная и верою проникнутая, – составляли отличительные черты их нрава; тогда явишься пастырем добрым, делателем непостыдным. «Тебе, говорит святой Павел Тимофею, надлежит научить их, чтоб искренно любили благодетеля Бога и имели чистую веру, подкрепляемую свидетельством совести» (блаженный Феодорит). Тогда и никакое иное учение не проникнет в них, и никакими баснями не станут они заниматься. Иное учение производит разделение. Когда союз любви крепок до того, что никакое разделяющее влияние не сильно его расторгнуть, тогда, не поддаваясь расторгающей силе иноучения, он отразит и самое иноучение. «Если внедришь в них любовь, то и всякий растленный догмат

не найдет среди них места», – пишет блаженный Феофилакт. И святой Златоуст говорит: «ничто не приносит такого вреда человеческому роду, как пренебрежение дружеских отношений и малая заботливость о сохранении их; между тем опять ничто не может дать такого хорошего направления жизни, как старание поддерживать их всеми силами. Такое (пренебрежение) послужило источником всех ересей. – Почему Павел, сказав: «да завещаеши неким не инако учить», – показывает в любви путь, которым можно сего достигнуть».

«Конец завещания – любви». Какая любовь? Всесторонняя, и к Богу, и к ближним. Любовь к Богу ревнует о славе Божией, следовательно, и о том, чтоб всюду царствовала истина Божия; такая же ревность не допустит, чтоб поднимала где-либо голову ложь, противная истине Божией. Любовь к ближним ревнует об их благобытии временном, паче же об их блаженстве вечном; и, так как последнее обуславливается сохранением веры чистою и неповрежденною, ревнует, чтоб никакое иное учение не повредило чистоты их веры.

«Любы от чиста сердца», – ибо бывает любовь и от нечистого сердца (Экумений) и такая, которая самое сердце делает нечистым. Это любовь плотская. Бывает любовь эгоистическая, которая любит не во благо любимого, а для себя; почему, коль скоро потребуется жертва самоотвержения, она не выдерживает пробы и отступает назад. Любовь настоящая все сердце наполняет и любит без всяких расчетов, не ограничиваясь одним чувством, но всегда спеша к делу. Святой Златоуст толкует: «о какой любви говорит Апостол? Об искренней, которая не ограничивается одними словами, но проистекает из душевного расположения, благоумия и сострадания. «От чиста, – говорит, – сердца», – то есть из прямодушного взаимно-общения, или искренней дружбы».

«Любы – от совести благия», – такой, которая не допускает, чтоб совесть упрекнула в том, что не все сделано, чего она требовала для любимого, или такой, которая, при всей готовности и всем усилию делать все для блага другого, никак, однако ж, не допускает ничего такого, что противно требованиям совести, или прямым заповедям Божиим. Она любит брата, но

не паче Бога, а ради Бога, за волю Которого всегда стоит совесть, носительница ее. Или любовь от совести благой есть такая любовь, о бытии которой в сердце свидетельствует совесть, о которой говорит не слово или внешнее показательство, но «внутренний помысл, который не может лгать пред самим собою. Ибо есть ли кто такой, кто притворялся бы пред самим собою или покушался от себя укрыться?» (Экумений).

«Любы – от веры нелицемерная». Взаимная любовь насаждена в сердце; она есть естественное в нас чувство. Все естественно любили бы себя взаимно, если бы не привзошел эгоизм, вследствие падения. После сего рядом с симпатическими чувствами, из любви исходящими, у нас стоят и чувства эгоистические, погашающие любовь симпатизирующую. В естественном порядке у иных преобладают эгоистические чувства, и тогда нет хода требованиям любви; а у иных – чувства симпатические, и тогда любви большой простор. Эта последняя любовь, по естественному настроению, действующая по сочувствию и состраданию, есть качество, достойное уважения; но она не имеет полной цены или веса, если не освящается отношением своим к Богу, то есть если не проникается верою, чтоб из нее черпать источное возбуждение, воодушевление и крепость. Только при этом любовь восходит на степень любви крепкой, яко смерть; а без сего нечем поддерживать самоотвержения, жертв которого поминутно требуют дела и труды любви.

Вера нелицемерная обнимает все догматы; и они все действительно таковы, что коль скоро нелицемерно содержатся сердцем, то непременно вызывают чувства и дела любви и воодушевляют на них; особенно таковы догматы о промыслении, искуплении и будущем блаженстве. Бог все видит и все, что по любви к Нему делается для братии, принимает так, как бы оно непосредственно делалось для Него; верующий сему как не поспешит чрез руку брата вложить требуемое в руку Божию? Сын Божий, воплотившись, предал Себя за нас; верующий сему пожалеет ли приносить в жертву Ему требуемое в помощь братиям о Господе? Вера внушает, что

жертвуемое брату слагается в вечных кровах Божиих, чтоб потом самому же жертвующему послужить как бы коштом вечным в Царствии Небесном; какой же верующий сему нелицемерно поскупится «сеять о благословении, чтоб о благословении и пожать» (2Кор. 9:6)? Так любовь наитствуется, освящается, множится и укрепляется верою нелицемерною.

1Тим. 1:6. В нихже нецыи погрешивше, уклонишася в суесловия.

«Погрешивше». ατοχησαντες. "Слово: ατοχειν – употребляется о тех, кои неискусно стреляют» (блаженный Феофилакт), не в цель, но мимо цели направляют стрелы. Указал Апостол цель для пастырских и учительских трудов в любви от чистого сердца, доброй совести и веры нелицемерной; теперь говорит о худых последствиях, если кто из них не к этому направляет свои заботы и усилия, и о последствиях для них самих, как учителей. Некоторые, говорит, не к этой цели направляя свои учительские труды, уклонились в суесловия, то есть к тому, что пред сим осудил, к басням, родословиям и бесплодным изысканиям. «Уклонились», εξετραπησαν, – сбились с прямой дороги, направились в сторону. Святой Златоуст говорит: «Апостол правильно выразился: ατοχησαντες; потому что нужно искусство для того, чтобы прямо в цель направлять удары, а не мимо нее. Поэтому необходимо, чтобы они были управляемы Духом Святым; ибо много есть причин, которые совращают с прямого пути, – между тем только одну цель нужно иметь в виду». – Одна есть норма истины, – богопреданная; что лежит вне области, ею очерчиваемой, то не может носить печати истины, и, кто говорит о том, пусторечит. А пусторечивый что за учитель? Таким образом уклоняющийся от означенной цели по тому самому теряет титул настоящего учителя.

1Тим. 1:7. Хотяще быти законоучители, не разумеюще ни яже глаголют, ни о нихже утверждают.

Сказав, что они уклонились с прямого пути, теперь объясняет, в чем это уклонение (блаженный Феофилакт), – именно в том, что захотели или вздумали учить закону, когда время закона уже прошло. Было время для закона, – и тогда, кто учил закону, не суесловил; а теперь, когда сила закона уже

престала, выступать учителем его значит трудиться попусту, суесловить. Действуя так, продолжает Апостол, они «не понимают яже глаголют», – не знают, что говорят, – сами себя обличают в том, что «не знают цели закона, ни времени, до коего ему предназначено было властвовать» (блаженный Феофилакт). «Если б они знали закон, то веровали бы во Христа; ибо, зная как должно закон, они увидели бы, что он препровождает ко Христу» (Экумений). Слова: «глаголют» и «утверждают» – не на разность предметов указывают, а на степень напряжения в учении. Утверждают, настойчиво твердят, что без того и того, в законе определенного, спастись нет возможности. Блаженный Феофилакт пишет: «о чем это утверждают? Может быть, об очищениях и разных других телесных деяниях, соблюдавшихся по закону». Это он заимствовал из святого Златоуста, который говорит: «вероятно, они рассуждали о законе и много говорили об очищениях и о других внешних обрядах».

Но кто такие они были? Как видится, они были в среде верующих, но не понимали силы веры и толковали о силе закона. Блаженный Феодорит пишет: «Апостол дает разуметь, что говорит это не о явных противниках, но об утверждающих, что уверовали в Господа, но искажающих Евангельское учение, предположив, что несмысленные их рассуждения премудрее словес Божиих. А что они были из иудеев, ясно дает сие видеть сказанное: «хотяще быти законоучители».

Святой Златоуст делает здесь общее наведение об омрачении ума чрез уклонение от главной цели – чистосердечной и добросовестной любви в духе веры. «Неведение, – говорит он, – получило свое начало от уклонения от любви. Когда душа предается предметам плотским, тогда притупляется ее проницательность; и, когда она уклоняется от любви, тогда помрачается ее умственный взор. В ком укореняется привязанность к скоропреходящему, тот, находясь в состоянии опьянения от страстей, не может уже быть нелицеприятным судьей истины».

Правило в руководство

Возложено на него не допускать, чтоб среди верующих ходили толки и учения, пустые и суесловивые, а все внимание обращать на созидание и укрепление верующих в святой, полной любви, жизни в духе веры. Теперь частные даются предписания, на что именно должно напрягать силу слова и пастырской власти, действуя в этом направлении. Это и служит содержанием всего Послания, в котором можно различать следующие части: 2) какие порядки следует заводить и содержать среди пасомых (1Тим. 2:1–15, 3:1–13); 3) как на них действовать и их руководить (1Тим. 3:14–6:19); 1) то и другое по духу веры Христовой (1Тим. 1:8–20). Как это последнее – «дух веры Христовой», – очевидно, должно служить руководящим при сем началом; то о вере во Христа Господа не раз поминается в течении Послания, как о подтвердительном и оживительном для предписываемых правил начале. В самом же начале ей посвящается особое отделение, - все остальные стихи 1-й главы. Итак, первые наставления идут:

1) О вере в Господа Иисуса

Это отделение можно счесть продолжением предыдущих слов; по крайней мере оно к ним прикрепляется течением речи. Сказал, что те, которые, оставя главное – любовь в духе веры, покушаются выставлять значение закона, сами не понимают, что говорят. Теперь разъясняет это, говоря: а) время закона уже прошло (1Тим. 1:8–10); б) настало время Евангелия, которое мне вверено (1Тим. 1:11–14); в) почему – хочешь спастись, – веруй в Господа (1Тим. 1:15–17); и: г) заключает: вот о чем учить главным образом завещаваю тебе (1Тим. 1:18–20).

а) Время закона уже прошло (1Тим. 1:8–10)

Такая мысль не выражена буквально, но составляет внутренний смысл сих стихов, без коего понять их невозможно.

1Тим. 1:8. Вемы же, яко добр закон [есть], аще кто его законне творит.

Апостол будто смягчает предыдущий укор выставляющим значение закона, что они не знают, что делают: уступаю, что: «закон добр». Но тут же прибавляет такое условие, которое сильно отнять всякое дерзновение у выступающих с учением о силе закона: «аще кто его законне творит», $\chi\rho\iota\tau\alpha\iota$, – пользуется им законно, то есть в духе самого закона, по внутреннему его смыслу и значению. Я знаю, говорит, что закон хорош; но вы нехорошо учите о нем. Вы выставляете значение его безусловно, а оно подлежит условию: «аще». Разбери теперь это условие и найдешь, что исполнение его должно вести к узрению престания закона. Закон – пестун во Христа, – он тень, тело же Христос. Следуй сему пестуну, иди по сей тени, – и дойдешь до Христа, обетованного Избавителя. Пока не приходил Христос, вы все были под пестунством, шли по тени; а когда пришел Христос, пестунству конец, и тень должна быть оставлена позади. А вы все твердите: закон, закон. Следовательно, вы незаконно им пользуетесь, употребляете его не по значению и духу его; почему не знаете, что говорите.

По особенному значению сего места, выписываем, что сказали, рассуждая о нем, святые Отцы и учителя. Блаженный

Феодорит пишет: «не закон порицаю, но худых учителей закона. Ибо знаю, что закон полезен для вознамерившихся соблюдать цель закона. Сие значат слова: «аще кто его законне творит», – то есть если кто следует цели закона. Цель же закона – привести нас к Владыке Христу, и по пришествии Его закон не имеет уже силы. Это сказал Апостол и в Послании к Галатам: «Аз... законом закону умрох, да Богу жив буду» (Гал. 2:19). Ибо закону же повинуюсь, говорит, не храню я закона». То же читаем и у Амвросиаста: «не отрицает Апостол, что закон, данный чрез Моисея, добр, так, однако ж, чтоб признаваем был смысл его и то, для чего он дан, приемлемо. Но тот знает закон и то, для чего он дан, кто, слыша проповедь о Христе, оставляет закон. Тот законно пользуется законом, кто умеет различать в нем данное на время от непрестающего и признает, что относящееся в нем к таинству Христа не должно уже быть (по пришествии Христа) соблюдаемо на будущее время; ибо это значило бы веровать, что имеет еще прийти Тот, Кто уже пришел». И у блаженного Феофилакта: «законно пользуется законом тот, кто приводится им ко Христу. Закон, не имея силы оправдывать, препровождает (ищущего праведности) ко Христу, – и это есть цель его: так что законно, – то есть так, как повелевает сам закон, – пользуется законом тот, кто закону предпочитает Христа». Это взято у святого Златоуста, который говорит: «если надлежащим образом будешь пользоваться законом, то он приведет тебя ко Христу. Ибо так как цель закона состоит в оправдании человека, а между тем он не в состоянии (этого сделать); то он приводит к Тому, Кто может (исполнить сие)».

1Тим. 1:9, 10. Ведый сие, яко праведнику закон не лежит, но беззаконным и непокоривым, нечестивым [же] и грешным, неправедным и скверным, отца и матери досадителем, мужеубийцам, блудником, мужеложником, разбойником, [клеветником, скотоложником,] лживым, клятвопреступником, и аще что ино здравому учению противится.

Слова: «ведый сие, яко праведнику закон не лежит» – объясняют, кто правильно пользуется законом или правильно к нему относится, указывая, что это есть тот, кто держит

убеждение, что праведнику закон не лежит, что он уже от него свободен. Под праведником здесь следует разумеать человека-христианина, который, уверовав во Христа, получил оправдание, то есть получил отпущение грехов и благодатное обновление, являемое святою жизнью. Для такого, конечно, не нужен закон, как указатель должного, им руководит благодать Святаго Духа, высшего закона. «Праведнику не лежит закон, -говорит святой Златоуст, – потому что он не дожидается того, чтобы закон научил его тому, что нужно делать, имея внутри себя наставляющую его благодать Святаго Духа, – не нужно наставление тому, кто не имеет недостатка в наставнике». Так как он приводится к сему, то есть вере во Христа и благодати Его, законом, ибо такова цель его; то следует, что законно законом пользуется тот, кто, достигнув цели закона, слагает с себя иго его, по полному убеждению: что он уже теперь не лежит на нем. Иначе сказать, «тот надлежащим образом пользуется законом, кто знает, что не имеет в нем нужды», – как говорит святой Златоуст. Напротив, на тех, которые не приступили еще к оправданию верою и благодатию и остаются во грехах, он лежит всею тяжестью ига своего, – обязательства, осуждения и страха, для того, чтоб действием на них тяготы такого ига побудить их взыскать облегчения и свободы, которые пред лицом их предлагаются благовестием Евангелия.

Можно предположить, что святой Павел, делая оговорку о доброте закона под сказанным условием, имел в виду уверовавших иудеев, которые, однако ж, не успели еще отрешиться от закона. Он говорит как бы им: ничего; это не послужит вам к худу, если вы будете при сем относиться к закону законно, то есть будете держать то убеждение, что не он спасает и оживляет вас к правде, а благодать по вере, он же есть как нечто у вас внешнее, стороннее. Только такое отношение к закону есть правильное, законное, держимое по смыслу самого закона. Те же, которые выставляют значение закона безусловно, не знают, что делают; не слушайте их.

Но можно принять, что Апостол выражает общее положение, под каким условием закон бывает добр. То и назначение закона, чтобы тот, кто по его руководству приходит

туда, куда он ведет, оставлял его, по убеждению, что он уже не лежит на нем.

Экумений пишет: «законно пользуется законом тот, кто ведает, что он не нужен ему для праведной жизни». А такого рода лица кто такие? На это отвечает Амвросиаст: «это те, которые, получив отпущение грехов, стали праведны, чтоб не жить уже под законом, от которого освобождены благодатию Божиею чрез веру во Христа, но, исполняя в сердце Творцом написанное (и теперь благодатию восстановленное и оживленное), чаять прочее дня судного, когда праведники получат праведное воздаяние». Тут же Амвросиаст объясняет, что первоначально образ праведной жизни начертан в естестве человека, чтоб, живя по нему, люди являлись праведными и богоугодными. Потом, когда люди, предавшись страстям, стали попира́ть тот закон естества, – Бог дал в руководство писанный закон чрез Моисея, так что, будь в силе закон естества, писанному закону не было бы места. Почему в настоящее время, когда благодать чрез веру восстанавливает в силе начертанное Творцом в естестве, -закон, прившедший по причине расстройства сего начертания, уже не нужен тем, в которых оно восстанавливается благодатию чрез веру. Подобное сему пишет и Экумений: «закон преступлений ради приложися» (Гал. 3:19); так что для праведного, который живет право по любви к добродетели, а не по страху закона, он не нужен, а нужен тем, которые не сами от себя влекутся к добродетели, но если и делают это, то только боясь угрозы закона».

На праведнике, говорит, закон не лежит, потому что, уверовав в Господа и получив благодать, он в себе носит закон исполненным; а лежит он на неправедниках, которым еще предлежит исполнить назначение закона. Сказав это, Апостол указывает далее, кто суть такие неправедники, употребляя для сего сначала общие наименования, а потом переходя и к частностям. Но и в общих наименованиях заметно движение от более общего к менее общему.

«Беззаконным и непокоривым». Беззаконник – тот, кто нарушает бесстрашно нравственный закон; а непокоривец, ἀνυποτακός, – тот, кто не подчиняется заведенным порядкам,

гражданским и общежитским. Такие живут по своей воле, сами себе бывая законом. В этом отношении они схожи с праведниками; ибо и эти сами себе закон. Только эти сами себе закон на всякое добро, а те на всякое худо, по влечению самоугодия и страстей.

«Нечестивых и грешных» можно различать так: Первые суть нарушители заповедей в отношении к Богу, которые страха Божия не имеют и ничего священного не чтут; а вторые суть нарушители всех других заповедей – в отношении к себе самим и ближним.

Эти последние в отношении к другим всякую правду нарушают, а себе всякое угодие творят в похотях и тем сквернят себя. Апостол и называет их неправедными и скверными.

По этим двум видам распределяются и следующие перечисления беззаконников в частности. К первому относятся: отца и матери досадители, мужеубийцы, разбойники, клеветники, лжецы, клятвопреступники; а ко второму: блудники, мужеложники, скотоложники. Что это за люди, понятно из их наименования. Некоторые, впрочем, наименования яснее будут поняты, если указать корни соответствующих им греческих слов. «Отца и матери досадителем», πατρολῶαις, μητρολῶαις, – таким лицам, которые крепко бьют отца и мать, как крепко бьют молотильщики молотимый хлеб. Ἄλοαις – от: ἄλωαω – молочу. «Разбойником», ἀνδραποδισταῖς, – таким лицам, которые насилием или хитростью обращают в рабство.

«И аще что ино здоровому учению противится». Здоровое учение дает мысль об учении более теоретическом, в котором нет ничего ложного, такого, что следовало бы признать заблуждением. Ложь и заблуждение – болезни учения. Здоровому учению они чужды. Проповеданное Апостолами христианское учение здорово во всем его составе. – Но учение христианское хотя исходит из теоретических догматов, но все преимущественно направлено к устройению доброй, святой и праведной жизни. Почему и разумея под здоровым учением учение христианское, можно понимать его как учение, излагающее правила святой и праведной жизни с показанием и

способов преуспевания в ней. Противно здоровому учению будет то, что противно чистой, святой нравственности. Апостол употребляет это слово (здоровое учение) и в других местах (2Тим. 4:3; Тит. 2:1), – но всё или в обличение недобрых нравов, или в руководство к указанию добрых. В настоящем месте, переименовав несколько беззаконников, на коих лежит закон, выставляет он наконец общее положение (блаженный Феофилакт): и вообще на всех тех лежит закон, кои в каком бы то ни было отношении живут противно здоровому учению или здоровым правилам святой и праведной жизни. Которые следуют здоровому учению, у тех и душа здрава; а которые живут противно ему, в тех качествует «болезнь души развращенной» (святой Златоуст).

Для таких нужен врач и врачество. Закон затем и лежит на них, чтоб, обличая, грозя и сокрушая, привести их в сознание своей болезни и опасности от нее и чрез то побудить их обратиться к единому Врачу и Его врачеству. Когда же они это сделают, то и для них станет излишен закон: ибо тогда и в них он достигнет своей цели и уступит место иному владыке и руководителю.

б) Настало время Евангелия (1Тим. 1:11–14)

И этого Апостол не выражает слово в слово, но ясно дает разуместь всем строем речи. Ибо говорит: закон не лежит праведнику по благовестию: аа) в силу Евангелия, которое теперь всюду проповедуется и приемлется (стих 11). Что это по Божиему устройству делается: бб) удостоверьтесь из моей жизни. Я был на вашей стороне и гнал Евангелие. Бог же так перетворил меня, что не только верующим сделал, но и проповедь Евангелия мне вверил (стихи 12–14). Из этого явно можете усмотреть, что время закона миновало и настало время Евангелия. Такова воля Божия.

аа) Закон не лежит праведнику – по благовестию (1Тим. 1:11)

1Тим. 1:11. По благовестию славы блаженного Бога, еже мне вверено бысть.

«По благовестию» – относится ко всей предыдущей речи, паче же к тому, что праведнику закон не лежит. Закон престал,

потому что теперь благовествуется Евангелие. Благовестие же Евангелия не ограничивалось одним словом, но тотчас же среди тех, кои веровали, заводило новые порядки жизни, по Божію повелению. Очевидно теперь, что Бог вводит новое домостроительство спасения. В силу сего закон и не лежит праведнику, то есть тому, кто получает оправдание и праведность в вере Евангельской. ««По благовестию», – говорит святой Златоуст, – значит, что для тех, кто верует в него, закон уже не нужен».

«По благовестию славы» – то же, что по славному благовестию; славно же оно и потому, что носит печать Божественности, и потому, что паче всего другого возвещает славу беспредельного милосердия к нам Божия, и потому, что приемлющих его облакает здесь славой духовною, а в будущем веке обещает облечь и видимою славой дивною.

Почему из всех качеств Евангелия Апостол помянул преимущественно о его славности, причина сему та, что он желал отвлечь внимание имевших читать его Послание от внешней неславности Евангелия, равно как и верующих в него, и направить его к узрению славы того и других – внутренней, существенной, непристающей. Это же нужно было в противовес закону, который все еще продолжал пока пользоваться славой, чтоб оставляющие его не считали себя покрываемыми стыдом по причине уверования Евангелию, яко переходящие от славного к неславному. Святой Златоуст говорит: «благовестием славы назвал Апостол Евангелие не по другой какой причине, как ради тех, которые стыдятся гонений и Христовых страданий. И ради того называет он Евангелие благовестием славы, что желал показать, что страдание Христа Господа составляет Его славу, – или даже он намекает сим на будущее. Ибо, хотя настоящее наше исполнено стыда и поношения, зато будущее вовсе не таково».

К сему же направлено и то, что Бога наименовал Апостол «блаженным», указывая тем на источник и цель Евангельского домостроительства. Бог всеблаженный в Себе благоволил создать разумные твари для участия в сем блаженстве; и, когда они по неразумию уклонились от сей цели своего сотворения,

благоволил возратить их к сему назначению, дивным неким образом, который возвещается Евангелием. Евангельская вера есть путь к причастию Божеского всеблаженства. Почему нельзя лучше возвеличить его, как назвав делом блаженного и всеублажающего Бога.

Слова: «еже мне вверено быст» – служат переходом ко второму моменту настоящего отделения. Ими внушает святой Павел, что, говоря, что теперь настало Евангелие, он говорит, как знающий дело. Ибо если ему вверено Евангелие, то он знает силу его и, придавая ему показанное значение, выставляет его таким, каково оно в существе своем есть. Это внушение тем убедительнее должно казаться, что Евангелие не от него самого имеет начало, а оно ему вверено, и вверено свыше, потому что оно есть Божие.

бб) Удостоверьтесь, что это по Божию устроению делается, из моей жизни (1Тим. 1:12–14)

1Тим. 1:12. И благодарю укрепляющего мя Христа Иисуса Господа нашего, яко верна мя непщевая, положив [мя] в службу.

Благодаря Бога за свое призвание к Апостольству и за укрепление в трудах благовестия, Апостол показывает, что если б престание закона и замещение его Евангелием не было по Божию благоволению и устроению, то Бог не отторг бы его, ревнителя закона, от закона, который он защищал с такою ревностью, не вверил бы ему проповеди Евангелия и не стал бы укреплять в трудах по сему делу. Для самого Апостола это служило воодушевившим убеждением, что новое Евангельское домостроительство взамен ветхого идет прямо от Бога. Но и на других оно не могло не производить того же впечатления; почему святой Павел всюду поминает о нем с тою целью, чтоб в этом представлять наглядное доказательство, что если вводится теперь Евангельское домостроительство вместо закона, то это не от человека, а от Бога, что тут действует Бог, а люди служат только орудиями Ему. Святой Тимофей все это знал, и нечего было бы говорить ему о сем; но хотя Послание к нему писано, однако назначалось не для одного его.

«Благодарю укрепляющего мя», ενδυναμωσαντι, – укрепившего, давшего силу или укреплявшего, дававшего силу.

Первое будет указывать на обращение святого Павла, как Господь дал ему силу уверовать, а второе – на труды в проповедании Евангелия, в коих укреплял его Господь: ибо они были выше человеческих сил. Первую мысль высказывает Амвросиаст: «всякий неверующий страдает немощию духа, связан будучи плотским умом, да не верует духовным вещам. Почему Апостол выражает здесь свою благодарность Христу Господу, что явлением ему Божественного величия Своего немощному уму его дал силу уверовать; потому что до сего он почитал невероятным, что проповедывалось о Божестве Господа, Его двояком рождении, и воскресении, и о надеждах от Него». Вторую мысль выражают все другие наши толковники. Блаженный Феодорит такие слова влагает в уста святому Павлу: «не собственною своею действуя силою, предлагаю людям учение сие, но утверждаемый и укрепляемый Спасшим меня, Который отважившегося неистовствовать против Него сделал верным служителем Евангелия». Святой Златоуст видит в словах Апостола исповедание великого ему содействия свыше. «Ибо посуди, как трудно было устоять против ежедневных поруганий, укоризн, наветов, опасностей, споров, порицаний, смертей, и не прийти в уныние, не пасть духом, не колебаться, и, несмотря на то, что отовсюду каждый день бросали в него целые тысячи стрел, стоять с твердым, бестрепетным видом. Это было выше человеческих сил».

«Христа Иисуса Господа нашего». В сознании христиан первое видится Лицо Христа Господа, Сына Божия воплощенного, а за завесою плоти Его созерцается Триипостасный Бог, единым из Лиц Своих воплощению быть изволивший. Это в сознании печатлется верою, но потом жизнь дает и опытные в том удостоверения, что всё в нас от Христа Господа. Таких удостоверений никто из внимающих себе не лишен. Павел же святой постоянно ощущал близость укрепляющего Его Господа; почему как прежде воодушевленно исповедал: «Вся могу о укрепляющем мя [Иисусе] Христе» (Флп. 4:13), – так здесь благодарит Его же, «укрепляющего».

Благодарит Господа укреплявшего, следовательно, все успехи относит к Нему. Но как укреплять достойно только

действующего и употребляющего свои усилия, то вместе с тем подает мысль, что при вере во Всеукрепляющего были и свои всевозможные усилия. Смотри на дело с сих сторон, святой Златоуст видит в словах Апостола, с одной стороны, свидетельство о его смирении, с другой – удостоверение, что в жизни по Духу веры не всё от Господа, но что требуется участие и своей воли. Он говорит: «Апостол сказал, что мне вверено благовествование славы Божией, и так как этим превознес себя и громко похвалил, то вслед за сим смиряет себя, дабы ты не подумал, что он говорит сие по гордости. «Благодарю, – говорит, – укрепляющего мя Господа». Видишь ли, как всегда он скрывает свои заслуги и все приписывает Богу, – впрочем, так, что чрез это не уничтожает свободы воли! Ибо неверующий, вероятно, мог бы сказать: если все принадлежит Богу и мы сами от себя ничего не приносим, но Бог, подобно деревьям и камням, обращает нас от порока к любомудрию, то почему Он сделал таким Павла, а Иуду нет? Поэтому смотри, с каким благоразумием, предотвращая это возражение, выражается Апостол. Он говорит: «благодарю укрепляющего мя Христа Иисуса» – это относится к Богу; затем указывает и на то, что принадлежит ему: «яко верна мя непщева», – конечно, потому, что он сам имел содействовать сему».

«Яко верна мя непщева». Благодарит, что Бог почел его достойным доверия, провидев, что он будет верен Ему. А что это так было, доказательством тому служит то, что Бог поручил ему служение благовестия Евангелия: положив мя в службу, – приставив служить Евангелию. Ибо какой хозяин вверит экономию по дому своему такому лицу, в верности которого не удостоверен? Так и Господь вверил святому Павлу благовестие, зная, по предвидению, что он будет верен. «А чтоб убедиться, что Бог избрал его, предвидев, каков он будет, послушай, что говорит Сам Бог еще прежде, нежели Апостол приступил к проповеди: «сосуд избран Ми еси, пронести имя Мое пред языки» (Деян. 9:15)» (святой Златоуст). Сознывая это в промыслительных о себе распоряжениях Господа, Апостол благодарит Его. Благодарением этим он не столько выражает радость о признании себя верным, сколько возвеличивает

порученное ему служение Евангелию; а это потому, что само Евангельское домостроительство чрезмерно велико. По причине великости его велико и быть сочтену достойным вверения служения ему, и почте ну доверием в сем деле. Таким образом Апостол выставляет преимущественную высоту Евангелия, не говоря о том буквою. Амвросиаст пишет: «Апостол почтен достойным того, чтобы ему вверено было распоряжение по делу таинства Господня (то есть Евангелия), дабы он чрез закон подтвердил истину того, что прежде по любви к закону почитал невероятным». Это он подтверждал не учением только, но и самым делом избрания своего на служение Евангелию. Всякий другой не столько бы подтвердил это, сколько Павел, ревнитель закона, претворенный еще в более ревностного служителя Евангелию.

Но остановимся вниманием на самом доверии святому Павлу и избрании его. Для святого Павла, как гонителя Церкви, было бы велико, если б он приведен был только к вере; но он не только приведен к вере, но еще поставлен служителем ей и распространителем ее: подобно тому, как если б какой виновный слуга не только был опять принят в дом, но и поставлен распорядителем по дому. Апостол видит в сем чрезмерность милости к себе и благодарит. Святой Златоуст такие слова влагает в уста святого Павла: «я благодарю Господа за то, что Он удостоил меня сего служения; потому что это составляет признак того, что Он считает меня верным. Ибо подобно тому, как в доме управляющий не только бывает благодарен господину за его доверие, но и поставляет оное признаком того, что господин считает его более достойным доверия, нежели других: так подобным образом было и здесь».

Святой Златоуст с словами: «верна мя непщева» – соединяет еще такую мысль, что «он не изменил Господу ни в чем, говорил, что все Ему принадлежит, даже свое собственное называл Божиим, не присвоя себе славы Божией». В этом он уподоблялся хорошему домоправителю, который, забывая себя, только о хозяйском добре печется и все благоуспешное относит к мудрости хозяина. «Святому Павлу принадлежало только то, что он был годен для проповеди, но, чтоб и делом совершить

то, к чему признан годным, на это он приял силу свыше, без коей ни в чем не мог бы он успеть» (блаженный Феофилакт). Это и исповедует святой Павел, как здесь, так и во многих других местах. «Ибо послушай, что говорит он: «мужие, – что вы на нас взираете? мы подобострастии есмы вам человецы» (Деян. 14:15). И опять: «паче всех их потрудился, не аз же, но благодать Божия, яже со мною» (1Кор. 15:10). И еще: «Бог... есть действуяй в нас и еже хотети и еже деяти» (Флп. 2:13). Вот это и значит: «верна мя непщева» (святой Златоуст), -то есть провидел, что он ничего себе не присвоит, но все относить будет к Господу, как источнику вразумления и силы.

Амвросиаст чувствует в сих словах Апостола радость его во страданиях за Господа, против Коего прежде шел. Говорится это уже в конце поприща вверенного служения, пройденного среди скорбей, лишений и гонений. Господь провидел, что, несмотря на все это, он будет верен. Видя это оправданным, Апостол благодарит Господа. «Такую преданную верность являл Апостол Господу, от Коего прежде отрицался, что более радовался в страданиях за проповедание веры в Него, нежели сколько прежде восхищался своими преследованиями верных».

1Тим. 1:13. Бывша... иногда хулителя и гонителя и досадителя: но помилован бых, яко неведый сотворих в неверствии.

«Хулителем» называет себя, – потому что хулил Иисуса Христа Господа и был воистину богохульником; «гонителем», – потому что гнал верующих в Господа и расстроивал их общества и Церкви; «досадителем», – потому что бранил и поносил всячески и веру, и верующих. Как безжалостно он выставляет свою прежнюю дурноту! Но это затем, чтоб тем в более ярком свете выставить милость к нему Божию, – то, несмотря на то, помилован. «Смотри, – говорит святой Златоуст, – как он, описывая свою прежнюю жизнь, превозносит милость и человеколюбие Божие: "прежде бывша мя, – говорит, – хулителя и гонителя и досадителя». Видишь ли его смирение, как он несамолюбив, какая у него смиренная душа? Он не довольствуется тем, что назвал себя хулителем и гонителем; а показывает еще, что он делал это с особенным ожесточением.

Ибо, говорит он, я не в себе только укрывал зло и не довольствовался тем, что сам был хулителем, но еще преследовал тех, которые хотели жить благочестно. Я довел богохульство до величайшего неистовства. – За это я достоин был всякого наказания, но не наказан, потому что помилован».

А помилован, потому что «неведый сотворих в неверствии». Я не ведал, что, преследуя христиан, я восставал против Бога и разорял дело Его: ибо не веровал, что Иисус Христос есть Бог и Евангельское домостроительство, заменявшее закон, есть дело Божие. «Я слепотствовал, не видел света, – не ненавистию движимый, воздвиг брань, но подвизаясь за закон» (блаженный Феодорит). «Он сознается в неведении, которое происходило от неверия» (святой Златоуст). «Он действовал так не по злобе, а по ошибке, коей удобно дается прощение, коль скоро приходит раскаяние. А кто знает, что то, что он отвергает, истинно, тот не по ошибке действует, а по злой воле и такого рана неисцельна. Ибо он, ненавистию побуждаем, ложным называет то, о чем знает, что оно истинно» (Амвросиаст). Сердце святого Павла не было развращено и повреждено какою-либо страстию. Он так деятельно ревновал по закону, потому что в славе закона видел славу Бога, давшего закон. Почему следовало только изменить его убеждение, что теперь не в славе закона слава Божия, а в славе Евангелия, чтоб изменить его образ действий и из гонителя сделать его еще более ревностным распространителем Евангелия, которое гнал. Это и совершенно явлением ему Господа.

1Тим. 1:14. Упреумножися же благодать Господа нашего [Иисуса Христа] с верою и любовью яже о Христе Иисусе.

«Упреумножися благодать» – чрезмерно великая явлена мне благодать, которая превзошла всякую меру, всякое ожидание, – была «благодать воз благодат» (Ин. 1:16). Апостол хочет сказать, что не только не наказан за свои хулы и гонение, а помилован, но, сверх того, еще преизобильно облагодатствован; под чем можно разуметь и все духовные блага, подаваемые всякому верующему, как-то: возрождение, силу, действующую во спасение, освящение, усыновление и

Царство Небесное, – и особенную благодать Апостольства. Что и последней не следует исключать из круга даров преумножившейся к святому Павлу благодати, видно из того, что слова сии состоят в прямой связи с предыдущею речью, где Апостол изъявляет благодарение Господу за доверие к нему и возложение на него служения Евангельскому домостроительству, что и есть Апостольство. Наши толковники преимущественно останавливают внимание на дарах благодати, общих всем христианам. Святой Златоуст говорит: «помилован, – говорит, – бых». Но разве это только (ты получил), разве милосердие (простиралось) до того только, что ты не понес наказания? Нет, (оно простиралось до того, что ты получил) другие многие и великие (благодаяния). Ибо Бог не только освободил нас от угрожавшего нам наказания, но и сделал праведными, и сынами, и братьями, и друзьями, и наследниками, и сонаследниками. Поэтому он и говорит: «упреумножися благодать», – выражая ту мысль, что дары сии превзошли (пределы) милосердия. Ибо так поступать свойственно не милующему только, но и любящему и совершенно преданному».

Благодать преумножилась, говорит, «с верою и любовью». Призванный уверовал, уверовав, возлюбил; вера и любовь привлекли преизобильную благодать; они сделали из сердца пространный сосуд для вмещения преизобильной благодати. «Этимими словами Апостол показал, что к полученному им привнес он от себя. Ибо, получив свыше благодать, привнес веру и любовь; уверовал искренно, возлюбил со всею горячностью и не переставал пламенеть сею любовью». – Святой Златоуст и здесь, как выше, делает наведение об участии свободной воли в деле спасения. Он говорит: «сказавши многое о человеколюбии Божиим, что (Бог) помиловал его, – хотя он и был хулителем, и гонителем, и притеснителем, – и не только не ограничился этим, но удостоил его еще великих других (благодаяний), Апостол опять подтверждает то, (что сказано) против неверных, то есть что не следует говорить, что свобода воли не существует, – прибавляя следующие слова: «с врюю и любовью, яже о Христе Иисусе». С

своей зоны, говорит он, мы только то привнесли, что поверили тому, что Он может спасти нас (и возлюбили Его). Ибо нужна нам не одна только вера, но и любовь. (Прибавляю сие) для того, что ныне много таких, которые веруют, что Христос есть Бог, однако ж не любят Его и не поступают так, как следует любящим Его».

«О Христе Иисусе» – относится как к любви, так и к вере, и означает то, что те – вера и любовь – были в духе Христовом, по Евангельскому домостроительству, христианские. По святому Златоусту, «во Христе» – то же, что: «через Христа»; но: "через Христа» – он понимает как: по домостроительству Христову. «Что значит чрез Христа? – спрашивает – и отвечает: – То, что Он был для нас виновником сего, а не закон», – того, то есть, чтоб с верою и любовью упреумножилась для каждого благодать: ибо таково домостроительство Христово. Почему заключает далее святой Златоуст: «видишь, каких благ для нас был виновником Христос и каких закон?»

Прибавим к сему: следовательно, достойно было Апостолу изливать свою благодарность Господу, что не только христианином сделал его, но и Апостолом христианства, – и излиянием такой благодарности всем внушать, что теперь никому не следует уже обращаться к оскудевшему источнику закона, но спешить к преизобильному источнику благодати о Христе Иисусе.

в) Почему, если хочешь спастися, – веруй в Господа (1Тим. 1:15–17)

Веруй; ибо: аа) Христос Господь затем и пришел, чтоб грешников спасти, и иного пути ко спасению нет (стих 15), бб) образец тебе спасения сим путем – я, который затем и помилован, чтоб все видели, куда следует направляться хотящим спастися, и спешили туда с полною надеждою (1Тим. 1:16). Поминая о сем простом и действенном способе спасения: вв) не могу удержаться, чтоб не воззвать: «честь и слава премудрому Богу!» (1Тим. 1:17). Блаженный Феодорит содержание сих стихов выражает так: «Апостол, обнаружив, что было с ним самим, доказывает, что благодать сия предложена всем».

аа) Христос Господь затем и пришел, чтоб грешников спасти (1Тим. 1:15)

1Тим. 1:15. Верно слово и всякого приятия достойно, яко Христос Иисус прииде в мир грешныя спасти, от нихже первый есмь аз.

Апостол не говорит буквою: если хочешь спастися, веруй; а только указывает самое надежное средство ко спасению. Желаящий спасения уже сам собою устремится к нему. «Верно слово и всякого приятия достойно» – слово о спасении грешников в Господе Иисусе Христе. Сам Он свидетельствовал: «изыдох от Отца и приидох в мир» (Ин. 16:28). Чего ради? «Не праведников взыскать, но грешников на покаяние» спасительное (Мф. 9:13). Пошла проповедь: «покайтесь и веруйте во Евангелие» (Мк. 1:15), и потекли на глас сей все сокрушенные сердцем и смиренные. Потекли, и спасаются. Возвещаемое словом Евангелия спасение исполняется в них делом. Ни одного истинно уверовавшего и искренно взыскавшего не обманула надежда. Все спасаются. И всякий, кто бы ни восхотел приступить к Господу, спасен будет. Удостоверяю в том собственным моим примером. Я первый из грешников и спасен. Какому же еще грешнику после меня возможно не быть спасену? Почему и удостоверяю, что «слово о сем верно и всякого приятия достойно». «Верно», – «то есть не ложно и истинно» (блаженный Феодорит). «Всякого приятия достойно» – достойно приятия открытым сердцем, без малейшей тени сомнения и колебания. «Поелику казалось невероятным, чтобы человек, несмотря на то, что он всю предшествовавшую жизнь провел (не принеся никакой) пользы и тщетно истратил ее на злые дела, мог потом спастись чрез одну веру: поэтому он и говорит: «верно слово». – И в доказательство сего приводит себя самого: меня, хульника и гонителя, помиловал Бог, и не только помиловал, но и соделал верующим. Он не только не стыдится, называя себя грешником, но еще особенно радуется о сем; так как чрез это он лучше всего мог показать великое чудо попечения Божия (о грешниках)» (святой Златоуст).

Апостол называет себя первым из грешников. Это по чувству сокрушения и раскаяния, что прежде хулил Господа и гнал Церковь Его. Хотя и было здесь некое извинение в неведении; но сердце сокрушенное не любит выставлять смягчающие вину обстоятельства, а прибегает к одной милости, безответно считая себя виновным, и, получив помилование, все его в целости относит к милости, как к единому источнику. Уже в этом Апостол являет настоящий образец для всех кающихся; но еще более в том, что он так говорит о себе и так себя чувствует, после стольких трудов во славу Божию и после стольких милостей к нему Божиих. Не перестает болеть сердце, если сознает себя оскорбившим возлюбленного, хотя он оскорбляем был прежде возлюбления. Блаженный Феодорит пишет, что «Апостол, называя себя первым из всех грешников, простирается за самый предел смирения».

Но другие иное некое предлагают при сем рассуждение. Святой Златоуст говорит: «как Апостол, сказав в другом месте, что он «по правде законней непорочен» (Флп. 3:6), здесь говорит, что он грешник и первый из грешников? Это потому, что в сравнении с тою праведностью, которой причастниками соделал нас Бог (во Христе Иисусе) и которой поистине нужно искать, грешны даже те, которые были праведны в законе: «все бо согрешиша и лишены суть славы Божия» (Рим. 3:23). Поэтому он не просто сказал: по правде, но: по правде законней. Ибо подобно тому, как человек, который приобрел много денег, хотя сам по себе и кажется богатым, однако когда сравнит свои стяжания с сокровищами царскими, то увидит себя весьма бедным и первым бедняком: так и здесь, сравнивая одну (законную) праведность с другою (благодатною), святой Павел показывает ничтожество (первой). И не только сие говорит, но еще признает грешниками тех, которые стяжали первого рода (праведность)». Ту же мысль выражает и блаженный Феофилакт, с некоторым особым оттенком. «Святой Павел ставит себя в ряду грешников, потому что пред правдою, яже о Христе, правда, яже по закону, ныне грех есть, так как время ее уже прошло. Пока было ее время, она была правдою, подобно как в ночи и луна, и свеча свет есть. Но когда явился

Христос, как солнце, тогда затмил ее. Итак, погрешает и неразумно действует, кто пользуется свечою (подзаконной правды), когда воссияло солнце (правды Христовой)».

бб) Образец спасения сим путем -сам Апостол (1Тим. 1:16)

1Тим. 1:16. Но сего ради помилован бых, да во мне первом покажет Иисус Христос все долготерпение, за образ хотящих веровати Ему в жизнь вечную.

Какое глубокое смирение! Какое сокрушенное сознание своей прежней вины! Я, говорит, столько грешен, что Господь, долготерпя мне, истощил на мне все Свое долготерпение. И это Он сделал не потому, чтоб нашел что-либо достойное во мне, но потому, что никто больше меня не делал возможным представить образец помилования такой, чтоб всякий грешник, смотря на помилование меня, не колебался, что и он помилован будет, и смело приступал веровать Господу в несомненной надежде, что и он получит жизнь вечную. Уж если я помилован; кто может сомневаться, что и он помилован будет?

Пространно изображает это святой Златоуст: «видишь ли, как опять смиряет и уничижает себя Апостол, приводя нечто иное более уничижительное? Ибо, сказав, что он помилован ради своего неведения, он указывает на то, что помилованный не очень великий грешник и не должен быть строго осуждаем. Но то выражение, что он помилован для того, дабы никто из согрешивших не отчаявался более, но был уверен, что и он то же самое получит, составляет весьма важное и очень сильное (себя уничижение). Так что Апостол, когда говорил о себе: я первый из грешников и хулитель, и гонитель, и досадитель, и «несмы достоин нарещися Апостол» (1Кор. 15:9), и подобное сему высказывал, – и тогда ничего не сказал в такой степени уничижительное для себя. Поясним это примером. Представим себе многолюдный город, которого все жители были бы люди злые, – правда, одни больше, другие меньше, однако все достойны осуждения: впрочем, в числе этих многих один кто-нибудь больше всех заслуживал бы осуждения и наказания, и был человек, испытавший все виды преступлений. Если бы, положим, кто-нибудь сказал, что царь хочет простить их всех, то

они не так легко поверили бы сему известию, пока не увидели бы, что самый преступный из всех них уже получил сие. Ибо тогда не оставалось бы никакого сомнения. То же самое говорит и Павел, – что Бог, желая уверить людей в том, что Он все им прощает, помиловал того, кто более всех согрешил. Потому что если я, говорит он, получил прощение, то пусть никто уже не усумнится относительно других. И чрез это Апостол показывает, что он не заслуживал прощения, но ради спасения других первый сподобился его. Следовательно, пусть никто, говорит он, не сомневается в спасении, когда я спасен. И заметь смиренномудрие сего блаженного (мужа). Он не сказал: да покажет во мне долготерпение, но: «все долготерпение», – как бы говоря так: ни над кем другим Бог не явил больше Своего долготерпения, как надо мною, и не обрел другого такого грешника, который нуждался бы во всем Его милосердии, во всем долготерпении, а не отчасти, подобно тем, которые отчасти только согрешили. «За образ, – говорит, – хотящих веровати Ему в жизнь вечную», – то есть для ободрения, для поощрения их».

Блаженный Феодорит, для пояснения сказанного Апостолом, приводит другое сравнение, в котором показывает, что в Господе получается не только помилование и отпущение грехов, но и уврачевание греховных ран. «Как врач, говорит как бы Апостол, когда в одном доме, в одно и то же время, много больных и все отчаяваются в выздоровлении, взяв одного наиболее труднобольного, и давая ему целительные врачевства, и приведя его в совершенное здравие, этим самым влагает доверие к себе и во всех больных: так и Владыка Христос, врач душ, вочеловечившись нашего ради спасения, изведя на среду меня, всех беззаконнейшего, не только избавил от прежних скверн, но и осыпал величайшими дарами, чрез меня показуя всем людям неизмеримое долготерпение, чтобы никто из величайших беззаконников, взирая на меня, не отчаявался в спасении. Но Божественный Апостол сказал это, водясь скромным о себе образом мыслей. Надлежит знать, что не (нравственную) жизнь свою признавал он беззаконною; но говорил так, припоминая свои покушения на Церковь, как пишет

в Послании к Коринфянам: «несм достоин нарещися Апостол, зане гоних Церковь Божию» (1Кор. 15:9)".

«Веровати Ему в жизнь вечную». – «В жизнь вечную» – показывает, что чаяние сей жизни есть неотъемлемая принадлежность веры в Господа Спасителя. «Вера во Христа бывает в надежде получить жизнь вечную» (Экумений). Жизнь вечная – венец веры в Господа. Вера в Господа есть таинство восстановления падшего. Восстановление сие тотчас и начинается, как только кто приступит верою к Господу. Но зреет и совершается большею частию сокровенно. Во всей светлости оно явится в будущей жизни, где получит и соответственное себе внешнее положение и состояние. Чаяние сего воодушевляет верующих к трудам по восстановлению, а начатки восстановления питают и оживляют самое чаяние. Вот почему Апостол, когда касается общих черт веры, никогда не забывает упомянуть и о жизни вечной.

вв) Честь и слава премудрому Богу! (1Тим. 1:17)

1Тим. 1:17. Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу, честь и слава во веки веков. Аминь.

«Вспомняв о благодеяниях Божиих, Апостол обращает язык к песнословию» (Феодорит). Апостолу Павлу обычно при истолковании дела воплощенного домостроительства возноситься к Богу в благодарении и славословии. Так и здесь, восшедши к созерцанию неизреченной премудрости и благодати Божией в том, что по отменении закона открыл Он пространную дверь спасения в Господе Иисусе для всех хотящих веровать в Него, славословит Бога. Честь и слава Богу, благоволящему спасать грешных!

Помянув, что Бог в вере всем открыл дверь спасения с обетованием жизни вечной, Апостол именует Бога Царем веков, нетленным, в показание, что исполнение такого обетования Бог держит в руках Своих. Как нетленный, жизнь в Себе имеющий непрестающую, не заимствованную и не истощающуюся, Он дает и верующим жизнь, как Царь веков, – жизнь вечную и, как невидимый, – такую вечную жизнь, которой подобия не найдем ни в чем видимом. -Премудрость Божия, столь ясно проявленная в творении, наипаче воссиявшею зрится в

воплощенном домостроительстве. Почему Апостол, подвигнутый к славословию созерцанием сего домостроительства, величает Бога здесь, – как и везде, – премудрым. – Честь и слава, Божеское поклонение и славословие, – да будет или да воздастся.

Наши толковники преимущественно обращают при сем внимание на то, к Кому относится сие славословие. Блаженный Феодорит пишет: «поелику Апостол показал, что Владыка Христос есть податель стольких благ, то, желая научить, что сделано сие по благоволению Бога Отца и содействию Божия Духа, от единого Лица перешел к общему естеству и вознес песнопение Троице и, умолчав о Лицах, песнословит Божие естество. Ибо нетрудно и узнать, что сказанное принадлежит не только Богу Отцу, но и Сыну и Святому Духу. Ибо Царь веков – не один Отец, но и Единородный Сын, – так как Он есть Творец веков, – а также и Дух Святой, – так как и Его вечным назвал Божественный Апостол, сказав: «иже Духом Святым (греческое: αἰώνιου – вечным) принесе Себе непорочна Богу» (Евр. 9:14). Также и нетление и невидимость свойственны и Сыну и Духу. А как сие таким образом приведено в ясность, то и имя Бога, поистине, есть имя Единой Троицы. Ибо, кроме Нее, нет иного Бога по естеству».

То же и у других. Блаженный Феофилакт прилагает нечто к истолкованию слов: «единому премудрому». «Это, – говорит, – сказано для того, чтоб показать, что хотя и Ангелы, и люди имеют премудрость, но настояще премудр один Бог, как источник и виновник премудрости, все же другие твари, имеющие премудрость, делаются причастными ее».

Святой Златоуст из слов: «честь и слава» – делает такое приложение. «Честь и слава воздается не словами. Поэтому, так как и Он почтил нас не словами, а самым делом, то и мы воздадим Ему честь самым делом». Продолжает сие приложение блаженный Феофилакт: «слава и честь, словом воздаваемая, являет нас только благодарными, а воздаваемая делом, делает нас подражателями Ему, – что гораздо больше. Бог требует от нас прославления Его и словом, чтоб мы любили Его, Ему внимали и повиновались и чрез это сами же получали

пользу; подобно тому как и дивящийся (отрящий) на славу солнечного света себе самому доставляет пользу, наслаждаясь светом и пользуясь им при делах своих, а не пользующийся им самому себе причиняет ущерб и лишение».

г) Вот о чем учить завещаваю тебе (1Тим. 1:18–20)

1Тим. 1:18. Сие же завещание предаю ти, чадо Тимофее, по бывших на тя прежних пророчествиих, да воинствуеши в них доброе воинство.

«Сие же», ταῦτα, – таковое, вот какое «завещание». Какое же? То, что изображено пред сим, чтоб и сам уклонялся, и других отклонял от суесловий всяких, а занимал внимание одним тем, что спасение только в Господе Иисусе Христе, для чего Он и в мир пришел.

«Предаю ти, чадо». Дает заповедь, пишет закон, – действие некако властительское (блаженный Феофилакт), тяготящее и отталкивающее. Чтоб смягчить его, Апостол говорит: «предаю», παρατίθεμαι, – предлагаю – и прибавляет: «чадо». «Дает заповедь, как сыну, как родному, – не повелительно, не властительно, но отечески: «чадо Тимофее» (святой Златоуст). Впрочем, «предаю» – есть: передаю, в том смысле, что Апостолы свыше прияли залог веры, который передавали своим преемникам. В этом указывается обязательство, – благоговейно прияв, строго блюсти. Святой Златоуст говорит: «выражение: «предаю» – показывает, что преданное нужно строго хранить и что оно не от нас произошло. Ибо не мы изобрели его, но Бог даровал нам его. Но что Он даровал нам, то мы должны хранить. Он как будто так говорит: не я заповедаю тебе, но Тот, Кто избрал тебя».

Под «бывшими пророчествами» Апостол, вероятно, понимает или общий верующих голос одобрения святому Тимофею в Икони и Листре, слышанный святым Павлом, как голос Божий, в связи с каким-либо ему самому внушением при сем свыше, или какие-либо проречения о святом Тимофее бывших тогда в Церквах Пророков, подобно проречениям их об ожидавших святого Павла узах, или указания свыше, самому Павлу бывшие, ведомые и Тимофею, одно из которых, может быть, повторилось и при самом назначении его заменить

Апостола в Ефесе (блаженный Феодорит). Всяко видеть следует в сем свидетельство, с каким вниманием Апостол избирал себе преемников, и указание, с каким всегда должно сие делать в Церкви. На эту сторону дела обращает особое внимание святой Златоуст. «Звание наставника (верных) и священника весьма важно и достойно удивления, и воистину Божеское указание потребно для того, чтобы для сего был избран человек достойный. Так и было в древности; так бывает и ныне, когда мы без пристрастия человеческого совершаем избрание, когда при этом не взираем ни на что житейское, ни на дружбу, ни на вражду. Ибо хотя мы не в такой степени причастны Духа, но довольно благого намерения для того, чтоб привлечь свыше указание достойного быть рукоположену. И Апостолы, когда избирали Матфия, не были причастны Духа, но, предоставив устроение дела молитве, причислили его к лику Апостолов. Ибо они не взирали на дружбу человеческую. Так должно бы совершаться сие и теперь у нас. Но мы, дошедши до крайней степени нерадения, пропускаем без внимания и то, что вполне очевидно. Если же мы очевидного не усматриваем, то как же Бог откроет нам неизвестное? Если в малом, – говорит Он, – вы не были верны, то кто поручит вам великое? Но в то время, так как ничто не совершалось по человеческому пристрастию, то и священник поставляем был чрез пророчество. – Что значит: чрез пророчество? По внушению Святаго Духа. Ибо пророчество состоит не в том только, чтобы предсказывать будущее, но и в том, чтоб указывать настоящее. Ибо Бог открывает волю Свою праведникам. Слова: «отделите Ми Варнаву и Савла» (Деян. 13:2) были пророчеством. Так был избран и Тимофей. – Но здесь Апостол говорит о многих пророчествах, разумея, может быть, и то, по которому принял его к себе в начале, и это, когда рукоположил, как сам пишет ниже: «Не неради о своем даровании» (1Тим. 4:14)".

Апостол избрал на место себя святого Тимофея и вверил ему Ефесскую Церковь, в полной уверенности, что он исполнит как должно возложенное на него дело, удостоверен будучи в сем бывшими указаниями свыше. Говорит же о сем святому Тимофею, чтоб воодушевить его ревностью и мужеством.

Святой Златоуст говорит: «дабы возбудить его к ревности и заставить трезвиться и бодрствовать, он напоминает ему об избравшем и рукоположившем его, говоря как бы так: тебя избрал Бог, Он вверил тебе Церковь; не по человеческому избранию ты сделался служителем веры: не оскорби, не посрами Божественного избрания».

«Да воинствуеши в них доброе воинство». Управление Церковью, охранение верных с руководством их в деле спасения сравнивает Апостол с ведением войны или всеванием. Ибо тут непрерывная война с неверием, суеверием, суемудрием, слепую неприязню, война и с людьми, и с темными силами, восстающими против истины чрез людей. Посему Апостол и пишет святому Тимофею: «да воинствуеши», – говоря как бы: «надлежит тебе оказать себя достойным избрания, привести в исполнение пророчества и мужественно вступить в борьбу с супостатами-демонами» (блаженный Феодорит). «Воздвигнута сильная брань, и вообще против всех, но особенно против учителей; почему нам нужно всегда держать наготове крепкое оружие, именно – трезвенность, бодрствование, неусыпную бдительность; мы должны быть готовы на кровавые битвы, должны ополчиться и не иметь в себе ни малейшей изнеженности» (святой Златоуст).

«Да воинствуеши в них». – «В них» – относится к пророчествам и означает: во исполнение их, в силу их, по духу их, – из них заимствуя себе и побуждение воодушевляющее, и руководство вразумляющее. «Они (эти пророчества) избрали тебя на то, на что избрали; внимай же им, будь им послушен, проходи исправно добрую службу воина» (святой Златоуст). «Ради которых (пророчеств) ты принят и из-за которых избран, в тех и чрез тех воинствуй, силою Духа Святаго, от Коего и пророчества» (Экумений).

«Да воинствуеши доброе воинство» – дает или такую мысль: держи это воинствование, потому что оно добро; ибо что может быть добрее, как способствовать спасению других, содействуя исполнению того, чего ради Господь наш пришел в мир? или такую: держи воинствование добрым образом, так чтоб оно признано было добрым; ибо и доброе можно делать

недобрым образом, когда недобрые при сем имеют цели и недобрые употребляют средства. Святой Златоуст указывает при сем, какое вообще в нравственном порядке бывает недоброе воинствование. «Апостол сказал: проходи добрую службу воина, – добрую, ибо есть и злая служба воина, о котором он говорит: «Якоже... представите уды ваша рабы нечистоте и беззаконию» (Рим. 6:19), – в оружия греху и нечистоте. И эти проходили службу воина, но под властью тирана, а ты проходи под властью Царя».

1Тим. 1:19. Имея веру и благую совесть, юже нецыи отринувше, от веры отпадоша.

Что в начале указал как норму для научения и руководства пасомых, то теперь возлагает как нравственный долг на самого учителя. Там говорил: «конец заветания любви от чиста сердца, и совести благия, и веры нелицемерных» (1Тим. 1:5); здесь внушает: «воинствуй доброе воинство, имея веру и благую совесть». Главное и в пасомых, и в пасущем – вера и благая совесть. Вера обнимает все веруемое – Бога в Троице поклоняемого Творца, Вседержителя, Промыслителя, Искупителя, Освятителя и Судию, – паче же то, что Он, желающий спасения всякого грешника и устроивший дивный для всех образ спасения, примет и меня, с верою приступающего к Нему за спасением, и спасет, как Сам ведает. Совесть же благая требует «жизни, украшенной целомудрием и правдою (любовию и благочестием). Надлежит с верою сопрягать и такую похвальную жизнь» (блаженный Феодорит). И это как пасомым, так тем паче пасущему. И Апостол здесь как бы говорит поставленному пасти и учить Тимофею: «не думай удовольствоваться тем одним, что ты по пророчествам поставлен священствовать; но тебе надлежит иметь веру правую, чтоб право раздавать слово истины, и благую совесть или жизнь незазорную, из коей благая совесть, чтоб мог ты и над другими предстоятельством благотворно» (блаженный Феофилакт). «Добрый учитель воздерживается от всего противного истине и тем своей проповеди придает наибольшую достоверность. Одним примером добрых дел многих привлекает он к верованию, располагая их полагаться на его слово»

(Амвросиаст). «Потому учитель должен сначала научить себя самого. Ибо подобно тому, как военачальник, если бы он прежде не был отличным воином, то не был бы никогда и военачальником: так и учащий. Это Апостол говорит и в другом месте: «да не како, иным проповедуя, сам неключим буду» (1Кор. 9:27)» (святой Златоуст).

«Юже нецыи отринувше, от веры отпадоша». – «Юже» – совесть, – «отринувше», – оттолкнув, презрев, поправ, отпали от веры. Так много правость веры зависит от доброй жизни. Спаситель самое уверование или уразумение, что Его учение от Бога есть, поставил в зависимость от ревностного желания творить волю Божию (Ин. 7:17). Но как начало, так и продолжение верования, или прочность и правость веры, зависят от доброй совести. Кто попирает совесть, тот очевидно не ценит и веры. Почему, если он учитель, то проповедует учение свое лицемерно (Амвросиаст). К тому же небрегающий о доброй совести, позволяя себе произвол в области жизни, навывает терпеть и допускать произвол и в области мысли, держимой в порядке у верующего верою. Этот произвол охотно принимает всякие предположения, несогласные с верою, которые, не быв устранены, скоро переходят в вероятности, а наконец держимы бывают с убеждением, в противность вере. Особенно это случается в отношении к тем пунктам веры, которые сильно беспокоят за недобрую жизнь. Дошедший до сего есть уже отпавший от веры, хоть живет среди верующих. Таким образом, «если жизнь бывает нечиста, то отсюда порождаются и превратные догматы» (блаженный Феофилакт). «Развратная жизнь часто служит основанием нечестия. Иные, не вынося обличений совести, с ними отвергали и простирающийся на все промысл Божий и бывающее приписали судьбе и року» (блаженный Феодорит). «Когда жизнь становится достойною осуждения, тогда возникает такое же учение. И можно видеть многих, которые, ниспадши в бездну грехов, совратились в язычество. Они для того, чтоб не терзаться страхом будущего суда, стараются убедить себя в душе, что угрозы те ложны. А все сие оттого, что много поблажают уму (как поблажают сердцу) и, умствуя, все подвергают исследованию.

Умствование производит кораблекрушение (в душе), а вера есть в некотором смысле надежный корабль, – и уклоняющиеся от него неизбежно терпят кораблекрушение, – чему Апостол указывает и пример» (святой Златоуст).

1Тим. 1:20. От нихже есть Именей и Александр, ихже предах сатане, да накажутся не хулити.

«От нихже». Следовательно, там не двое было таких; выставляются же эти двое, вероятно, по причине неудержимости их языка, по которой они всюду разносили хульные речи о домостроительстве спасения в Господе Иисусе. За это подпали и особенному наказанию, – духовному, но для всех видимому и не нестрашному, именно – преданию сатане. Не в первый уже раз употребляет Апостол это наказание; в Коринфе ему же подвергнут был кровосмесник (1Кор. 5:5). Но что это за предание сатане?

Есть две области, -светлая область веры и добродетели, в Боге живущая и Богом живимая, – и темная область богоборства и греха, врагом нашим, сатаной, устрояемая и блюдомая. Первая есть Церковь святых Божиих, вторая – всё, что вне Церкви. Таким образом, выступающий из Церкви или отлучаемый от нее неизбежно подпадает его власти и влиянию. Святой Златоуст говорит: «если хочешь знать, как Апостол предавал виновных сатане, послушай. «Собравшимся, – говорит, – вам и моему духу, с силою Господа нашего Иисуса Христа, предати такового сатане» (1Кор. 5:4, 5). Следовательно, виновного тотчас извергали из общего собрания, отлучали от стада, он оставался одиноким и нагим, предавался волку. Ибо подобно тому, как облако покрывало еврейский стан, так Дух Святой – Церковь. Поэтому, кто был извергаем из нее, тот сгорал; а извергаем был из нее виновный по суду Апостолов. Так и Господь предал Иуду сатане. Ибо тотчас «по хлебе вниде в онь сатана» (Ин. 13:27).

Но этим одним невидимым, в духе совершавшимся бедствием дело наказания преданием сатане не ограничивалось. Наказывались некоторые виновные для вразумления прочих; потому наказание должно было быть видимо, состоя или в болезнях и лишениях телесных, или в

исступлении ума, по временам бывавшего. И надо положить, что как в Коринфе виновный предан сатане во измождение плоти; так нечто подобное пострадали и наказанные тем же в Ефесе. Блаженный Феодорит пишет: «Апостол предал их диаволу, как жестокому исполнителю казни. Ибо (тогда обычно) отлученные от Церкви и лишенные благодати подвергались жестоким ударам от противника, впадая в трудные болезни, страдания, утраты и другие бедствия. Сатане приятно налагать это на людей, так как он, по слову Пророка, и враг, и местник (Пс. 8:3)». В пояснение этого Амвросиаст прибавляет: «вот почему в Евангелии сказано между прочим тридцатисемилетнему расслабленному: «ктому не согрешай, да не горше ти что будет» (Ин. 5:14), показывая, что по причине греха иногда тела подвергаются болезням. А что орудием к тому служит диавол, сие объяснил Господь, говоря в одном случае: «сию же дочь Авраамлю сущу, юже связа сатана се осмоенадесяте лето, не достояше ли разрешитися ей от юзы сея в день субботний?» (Лк. 13:16)".

Такому наказанию предал святой Павел тех двух виновных в бытность свою в Ефесе, лично и торжественно в присутствии всех верующих и, может быть, неверующих. Цель: «да научатся не хулити». Кто? Не эти только двое, но и все причастные той же вине, хотя и менее их дерзкие, иною их была хула. «Апостол не объявил самой хулы; потому что писал тому, кто знал дело» (блаженный Феодорит). Но очевидно, она была поднимается на дело Божие – домостроительство спасения в Господе. Чтоб пресечь такое хуление, Апостол торжественно наказал главных виновных, чтоб и их исправить, и прочих вразумить. «Обучаемым, увидев происходящий от хулы вред, естественно было переменить свой образ мыслей» (блаженный Феодорит). Святой Златоуст говорит при сем: «но как же сатана научает не хулить? Ибо если он учит других не хулить, то тем более следовало бы ему научить этому себя самого. Если же он доныне не может этому научить себя, то не может и других. – Апостол не сказал: да научат их не хулить, но: «да научатся не хулити». Не он совершает это, но это бывает следствием (его действий). Подобным образом и в другом месте Апостол

говорит о соблудившем: «предати такового сатане во измождение плоти», – не с тою целию, чтобы спасти тело, но: «да дух спасется» (1Кор. 5:5). То есть это сказано безлично. Каким же образом происходит это? Подобно тому как палачи, будучи сами исполнены бесчисленных преступлений, вразумляют других, так и здесь (то же самое говорится) о лукавом демоне. – Но для чего (Апостол) ты сам не наказал их, как онго Вариисуса, как Кифа – Ананию, но предал их сатане? – Для того, чтоб со строгостию наказания соединить более сильное осуждение их вины; притом не маловажным было для Апостола показать, что имеет силу повелевать диаволу. Ибо чрез сие становилось очевидным, что диавол покоряется и уже против воли подчиняется Апостолам (исполняя их приговоры). Поэтому сие немало содействовало проявлению благодатных дарований».

2) Какие порядки заводить и держать среди христиан

Порядки, каких касается здесь святой Павел, суть порядки церковные. Два предмета занимают здесь Апостола: А) наставления относительно церковных собраний (глава 2) и: Б) наставления относительно лиц, избираемых в церковный клир (1Тим. 3:1–13).

а) Относительно церковных собраний

Собираются христиане воедино в храмы для молитвы. О молитве и наставление, именно: а) о ком молиться (1Тим. 2:1–7) и: б) какие при сем держать порядки (1Тим. 2:8–15). Это предметы, на которые обратить внимание требовало состояние ефесских христиан.

а) О ком молиться в церковных собраниях? (1Тим. 2:1–7)

Молиться заповедует Апостол: аа) о всех людях, – и о язычниках, а в числе их особенно о властях (стихи 1–2); бб) побуждением к каковой молитве поставляет он: α) «да тихое и безмолвное житие поживем» (стих 2) и: β) особенно то, что сие приятно Богу, Который «хочет всем спастися и в познание истины прийти» (стихи 3–7); как это видно: αα) из учреждения Им единого посредства между Собою и всеми людьми, не исключая язычников (стихи 5–6); и: ββ) как сие подтверждается назначением для призвания язычников особого Апостола, – самого святого Павла (стих 7).

аа) О всех людях (1Тим. 2:1, 2)

1Тим. 2:1, 2. Молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки, за царя и за всех, иже во власти суть.

«Убо» – частица выводная. Выше внушал, чтоб святой Тимофей всех отклонял от суесловий и направлял к жизни в духе веры по чистой совести, уверяя, что, действуя так, он будет добре вести свое воинствование. Теперь говорит: в сих видах делай то и то.

Прежде всего просит озаботиться должным ведением молитв в собраниях верующих. И, требуя сего, первое, что предлагает внимание, есть, – о ком молиться, – молиться о всех людях, и о неверующих, и в числе их о царе и властях. – Почему? Потому, вероятно, что об этом паче всего требовалось напомнить ефесянам: ибо предмет, – молитва о всех и о властях, – хотя и не неважен, но не первый. Или, может быть, такой порядок молитвословий в церковных собраниях требовалось ввести и гласно о том всем предъявить, в

отвращение распространенной о христианах врагами их молвы, будто они человеконенавистники, как видно из того, что чуждаются всех людей и обычаев людских (языческих), и будто, собираясь особо от других, они затевают крамолы. Апостол и поставил законом, чтоб ефесяне, а чрез них и все христиане, собираясь на молитву, прежде всего молились за всех людей и за власти. Христиане после сего всем могли показывать: вот посмотрите, как нам предписано молиться, и судите, человеконенавистники ли мы и крамольники. Этот порядок молитвословия сохраняется доселе в Церкви. Не по указанию ли святого Павла?

«Молю» – смиренный оборот речи, убеждающий, но нисколько не умаляющий силы законоположения. Чрез это не оставляется на произвол, так ли молиться или иначе, если кто захочет того. Подобная мягкая форма неотложных приказаний соблюдается и в общежитских отношениях.

«Творити молитвы, моления, прошения, благодарения». Последнее: «благодарения» – отличается от других и предметом, и чувством, и словом. Что касается до первых трех, то они представляются однозначными и, может быть, собраны святым Павлом воедино, чтоб только выразить: всячески молитесь, молитесь всеусердно. Так полагает блаженный Феофилакт: ««молитвы, моления, прошения», как однозначные, собраны Апостолом для возбуждения молитвенной энергии и для выражения, настаиванием чрез сии речения на одном, требования неотложно поступать так, как он заповедует». Но тот же блаженный Феофилакт далее говорит: «некоторые, впрочем, полюбопытствовали отыскать и различие в сих речениях». Сделал это прежде блаженный Феодорит, из которого он заимствует показание и самых черт различия.

Можно видеть в сих речениях указания и на разные предметы молитв, и на качества молитв или разные состояния молящегося. Так «молитва», δεησις, – от: δεω, – по предмету есть «прошение об избавлении от скорбного» (блаженный Феодорит, блаженный Феофилакт), – того, что причиняет скорбь, держит в тесноте и крайности; а по состоянию молящегося есть чувство нужды и потребности предмета молитвы, от коего

(чувства) зарождается самая молитва; отсутствие коего делает молящегося равнодушным проговаривателем молитвы, а присутствие своею мерою определяет меру жара молитвенного. Хотящему молиться прежде всего надлежит запастись этим чувством и без него не приступать к молитве. – «Моление», προσευχη, – по предмету есть «испрашивание благ» (блаженный Феодорит, блаженный феофилакт); а по состоянию молящегося есть из сердца исторгающаяся, вопленная молитва, вызывающая предложение обетов и готовность на всякие жертвы, в иных же случаях сопровождаемая постами, бдениями и другими лишениями. – «Прошение», εντευξις, (от: εντευχωνω – говорить за кого пред кем), – есть по предмету ходатайственный за других вопль с жалобою на врагов видимых и невидимых и испрашиванием помощи против них (блаженный Феодорит, блаженный Феофилакт); а по состоянию молящегося есть, с одной стороны, уповательное дерзновение пред Богом, с другой – неотступность в молитве, приточно заповеданная и Спасителем. По святому Лествичнику, ходатайственный за других вопль к Богу прилично воспринимать друзьям Божиим и, следовательно, требует высокого совершенства нравственного и великой близости к Богу; неотступность же всякому не непристойна.

Но все же общее всем сим трем есть испрашивание у Бога благопотребного, какого бы рода оно ни было; от коего прямо отлично благодарение, обращаемое обычно не на чаемые блага, а на блага уже полученные, вкушенные и вкушаемые. Василий Великий учит всякую молитву начинать благодарением, уверяя, что благодарение за полученные блага сильнее всякого прошения ходатайствует о даровании благ новых. У Апостола оно поставлено здесь после прошений, может быть, для того, чтоб, если б оно было поставлено впереди прошений, мы не подумали, что за «вся человеки» просить только следует, а не и – благодарить. Апостол требует, чтоб мы благодарили за других, в той уверенности, что ничто так не сильно свидетельствовать о нашей взаимной любви, оживлять ее и укреплять, как благодарение за блага, полученные другими. Почему и поставил «благодарение» пред: «за вся человеки».

«За вся человеки» – за всех людей, не только верных, но и неверных. Святой Златоуст с движением говорит при сем: «знают посвященные в таинства, как бывает у нас при ежедневном богослужении, каждый день и утром, и вечером, – как мы творим молитву за весь мир. – Священник есть как бы общий отец целой вселенной; поэтому прилично ему заботиться обо всех, подобно тому, как печется о всех Бог, на службу Которому он поставлен. Вследствие того Апостол и заповедует молиться за всех. – Отсюда проистекают два благие следствия: с одной стороны, чрез это разрушается ненависть, которую иные питают ко внешним (не принадлежащим к Церкви); потому что никто не может питать враждебных чувств к тому, о ком моление творит. С другой – и те (внешние) становятся лучше, отчасти потому, что за них возносят молитвы (по невидимому влиянию молитвы), – отчасти и потому, что они (слыша, что за них молятся) отлагают ожесточение против нас. Ибо ничто столько не содействует успеху учения, как то, чтобы любить и быть любимым. Подумай также о том, что значило для тех, которые злоумышляли, наносили побои, изгоняли, умерщвляли (христиан), – услышать, что те, которые переносят такие страдания, возносят к Богу прилежные молитвы за причиняющих им (эти страдания)! Видишь ли, в какой степени, согласно с желанием Апостола, христианин должен быть выше всех? Ибо подобно тому, как к малым детям нисколько не уменьшается (отцова) любовь, хотя бы дитя, взятое на руки, даже ударило своего отца по лицу; так и мы нисколько не должны уменьшать нашей любви ко внешним, хотя бы мы переносили от них удары. – «Молю, – говорит, – творити... и благодарения за вся человеки». Потому что нужно благодарить Бога и за те блага, которые посылаются другим, например, за то, что Он «солнце сияет на злыя и благия и дождит на праведныя и неправедныя» (Мф. 5:45). Видишь ли, что Он соединяет и связывает нас друг с другом не только посредством молитвы, но и посредством благодарения? Потому что, тот обязан благодарить Бога за блага, ниспосланные его ближнему, тот обязан и любить его, и дружески быть к нему расположенным. – А если нужно благодарить за то, что

ниспосылается ближнему, то тем более – за то, что совершается с нами самими, и в тайне, и по нашему желанию, и против нашей воли, и за то, что кажется нам даже неприятным; потому что Бог все нам во благо устрояет».

«За царя и за всех, иже во власти суть». – «Иже во власти суть» – не те, кои в руках власти состоят, подвластные, но сами в своих руках держат власть над другими, властители разных степеней; τῶν ἐν ὑψέροχῃ οὐτῶν, – сущих на высоте, стоящих выше других, – тоже всех, то есть всяких степеней. «Хотя бы цари (и прочие под ними власти) были неверны; однако ж должно об них молиться: ибо тогда они все были таковы» (блаженный Феофилакт). «Так и пленные в Вавилоне иудеи писали оставшимся в Иудее, чтобы принесли молитву за Навуходоносора и сына его Валтасара» (блаженный Феодорит). Но чего ради Апостол не сказал прямо: за царя и за власти, но прежде сказал: за всех людей, а потом уже и – за царя с властями? Того ради, чтоб не сочли его льстецом, говорящим не потому, что так требует истина Божия, а по неким внешним уважениям. Если б он сказал прежде: за царей или за одних царей; тогда, может быть, кто-либо заподозрил бы его в этом. Это навело бы вообще на его слова невыгодную тень (святой Златоуст, блаженный Феофилакт).

бб) Побуждение к молитве (1Тим. 2:2–7)

Молясь о всех, и особенно о властях, что следует иметь в виду, чего им желать? α) мира и благоденствия, чтоб среди их мира и нам покойно было преуспевать в благочестии и чистоте (стих 2). Но как вслед за сим Апостол поминает о деле, наиболее Богу приятном, именно спасении всех, то этим внушает, что, молясь о внешнем благе всех, должно молиться и: β) о внутреннем их благе, именно чтобы все познали единственный путь спасения и вступили на него, – что наиболее приятно Богу (1Тим. 2:3) (стихи 3–7), как видно: αα) из учреждения Им единого посредничества между Собою и всеми людьми, – и язычниками (стихи 5–6), – и как: ββ) подтверждается назначением особого Апостола для призвания язычников, самого святого Павла (стих 7).

α Да тихое и безмолвное житие поживем (1Тим. 2:2)

1Тим. 2:2. Да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте.

Прямо выходит: молитесь за всех и за власти, чтоб нам было хорошо. Но нам как может быть хорошо, если и всем не хорошо? Посему надо видеть в сих словах заключенную и молитву о мире и благоденствии всех: власти – чтоб имели силу внутри и обладали средствами защиты всех совне, чтоб, имея власть внутри, правду блюли, злотворцам не давали ходу и способы к благосостоянию размножали (Амвросиаст); подвластные чтоб, пользуясь порядками, блюдомыми властями, жили спокойно и счастливо. Когда таким образом все будут наслаждаться миром, тогда и нам можно будет жить мирною и безмятежною жизнью. – Далее, – так как, при мире ненаших, наш мир не есть необходимое следствие, а случайность, более или менее вероятная; то, поставляя в такую тесную связь наш мир и безмятежие с молитвою о всех и о властях, не дает ли Апостол доразуметь, что молитва о них должна иметь и такой пункт: расположи, Господи, их сердца к нам, чтоб, благосклонно относясь к нам, они не мешали нам жить мирно и безмятежно.

Святой Златоуст полагает, что сказать такие слова побудило Апостола желание предотвратить возможное у верующих смущение при заповеди молиться о неверных во время совершения таинств. Он говорит: «так как вероятным было, что душа христианина, слыша это (творить молитву за всех), могла прийти в недоумение и не согласиться с этим наставлением, что при совершении таинств должно приносить молитвы за язычника; то посмотри, что он говорит и какие предлагает выгоды, дабы хотя таким образом склонить их к принятию его внушения. «Да тихое, – говорит, – и безмолвное житие поживем», – то есть их спасение приносит для нас успокоение; подобно тому, как и в Послании к Римлянам, убеждая их повиноваться начальникам, говорит: «не токмо за гнев, но и за совесть» (Рим. 13:5); так как Бог учредил власти для общей пользы. Ибо не было ли бы это ни с чем несообразно, если бы мы, – когда другие выступают в поход и облакаются в оружие с тою целию, чтобы мы пребывали безопасны, – за тех, которые подвергаются опасности и несут

бремя военной службы, не творили даже молитв? Поэтому это вовсе не есть ласкательство, а делается по требованию справедливости. Ибо если бы они не избежали опасности и не имели успеха в войнах, то тогда по необходимости и наши дела пришли бы в замешательство и нестроение; тогда, – после того, как они потерпели бы поражение, – и нам самим следовало бы идти на войну, или бежать и повсюду скитаться. Они составляют, говорит он, как бы некоторого рода оплот, поставленный впереди, который охраняет спокойствие пребывающих внутри него».

Не имел ли в мысли Апостол поставить исключительным предметом молитвы за всех и за Царя их обращение к вере, чтоб, объединившись им образом в духе, всем безмятежно жить в мире и согласии, преуспевая в благочестии и чистоте? С этой мыслью в совершенном стояла бы соответствии следующая за сим речь: «сие бо добро» и прочее. Впрочем, кажущаяся своекорыстность в побуждениях к молитве: «да тихое и безмолвное житие поживем» – совершенно устраняется обращением сего тихого и безмятежного жития в средство к нравственному преуспеянию: «во всяком благочестии и чистоте». Мир и безмятежие – внешняя сторона; внутри царить должны благочестие и чистота. Апостол желает первого для второго. Се – образец истинно христианского общества! Когда в нем не на утехе и всякое самоугодие в похотях обращают свое благоденствие, а на процветание богоугодной жизни в благочестии и чистоте. «Благочестие», блюдя правую веру, к Богу устремляет, Богу угождать заставляет и все во славу Божию обращать научает; чистота требует чистоты тела от похотей плотских и чистоты души от страстей душевных. Она обозначена у Апостола словами: *σεννότης*, – что означает жизнь, всесторонне воздержную, бесстрастную, разумно-степенную, привлекающую общее уважение. Мирное и безмятежное житие, по Апостолу, получает цену только от обобщения таких добродетелей в обществе; ради чего оно должно быть желательно и составлять предмет молитвы. Блаженный Феофилакт пишет: «эти слова («в благочестии и чистоте поживем») приложил Апостол потому, что для многих

жизнь мирная, невозмущаемая бранями, служит поводом к одним утехам и взаимным неудовольствиям, от которых рождаются и неправые догматы. «Да поживем», – говорит, не в утехам и взаимно-оскорблениях, но: «во всяком благочестии», – во всяком, не только в правоверии чистейшем, свободном от всяких ересей, но и в жизни по вере (ибо есть нечестие, и жизнью являемое, о коем говорится: «Бога исповедуют ведети, дела же отменятся Его» [ср.: [Тит. 1:16](#)]). Равным образом: да поживем во всякой чистоте, σεμνότητι, – означает: да поживем не только в воздержании от дел плотской похоти, но и во всякой добродетели. Итак, нам, когда наслаждаемся внешним миром, должно мирствовать и в душе, живя в благочестии и чистоте: ибо в таком только случае и будем мы жить жизнью, воистину мирною и безмятежною. Есть три рода браней, возмущающих мир: со стороны варваров, со стороны наветников, с нами живущих в одном месте, и со стороны страстей, внутри восстающих на нас. Брань варварскую прекращает бодренность и мужество царей, которым и мы должны содействовать молитвами своими; прочие же две брани мы сами должны усмирять, – ту, которая идет от ненавидящих нас, – кроткою уступчивостию и молитвами, как дал пример пророк Давид, говоря: «с ненавидящими мира бех мирен» ([Пс. 119:6](#)); и: «оболгаху мя, аз же молихся» ([Пс. 108:4](#)), – а ту, которая восстает внутри нас самих, -всеми оружиеми правды» (то же и у святого Златоуста). Только когда подавлять будешь сию внутреннюю брань, полную цену получит и внешнее безмятежие. Святой Златоуст говорит: «какую тебе принесет пользу то, что вселенная будет наслаждаться миром, если у тебя будет брань внутри с самим собою? Надобно иметь этот (внутренний) мир. Если будем иметь его, тогда ничто внешнее не может нам причинить вреда. Если же кто, когда царствует мир вне, находится в смятении внутри, то он очень несчастный человек. – Когда наше тело восстает против души, возбуждает против нее плотские страсти и в самой душе воздвигаются то гнев, то зависть; тогда невозможно, не положив конца сей брани, вкусить блага внешнего безмятежия. Посему Апостол, сказав: «да тихое и безмолвное житие поживем», – на этом не

остановился, но присовокупил: «во всяком благочестии и чистоте»; чтоб побудить к водворению внутреннего мира. Ибо невозможно пребывать в благочестии и чистоте, если не водворен этот мир. Потому что, когда пытливые умствования колеблют нашу веру, тогда какой может быть мир? Когда тревожит нас дух нечестия, тогда какое может быть спокойствие?»

β) Сие приятно Богу, Который хочет всем спастися (1Тим. 2:3–7)

1Тим. 2:3, 4. Сие бо добро и приятно пред Спасителем нашим Богом, Иже всем человеком хочет спастися и в разум истины прийти.

«Приятно» – пред Богом, а: «добро» – как? Можно и: «добро» – понимать так же, как добро пред Богом; но можно в слове: «добро» – видеть указание на внутреннюю нравственную доброту дела молитвы, как свидетельство любви ко всем. – Бог – «Спаситель» наш не потому только, что желает спасения, но потому, что устроил образ спасения и всех спасающихся спасает сим образом, деятельно им вспоможествуя воспользоваться им. – Желаящий всем спасения, Бог желает, чтоб все пришли в познание истины о спасении, именно что оно только в Господе Иисусе Христе. Это есть неотложное условие спасения. Молитва верных о спасении неверных приятна Богу верно потому, что она содействует исполнению сего условия.

Больше и больше утверждается мысль, что Апостол, заповедуя молиться за всех людей и с властями их, разумел молитву о спасении их. Только такой мысли вполне соответствуют настоящие стихи. Молитесь о спасении всех, потому что это приятно Богу, хотящему всем спастися. Но если и не признать этой мысли исключительно, всячески при первой следует признать ее второю главнейшею: так как на ней преимущественно останавливает внимание Апостол. Блаженный Феодорит пишет: «Божественный Апостол не только ради сего («да тихое житие проживем») повелевает совершать молитвы за царей, но и для того, чтобы, отложив нечестие, обучились они благочестию». Экумений продолжает: «ибо молиться за всех людей, даже и еллинов (неверных), да

обратятся, добро и приятно Богу». «Что это значит (то есть добро и приятно)? – спрашивает святой Златоуст и отвечает: – То, что приятно Богу и Он желает того, чтоб молились за (спасение) всех. Ибо Он «всем человеком хочет спастися, и в разум истины прийти». Подражай убо Богу. Если Он желает, чтобы все спаслися, пожелай и ты того же; и если желаешь сего, то молись о сем; ибо таким людям свойственно молиться. Видишь ли, как Апостол всеми средствами убеждает душу в том, что нужно молиться и об язычниках. Это, говорит, Богу угодно, чрез это делаемся мы подобными Ему, потому что желаем того же, чего и Он желает».

Бог Спаситель хочет всем спастися. Чего же ради не все спасены и не все спасаются? – Того ради, что Бог, хотящий всем спастися, не всемогущею Своею силою содевает спасение их, но, устроив и предложив всем дивный и единственный образ спасения, хочет, чтобы все спасались, самоохотно приступая к сему образу спасения и разумно пользуясь им. Почему Апостол, сказав: Бог, Спаситель наш, «хочет всем спастися», – присовокупил: «и в разум истины прийти», – в последнем полагая условие к первому. «В разум истины прийти», – то есть прийти в познание истины. «Какой истины? Именно веры в Него» (святой Златоуст), – веры в то, что нет иного спасения, как в Господе Иисусе Христе, как тотчас и говорится (стих 5). Проповедь пошла по миру. Слышащие внимают, слагают в сердце слышанное, уразумевают истину, доходят до решения идти вслед ее, идут и спасаются богоучрежденным образом. Весь этот путь есть путь свободного, разумного произволения, коему сопутствует благодать, утверждая движения его.

И вот где, с одной стороны, причина, что не все спасаются, с другой – место влиянию молитвы верных о спасении неверных.

Не все спасаются, потому что не все внимают слову истины, не все склоняются на него, не все следуют ему – словом, не все хотят. «Если Бог желает (всем спастися), то почему же не бывает того, чего хочет Бог? – спрашивает Экумений – отвечает: – Потому что те не хотят; ибо Бог ничего здесь не делает принудительно». Подобное сему читаем и у

Амвросиаста: «если Бог, который именуется всемогущим, хочет всем человекам спастися, то как же не исполняется Его чтение? Бог хочет всем человекам спастися, но если они приступят к Нему. Ибо Он не так сего хочет, чтоб спасаемы были и нехотящие; но так хочет им спастися, если и сами они восхотят того. Он как никого не лишает спасения всемогущею силою Своею, так никого ею и не спасает. Врач объявляет обществу, что он готов всех врачевать; но, конечно, если больные будут обращаться к нему. Так и здесь – обращающиеся к Врачу душ спасаются. Не истинно было бы спасение, если б оно подавалось против воли. И порадоваться полученному спасению не мог бы тот, кто получил бы его, если б это было возможно, принужденно; не говорю уже о том, что здесь больной духом не может воспринять духовного врачевства, если вседушно не предаст себя действию его. Тут происходит не телесное, но духовное врачевание, которое никакой не приносит пользы ни тем, которые в нем сомневаются, ни тем, которые не хотят его. Ибо вера, дающая спасение, если душа не восприимет ее всем желанием, не только никакой не принесет пользы, но и повредит (послужит к большему осуждению). Благодать веры имеет силу вливать спасительное врачевство только в тех, которые вседушно предают себя ей».

Место влиянию молитвы верных о спасении неверных имеется на всех поворотах движения свободного произволения путем спасения, от первого внятия слову истины до восприятия спасения. Она влияет и на первое внятие благовестию, и на уразумение, в чем дело, и на склонение к нему, и на решение последовать ему. Как? Этого осязательно указать нельзя; но, что оно есть, на это наводит настоящее место. Богу, говорит, приятно, когда верные молятся о спасении неверных, конечно, потому, что это содействует спасению их. Как это спасение условлено познанием истины или полным приятием веры, к которому свободное произволение достигает, сделав в своем движении несколько поворотов, то очевидно, что содействующая спасению неверных молитва верных влияет на благоуспешное совершение всех этих поворотов произволения и наконец на самое восприятие спасения. Святая Церковь

верует сему, выражая свою веру молитвою об оглашенных, кои суть шествующие к восприятию спасения.

αα) Сие видно из учреждения Им единого посредства между Собою и всеми людьми (1Тим. 2:5, 6)

1Тим. 2:5, 6. Един бо есть Бог, и един ходатай Бога и человеков, человек Христос Иисус, давший Себе избавление за всех: свидетельство времени своими.

Частица: «бо» – связывает сию речь с предыдущею, как причину. К чему же именно она относится в сей силе? Можно относить ее к непосредственно стоящему впереди: «в познание истины прийти», – так: Бог всем хочет спастися чрез познание истины, – именно той, что спасение в Господе Иисусе, и только в Нем, потому что другого пути ко спасению нет. Как един есть Бог, так един же и посредник между Богом и человеками. Люди, во Адаме, отпали от Бога, в Коем их живот, – отпали и погрязли в область смерти. Предлежало им или вечно оставаться в сей смерти, или открыть путь к воссоединению с Богом, без Коего сила смерти не могла быть пресечена и жизнь их не могла стать в истинный свой чин. Как этого ни сами они и никакая другая тварь, хотя бы самая высшая, открыть и устроить не имела силы; то заступилось за них беспредельное человеколюбие Божие. Совет Божий положил воплотиться, для изъятия людей из их крайней беды, Сыну Божию Единородному, не отделяясь от недр Отчих, чтоб, умерши плотию, уничтожить силу смерти и, оживотворив в себе человеческое естество воскресением, соделаться живым соединителем человеков с Богом. Сын Божий пришел на землю, воплотился, пострадал, умер на кресте, воскрес, вознесся на небеса – и сидит одесную Бога Отца, человеческим естеством, которое, таким образом в Его Лице быв соединено с Его Божеством, пребывает соединенным с Богом Отцом, с Коим не переставал Он быть едино. Затем – верующие в Него, и сочетавающиеся с Ним таинственно, соделываются едино с Ним и чрез Него соединяются с Богом; как это засвидетельствовал Он Сам, говоря с учениками: «Аз во Отце Моем, и вы во Мне, и Аз в вас» (Ин. 14:20). Иного пути к воссоединению с Богом, в коем (воссоединении) спасение, нет. «Никтоже приидет к Отцу, токмо Мною» (Ин. 14:6), – говорит

Господь. «Апостол здесь говорит подобно тому, как говорил в другом месте: «един Бог Отец, и един Господь Иисус Христос» (1Кор. 8:6)» (святой Златоуст). Другого посредника нет и быть не может. Как един Бог, так и посредник между Богом и человеками один. Другого не ищи и, если б кто предлагал тебе указать его, не иди вслед его. Следовательно, и спасения другого нет – как в живом сочетании с Господом Иисусом. Сию-то истину познать и хочет Бог, хотящий всем спастися, – познать, приять и по ней улучить спасение.

Ходатай, μεσιτης, – есть не слово ходатайственное говорящий в защиту, а самым делом стоящий посреде и соединяющий посредствуемых, – есть соединитель, «совокупивший в себе разъединенное» (блаженный Феодорит), и соединитель живой. Такова сущность Его.

Так как, говоря: «един Бог» – и: «един ходатай», – Апостол имел в виду только показать, что Другого спасения нет, как в Господе Иисусе, – как Бог один, так и посредник между Богом и людьми один; то все другие, могущие рождаться при сем, вопросы могут быть обходимы без ущерба пониманию слов Апостола. Позволительно, однако ж, при них стороною помыслить, что когда говорится: «един есть Бог», – то сие говорится не в ущерб истине Триипостасности Бога, но в показание, что воплощение единого Лица Бога Триипостасного не породило никакого разделения в Едином естестве Божиим. Воплотившийся Сын не стал вне Бога, как может навести на такую мысль слово: «посредник»: ибо в посреднике между Богом и человеками есть Бог от Бога и человек от человек. Став таким чрез воплощение, Сын не стал вне Отца; но воспринял, совершил и держит воплощенное посредничество, не оставляя недр Отца. Устроенное ради нашего спасения, сие посредничество не разделило Бога. Бог и при нем Един есть.

Равно когда говорится: «един посредник», – то говорится не в ущерб истине двух естеств в посреднике, но в показание, что два в Нем естества не делают двух посредников. И при двух естествах Он един есть. Как посредник, Он есть Бог от Бога и человек от человек; но едино есть Лицо – Сын Божий воплотившийся. Экумений пишет: «поелику имеющему быть

посредником между Богом и человеком надлежало быть причастным их обоим, чтоб иметь возможность посредствовать между ними; то Сын Божий, превечное Слово, пришел (к нам на землю) воплотившись, будучи таким образом из двух естеств, Божества и человечества, но по соединении их мыслимый и покланяемый во единой Ипостаси».

Почему, когда вслед за сим говорится: «человек Христос Иисус», – то этим не единство естества в Нем утверждается, – не утверждается, что Он только человек, а не и Бог, – а лишь показывается, как Он стал посредником; стал же Он посредником чрез вочеловечение. Так блаженный Феодорит: «Апостол назвал Христа Иисуса человеком; потому что назвал посредником, а посредником сделался Христос вочеловечившись». Можно посему слово: «человек» – понимать, как – вочеловечившийся, так: един посредник, вочеловечившийся, подразумевая – Сын Божий, именуемый Христос Иисус.

Наши толковники преимущественно обращают при сем слово свое на уяснение значения посредничества. Блаженный Феодорит пишет: «как намеревающийся примирить какие-либо два лица, препирающиеся между собою, став посреди их и держа одного правою, а другого левою рукою, приводит их в приязнь: так и Христос, с Божеским естеством соединив человечество, установил нерушимый и неразрывный мир. А если Христос, по учению Ария и Евномия, непричастен сущности Отца, то какой Он посредник? С нами (в таком случае) Он будет соединен, так как по человечеству единосущен нам; но с Отцом не будет иметь единения, если, как учат они, отделен Он от Божия естества. Но Божественный Апостол назвал Его посредником, следовательно, состоящим в единении и с Отцом по Божеству, и с нами по человечеству». Святой Златоуст говорит: «посредник должен приобщаться обеим сторонам, по отношению к которым он есть посредник; ибо посреднику свойственно, обладая тем, что принадлежит той и другой стороне, для которых есть посредник, приводить их ко взаимному общению. Если же принадлежащее одной стороне он имеет, а с другою разобщен, то в таком случае он вовсе не

посредник. Следовательно, если Христос Иисус непричастен естеству Отца, то Он не есть посредник, но разобщен с Ним. Почему признаем, что как Он соделался причастником человеческой природы, потому что пришел к людям, так и естества Божеского Он есть причастник, потому что пришел от Бога. Так как чрез Него соединялось два естества, то Он должен был быть близким к обоим естествам. Ибо подобно тому, как какое-либо место, занимающее средину (между двумя местностями), прикасается к каждой из них; так и соединяющий между собою два естества должен быть причастником обоих естеств. Следовательно, и Христос Иисус как соделался человеком, так был и Богом. Будучи только человеком, Он не соделался бы посредником; потому что Ему надлежало (Божески) беседовать с Богом. Равным образом, будучи только Богом, Он не был бы посредником; потому что Его не приняли бы те (Экумений: не снесли бы. Лучше: Он не мог бы представлять лица тех), для которых Он служит посредником».

«Давый Себе избавление за всех». – «Испавление», *αὐτίλυτρον*, – выкуп. Посредничество было делом нелегким; не в слове только ходатайственном оно состояло, но и в деле и требовало жертвы. Это по состоянию тех, за коих посредник принял на себя ходатайство. Последние отпали от Бога чрез грех и состояли под гневом Божиим за вину греха, – по причине греха подлежали тиранству сатаны, а чрез то и другое – смерти. Бог возблаговолил примириться с отпадшими; но, чтоб отпавшие поднялись до способности вступить в примирение, надлежало высвободить их из всех уз, которые держали их в низком рабстве, – именно правды Божией прогневанной, греха, диавола, смерти. Совершить сие взял на себя посредник, без вины понесши то, что лежало на виновных посредствуемых. Воплотившись, Он воспринял на Себя человеческое естество, чистое и безгрешное, и, им предав Себя на крестную смерть, Удовлетворил чрез то правде Божией; правда Божия удовлетворенная открыла врата излианию милости и благодати на виновных, – которые, приняты бывая в милость и освящаясь благодатию, сокрушают узы греха, а чрез это свергают и узы рабства диаволу; таким образом становятся наконец они

сынами воскресения, над коими смерть не имеет власти. Всем сим в совокупности совершается выкуп, и таинство посредничества входит в силу. Корень и начало всему есть то, что воплотившийся Сын Божий, как посредник, предал Себя, предал на смерть крестную. Почему Апостол и совмещает все дело посредничества в сем одном: «давый Себе избавление».

Блаженный Феодорит пишет: «когда все состояли под владычеством смерти, Христос не подлежал смерти, – и как Бог, потому что имел естество бессмертное, и как человек, потому что не сотворил греха, причинившего смерть. Но Он Сам Себя предал (на смерть), как некую искупительную цену, и всех освободил от рабства смерти».

Заметим при сем между прочим: не потому ли также впереди сказал о посреднике Апостол, – что Он есть «человек Христос Иисус», – что имел вслед за сим сказать: «давый Себе избавление»? Ибо, чтобы принести такую жертву, Ему надлежало возиметь то, что принести, именно человечество, и стать человеком. «Потреба имети что и Сему, еже принесет» (Евр. 8:3), говорит Апостол в другом месте. Что же это такое? Плоть и кровь. «Понеже... дети приобщися плоти и крови, и Той приискренне приобщися техже, да смертью упразднит имущаго державу смерти, сиречь диавола, и избавит сих, елицы страхом смерти... повинни беша работе» (Евр. 2:14, 15).

«Свидетельство времени своими». Это придаточные слова. И трудно определить, какая мысль была при сем у Апостола. Поставим сии слова в соотношение с предыдущим. Сын Божий, воплотившись для посредничества между Богом и людьми, предал Себя на смерть во искупление всех, – всех, не иудеев только, но и язычников. Это дело беспредельного человеколюбия к нам Бога Отца, предавшего Сына, и Бога Сына, предавшего Себя, есть свидетельство. Чего? Того, что «Бог хочет всем спастися, и в разум истины прийти», – не иудеям только, но и язычникам. Почему вы, верные, молясь о неверных язычниках, делаете дело, приятное Богу, потому что этим содействуете исполнению того, чего желает Бог, то есть спасению всех, – и язычников. А что это есть прямое желание Бога, видно из того, что учрежденное Им посредничество между

Собою и людьми обнимает всех людей и что посредник, предав Себя на смерть, предал во искупление всех людей без различия и исключения. Такое течение мыслей видит у Апостола святой Златоуст: «давый Себе избавление за всех». Что же, ужели за язычников, скажи мне? Да. – И, несмотря на то, что Христос умер и за язычников, ужели ты не согласишься молиться за них? Так почему же, скажешь ты, они не уверовали? Потому что не захотели (выше сказал: потому что вселенная еще не достигла истины), а с Его стороны сделано все. Об этом свидетельствует Его страдание, говорит он». – Всем, – и язычникам, – быть спасенными было от века определено. Таково вечное Божие хотение; но свидетельство о том дано в свое время: «времены своими», – то есть «в подобающее или надлежащее время» (святой Златоуст), «когда люди способными уже соделались к уверованию» (Экумений), – «во времена, предначертанные и предопределенные преблаженною Троицею» (Климент у Экумения). Свидетельство сие, в свое время явленное, есть самое учреждение сего спасения всех. Сим то же выражается, что читаем в Послании к Галатам: «Егда же прииде кончина лета, посла Бог Сына Своего... да подзаконныя искупит» (Гал. 4:4, 5). – Истолковывать и распространять это свидетельство, далее говорит Апостол, возложено на меня.

ββ) Сие подтверждается назначением для призвания язычников самого Апостола (1Тим. 2:7)

1Тим. 2:7. В неже поставлен бых аз проповедник и Апостол, истину глаголю о Христе, не лгу, учитель языков в вере и истине.

«В неже» – во свидетельство. Свидетельство пред сим определилось, как свидетельство о том, что Бог хочет всем, – и язычникам, – спастися. Дано сие свидетельство тем, что Сын Божий воплотившийся стал посредником между Богом и людьми – для всех людей – и что Он предал Себя на смерть для избавления тоже всех людей, – и язычников. Это свидетельство истолковывать и распространять всюду я поставлен, говорит Апостол; поставлен нарочито, в каком-то поставлении вы должны видеть новое подтверждение того, что

Бог всем, – и язычникам, – хочет спастися. Ибо, устроив дивный образ спасения всех в воплощенном домостроительстве, – в крестной смерти Воплощенного, – не попустил быть ему в неизвестности, но избрал особого о нем проповедника и послал его во всю вселенную учить язычников – веровать в сие. Святой Златоуст видит у Апостола это именно побуждение, почему он поминает о своем назначении. «Апостол, – говорит он, – сказал о себе, что он избран учителем языков, – намекая на то, что ныне благодать разлилась повсюду во вселенной». Он поставляет сие внушение также в связи и с заповедью молиться за язычников: «так как Христос пострадал за язычников и я избран учителем языков, то почему ты не молишься за них? Видишь ли обильно излившуюся благодать? Ибо у иудеев не были приносимы за них молитвы, а ныне благодать распростерлась и над ними».

В словах: «проповедник, Апостол, учитель» – замечается нашими толковниками некая постепенность, хотя дело было одно. Блаженный Феофилакт пишет: «к этому свидетельству я приставлен проповедником, чтоб проповедывать о нем, то есть о кресте и смерти Христа Господа. И поставлен не просто проповедником, чтоб проповедывать в одном каком месте, но и Апостолом, – посланником, – чтобы всюду обходить с проповедью». Дополняет сие Экумений: «поелику можно проповедать и мимоходом, то присовокупил: «учитель»; я, говорит, не довольствовался одну какую сказать проповедь, но учил неотступно, пока не научал. Этим-то и показывал я особенную Божию попечительность о язычниках».

Чего ради вставил Апостол в речь о своем назначении удостоверительные в том слова: «истину глаголю о Христе, не лгу»? Святой Тимофей был любимый ученик святого Павла и знал все; потому для удостоверения его в сем не было нужды так говорить. Но Апостол мог сказать так с подразумеванием: как ты знаешь; и сказать потому же, почему лица, душа в душу живущие, пересказывают иногда друг другу, что знают и что уже несколько раз пересказывали, потому что приятно об этом вспоминать и пересказывать. Но можно предположить и то, что Апостол, пиша сие, имел в виду ефесян, от которых святой

Тимофей, конечно, не должен был скрывать Послания. А ефесянам сказать сие никак не излишне было: ибо еще не все они уверовали, и из уверовавших не все обращены святым Павлом, а многие после него уверовали. Для таких слова сии налагали печать Божеского авторитета: для одних – на уверованные уже истины, а для других – на предлагаемые к у верованию. – Заметить не излишне, что удостоверение сие относится не к тому, что святой Павел был поставлен Апостолом вообще, но что поставлен быть Апостолом и учителем именно язычников. Это не могло не быть приятным и привлекательным для язычников, из коих преимущественно состояла Церковь Ефесская, и не могло не подействовать успокоительно на их веру, в коей успокоясь они не колеблясь могли противостоять навеваемым совне сомнениям, от распространенного в Ефесе языческого суемудрия.

Слова: «в вере и истине» – указывают или на предмет проповеди и учения: я учитель языков, поставленный учить их вере и истине (Амвросиаст); или на характер учения: не умствовать учу, а верить, и не умствованиями доказываю свое учение, а предлагаю его вере, удостоверяя, что оно истинно. «Проповедую, не силлогизмами или логическими доказательствами вооружась и не в риторическое хитрословесие облакая учение свое, а вере его предлагаю. Но чтоб не подумал кто, что верить предлагается какой-либо прелести, он прибавил: «в истине». Хотя вере предлагаю, но предлагаемое истинно. Преподаемое хотя вере преподается, но преподается в истине. И способные к вере веруют: чем доказывается сила проповеди» (из святого Златоуста, блаженного Феофилакта, Экумения перифраз). Блаженный Феодорит пишет: «сего-то таинства (то есть спасения всех крестною смертию Господа) проповедником и Апостолом поставлен я, говорит Павел, и с подобающею верою и истиною предлагаю это всем; потому что слова подтверждаю чудотворением». Мысль та же, что и выше изложена, с некоторым оттенком, – что учение не верно только и истинно, но и удостоверительно: я предъявляю и документы удостоверительные.

б) Какие держать в церковных собраниях порядки (1Тим. 2:8–15)

Все слово Апостола обращено здесь на: бб) упорядочение жен (1Тим. 2:9–15); только один текст дан на: аа) общее очертание церковных молитвословий, с внешней и внутренней стороны (стих 8).

аа) Общее очертание церковных молитвословий (1Тим. 2:8)

1Тим. 2:8. Хошу убо, да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления.

Собирались на молитву не в одном месте, а в нескольких; во всяком, из таких мест, молитвы творить или исправлять богослужение Апостол заповедует мужам, жены же пусть слушают и молятся в безмолвии; но при сем все молящиеся должны быть непорочны, иметь чистую совесть, не питать неудовольствия на других и не держать сомнения, будто не услышит Бог. Таково общее очертание молитвословий церковных.

«Хошу убо». Хочет Апостол Апостольским хотением, равносильным законоположению. «Убо» – связывает начинающуюся речь с предыдущей, и именно с первыми стихами сей главы (1–2). Там заповедано творить молитвы за всех, к чему нужда была присоединить прояснительные положения (3–7). Теперь опять возвращается к наставлениям о молитве и говорит: вообще же Церковные молитвословия совершайте так и так.

«Хошу, да молитвы творят мужие». Собираясь вместе, пели псалмы пророка Давида и новые песни, сложенные по движению Духа, во славу Пресвятой Троицы, Христа Господа, Его смерти и воскресения, и о прочих таинствах христианских. Иные молитвы были читаемы вслух всех, большею частию из употреблявшихся уже, а иногда и новые, о коих, впрочем, надо заметить, что, после беспорядков в Коринфской Церкви, они не были допускаемы без ведома и разрешения предстоятелей Церкви. Все такие молитвы, читаемые и поемые в общем собрании верных, должны, говорит Апостол, быть творимы мужами. Мужами, конечно, не всеми собравшимися, и не всяким по ряду. Ибо дарования были различны, и обязательно было

для получивших дары сколько употреблять полученный дар во благо Церкви (1Пет. 4:10), столько же не братья за дело, на которое не получил дарования. Почему надо полагать, что и молитвы в собрании верных были творимы мужами, получившими к тому дар. Как они обозначались? Имевшие расположение к чтанию и говорению молитв были всем заметны. Они и отряжались обществом верных на творение молитв, вступали же в дело одни по молитвенном освящении, а другие – по таинственном рукоположении. Те и другие составляли клир. Святой Павел имел обычай заводить его всюду, где ни основывал Христовых Церквей (Деян. 14:23). Его, вероятно, понимает он и под: «мужие». Всякое собрание верных в Ефесе, конечно, имело и своего совершителя тайн, – предстоятеля, – и своих молитвословов. Об них и слово, – чтоб они творили молитвы, а другие не вмешивались произвольно в это дело; иначе в Церкви не может все идти благообразно и по чину (1Кор. 14:40). Что говорит: «на всяком месте», – это не имеет особого значения в настоящем предписании; ибо забота у Апостола не о месте молитвы, а о том, «каким образом нужно молиться» (святой Златоуст). Слова эти наводят, однако ж, на некоторые сторонние соображения. Храмов еще не было; собирались на молитву в домах, которые какими-либо боголюбцами были отдаваемы на сие святое дело. Когда один дом не мог вмещать всех веровавших в городе или селе, назначали другой, третий и так далее. Так и в Ефесе был не один дом. Апостол предписывает: во всяком месте, где собираются верующие на молитву, молитву творить должны «мужие», разумея определенных мужей, τοὺς ἀνδράς. – "Во всяком месте». Так исполнилось проречение Господа: «грядет час, егда ни в горе сей» (Самарянской), «ни во Иерусалимех поклонятся Отцу» (Ин. 4:21) – и пророческое видение: «на всяком месте фимиам приносится имени Моему и жертва чиста» (Мал. 1:11). Иудеи имели одно место для богослужения; им не позволительно было в Другом месте приносить Богу жертвы. «Апостол вводит противоположные тому постановления и, освободив от этой необходимости, говорит, что наши обычаи не таковы, каковы у иудеев. Ибо, подобно

тому, как обо всех повелевает он приносить молитвы, потому что за всех умер Христос, и для всех, говорит он, я проповедую; так равным образом молиться нам хорошо везде» (святой Златоуст, блаженный Феодорит).

«Воздеюще преподобныя руки». «Воздевать руки и молиться свойственно было иереям Ветхого Завета» (блаженный Феодорит). То же делать Апостол велит и христианским мужам, исправляющим общественное богослужение. Но Апостольское же предание есть, как говорит Василий Великий, христианам, при совершении молитв, творить на себе крестное знамение. В нашем богослужении совмещается то и другое: и воздеяние рук, и крестное знамение, сопровождаемы бывая поклонами поясными и земными. Воздеяние рук ум к Богу возносит, а крестное знамение – путь восхождения к Богу показывает: ибо дверь приближения к Богу – крест Христов.

Но Апостол при сем не столько на внешность обращает внимание, сколько на состояние души; почему не просто сказал: «воздеюще руки», – по: «руки преподобныя», – то есть не запятнанные никаким пороком. Святой Златоуст говорит: «что значит: «преподобныя»? Чистые. А что значит: чистые? Конечно, – не водою вымытые, а чистые от любостяжания, убийств, хищения, уязвления». Блаженный Феодорит то же выражает так: «Апостол повелевает делать сие (воздевать руки) «преподобно», – то есть освободившись от всякой неправды и от всякого беззакония», – или «очистив их милостынею» (Экумений), «которая била бы из них, как из ключа бьет вода» (блаженный Феофилакт). Так это слово требует приступать к молитве с чистою совестью и с чистым сердцем. «Ибо руки тогда лишь бывают преподобны и святы, когда сердце чисто» (Амвросиаст).

«Без гнева и размышления». В состоянии гнева и невозможно молиться. «И во время молитвы разве кто-либо гневается?» (святой Златоуст). Но помнить зло можно и при молитве; потому что это чувство тихо и скрытно. Когда наверху молитва, внизу может скрытно утаиваться злопомнение. Наши все толковники и разумеют здесь памятозлобие. «Пусть душа

молящегося будет чиста и свободна от всякой страсти, пусть никто не приступает к Богу с враждою, пусть никто не приступает с негодованием» (святой Златоуст). «Так узаконил и Господь: «если придешь принести дар твой ко олтарю и ты помянешь, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем и шед... смирился с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой» (Мф. 5:23, 24)» (блаженный Феодорит). И еще: «егда стоите молящися, отпущайте, аще что имате на кого» (Мк. 11:25) (святой Златоуст). «Итак, Апостол учит, что в молитве надлежит быть мирну духом, если желаем, чтоб она принесла плод» (Амвросиаст).

«Без размышления», χωρίς διαλογισμου, – без раздумывания, без колебания в мыслях, услышит ли Бог. Просящему чего-либо молитвенно святой Иаков предписывает: «да просит с верою, ничтоже сумняся: сумняйся бо уподобися волнению морскому, ветры возметаему и развеваему. Да не мнит... человек он, яко примет что от Бога» (Иак. 1:6, 7). Так разумеют все наши толковники. Святой Златоуст: «что значит: «без размышления»? Послушаем. Значит, что не нужно нисколько сомневаться в том, что мы будем услышаны. Ибо Господь говорит: «елика аще воспросите... верующе, примете» (Мф. 21:22)». Феодорит: «без размышления» – значит: без сомнения, веруя, что непременно получишь, чего просишь». Экумений: ««без размышления», – то есть без раздумывания, услышит ли меня Бог? Не все ли, не напрасно ли я молюсь? Ибо надлежит быть уверену, что Бог услышит, если просим у Него того, что Ему любезно, чисты суще». Феофилакт: «размышлением» назвал Апостол сомнение и учит, чтоб молящийся молился без сомнения и колебания в мыслях, получит или не получит, чего просит; только бы просил сообразного с волею Божиею, -духовного, и без гнева и с чистыми руками». – «Если таким образом приступаешь, то во всяком случае получишь просимое. Ибо «аще вы, лукави суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (Мф. 7:11)» (святой Златоуст).

бб) Упорядочение жен (1Тим. 2:9–15)

Сделав такое общее начертание порядка в церковных молитвословиях, Апостол занимается затем, как должны держать себя женщины в сих собраниях. Вероятно, этот предмет требовал особого внимания, по вкравшимся неисправностям. И эти неисправности, конечно, дали Апостолу повод: α) предписать то, что он предписал. Именно: αα) молиться в том же духе, как и мужие (стих 9); ββ) являться в собрания в одеждах пристойных (стих 9), -заботясь: γγ) украшать себя не пышными нарядами, а добрыми делами (стихи 9–10); δδ) в дело же учения не вмешиваться и вообще быть в отношении к мужчинам в подчинении (стихи 11–12). Так как последнее внушение могло показаться не совсем приятным, то Апостол: β) смягчает его: αα) выставляя основания, почему так, а не иначе должно быть (стихи 13–14), – и: ββ) утешая жен, что и им отворена дверь спасения (стих 15).

α) Предписания (1Тим. 2:9–12)

1Тим. 2:9, 10. Такожде и жены во украшении лепотном, со стыдением и целомудрием да украшают себе не в плетениях, ни златом, или бисерми, или ризами многоценными, но, еже подобает женам обещавающимся благочестию, дела благими.

αα) Молиться в том же духе, как и мужие (1Тим. 2:9)

«Такожде» – показывает, что Апостол продолжает учить о порядках в молитвенных собраниях. Почему хотя не говорит он, что хочет, чтоб и жены таким же образом молились, но дает ясно видеть, что таково его хотение. Хочет, чтоб и жены молились без гнева и размышления и имея чистую совесть, не запятнанную никаким пороком. Святой Златоуст говорит: «равным образом, говорит, хочу, чтобы и женщины приступали к Богу без гнева и без размышления, – имея преподобные руки, не оскверненные корыстолюбием и грабительством, и не следуя своим вожделениям». Так и Феофилакт с Экумением. Если не доразумевать здесь такого хотения Апостола, то речь стихов 9 и 10-го отдалится от общего содержания сего отделения (1Тим. 2:8–15), будет всё только о том, как одеваться женщинам. Тогда как, признав, что Апостол имел в мысли – главным образом дать урок о молитве, речь об убранстве жен будет только

дополнительною, показывая, как должны одеваться женщины, когда являются в собрания на молитву.

ββ) Являться в собрания в одеждах пристойных (1Тим. 2:9)

Должны являться «во украшении лепотном, со стыдением и целомудрием». Святой Златоуст, сказав, как женщины должны молиться, подобно мужам, прибавляет: «впрочем, от женщин святой Павел требует нечто и большее. Чего же именно? Чтоб они приходили молиться Богу «в украшении лепотном». Что он называет украшением лепотным? Платье, которое со всех сторон прикрывало бы их благопристойно, – было прилично, но неизысканно; ибо первое прилично, а последнее не считается благопристойным». «Украшение», *καταστολή*, – одежда, до пят спускающаяся, все тело покрывающая, и вообще наряд, но скромный и смиренный; на что указывает и: «лепотное», *κοσμιός*, – красивое, но по благопристойности и приличию к лицу, месту, окружающим, следовательно, исключаящее всякое щегольство. Требует Апостол, чтоб женщины приходили в собрания на молитву «в одежде пристойной, но не щегольской, чтобы привлекать взоры смотрящих» (Экумений); «чтоб самая одежда показывала честность души» (блаженный Феодорит).

Слова: «со стыдением и целомудрием» – указывают на форму одежды или покроя, требуя, чтоб они не нарушали стыдливости, свойственной женскому полу, и целомудрия, которым украшаться должны они всюду. Но можно распространить смысл сих слов, заключив под ними – походку, движение, мину, взор, стояние и поклон; потому что все сие может носить печать стыдливости и целомудрия и, напротив, обличать отсутствие их, укорное для жен. Амвросиаст пишет: «Апостол увещавает, чтоб женщины молились, держа себя в смиренном положении (и одеянии), а не гордостно. Кто хочет быть услышан, тому надо преклонять главу, отбросив всякую помпу, чтоб привлечь милосердие Божие. Гордостное положение не вымаливает просимого и заставляет думать нехорошо о просящем. Кто из благоразумных людей не отвращается от женщины, пышно и гордо украшенной? Не тем ли паче отвращается от нее Бог, когда видит, что тело,

созданное Им свободным, обязывается и обременяется металлами?»

yy) Украшать себя добрыми делами (1Тим. 2:9, 10)

«Да украшают себе». Дополнив речь после: «также» – словами: «хощу да молятся» – и к внешнему образу совершения молитвы отнеся: «во украшении лепотном, со стыдением и целомудрием», – по необходимости следует далее читать: «и да украшают себе». Это общий урок, простирающийся и за стены молитвенного собрания. Не украшать себя женщины не могут, и нельзя на них налагать обязательство: не украшай себя; но можно склонность к украшениям переводить с пустых украшений на многозначные и существенно ценные. Это и делает здесь Апостол. Украшают себя, говорит, пусть женщины «не плетениями», – не щегольским заплетанием волос, как прямо сказал святой Петр (1Пет. 3:3), не "золотом», – чем-нибудь из золота, подобно тому как доселе на Востоке женщины обвешивают себя кругом золотыми монетами, – «или бисерами», – в серьгах и ожерельях, «или ризами многоценными», – платьями из дорогих материй, как о богаче Спаситель сказал: «облачашеся в порфиру и виссон» (Лк. 16:19), – ничем таким не должны себя украшать, потому что все это ныне есть, а завтра нет; но пусть украшают себя тем, что негибнуще и что многоценно не пред людьми только, но и пред Богом, не во времени только, но и в вечности, именно: "делами благими», всякого рода добрыми делами: милостынею, странноприимством, хождением за больными, добровольными и смиренными всем послугами, добрым правлением домашних дел, молитвами, постами, благоговеинством, – и это так постоянно, чтоб такие добродетели составляли отличительный их характер и чтоб, когда входит какая из жен в собрание, смотрящие на это помышляли: вот пришла милостынница, вот странноприимница, вот сердобольная, вот услужница, вот молитвенница, вот постница, вот благоговейница и подобное, а не то, как помышляют при входе нарядниц: какие бриллианты и подобное.

Побуждением к тому ставит святой Павел обет быть благочестивыми: «еже подобает женам обещавающимся

благочестию». Какой это разумеется обет? Надо полагать, – не частный, каким, вероятно, облагали себя, например, диакониссы, но общий, бывающий при приступании к вере в Господа и гласно изрекаемый при крещении. Тут крещающим берется обязательство, а крещаемым дается обет: отвергшися нечестия и мирских похотей, жить прочее благочестно, целомудренно и праведно (Тит. 2:12). Об этом и напоминает Апостол, давая разуметь, как после такого обета не пристало украшать себя пустыми украшениями, а не добрыми делами, как подобает. «Вы, говорит он, обещаете (в крещении) благочестие и добродетель» (блаженный Феодорит). «Ими и подобает украшать себя христианским женам, когда являются чтить истинного Бога» (блаженный Феофилакт). «А которая жена в дом Божий является с помпой, та не для Бога входит в него, а для людей, чтоб славимою быть от них; за что от Бога ничего не получает, кроме укора. Чем более блестящею представляется она людям, тем более презренною бывает пред Богом» (Амвросиаст).

Святой Златоуст сильное при сем простирает слово обличения к женам-нарядницам. «Ты приходишь молиться Богу, а между тем окружаешь себя золотыми украшениями и головными уборами. Ведь ты пришла не плясать, ни принимать участие в брачном торжестве, ни являться среди торжественного шествия. Там уместны золотые украшения, там головные уборы, там дорогие платья. А здесь ничего этого не нужно. Ты пришла просить, молиться о грехах своих, молитву приносить о своих прегрешениях, умолять Господа, чтобы склонить Его к милосердию. Зачем же украшаешь себя? Этот наряд не приличен той, которая молится. Как можешь ты воздыхать? Как можешь плакать? Как можешь усиленно молиться, будучи одета в такой наряд? Если и будешь плакать, то слезы твои покажутся достойными смеха для того, кто будет видеть их; потому что плачущей не следует носить золота. Плач ее будет лицемерие и притворство. И в самом деле, как же это не лицемерие, когда та же самая душа, от которой родилась эта тщеславная помпа в нарядах, – та же самая и слезы проливает? Удали от себя это притворство: ибо Бог поругаем не

бывает. Это свойственно актерам и плясунам, которые проводят дни свои на сцене; а честной женщине все это неприлично. – Апостол заповедует тебе одеваться скромно, «со стыдением и целомудрием». Поэтому не подражай блудницам, которые посредством такого наряда привлекают к себе любовников. – Заметь, что Апостол, говоря о скромности в нарядах, изгоняет из них даже то, что служит лишь признаком богатства, – золото, бисеры, многоценные ризы. Но если это так, то не гораздо ли больше должно быть изгоняемо то, что служит признаком одной пустой суетности, – притиранья, подкрашивание век, жеманную походку, изнеженный голос, взгляд влажный и всякого блуда исполненный, изысканность, с какою накидывают на себя покрывало или надевают платье, искуснейшим образом устроенный пояс, вычурную обувь. На все это он указывает, говоря: «в украшении честном», – равно как и словами: «со стыдением и целомудрием». – Будьте, умоляю вас, снисходительны ко мне; потому что слово мое не с тою целию содержит в себе такое резкое обличение, чтобы уязвить или опечалить вас, но чтобы удалить от стада моего все чужое».

δδ) В дело учения не вмешиваться и быть в отношении к мужчинам в подчинении (1Тим. 2:11, 12)

1Тим. 2:11, 12. Жена в безмолвии да учится со всяким покорением: жене же учить не повелеваю, ниже владети мужем, но быти в безмолвии.

В собраниях церковных с молитвою соединяемы были поучения. Совершать то и другое в церкви женам запрещает Апостол. Молиться молись: затем и пришла; а совершение молитвы не твое дело. Равно поучаться поучайся, но сама браться за это дело не дерзай, даже и вопросов не смей предлагать, как сказано в другом Послании (1Кор. 14:35). Поучайся молча, – в «безмолвии», и исполняй это дело «со всяким покорением»: под чем разумеется или покорность этому закону о молчании в церкви, или покорность учению, какое предлагают определенные на то мужи. В первом отношении предлежит укрощать позы к говорливости, во втором – страсть к совопросничеству (отвод для сей страсти сделал Апостол в Послании к Коринфянам, говоря: дома мужей пусть

спрашивают). То и другое – подвиг; но покоряй себя. И способ к сему, и свидетельство о сем есть молчание. «Великой стыдливости требует блаженный Павел от женщин, великой степенности. Поэтому обращает внимание не только на внешний их вид и одежду, но и на голос. Что же именно говорит он? «Жена в безмолвии да учится». Что это значит? То, что, по его словам, жена не должна говорить в церкви; то же самое сказал он и в Послании к Коринфянам: «срамно... есть жене в церкви глаголати» (1Кор. 14:35). Он говорит, что жене надлежит до того быть молчаливою, что она не должна говорить в церкви не только о житейском, но и о духовных предметах. В этом состоит для нее приличие, в этом стыдливость, это может украсить ее больше всякой одежды. Если таким образом она будет вести себя, то она будет иметь возможность совершать молитвы со всякою благопристойностию» (святой Златоуст).

«Жене же учить не повелеваю», οὐκ ἐπιτρέπω; больше, чем не даю позволения, но в той же силе, как у нас говорится: не велено, – запрещено решительно, – «запрещаю». Это в церкви; дома же они как вопрошать могут мужей, так в случае и учить, детей, например, мужей неверных и других, которые не совсем исправно веруют. Блаженный Феофилакт пишет: «знай, однако ж, что Апостол не вообще учить запрещает женам, но только в Церкви; а вне церкви это ей не запрещается. Так Прискилла (вместе с Акилою) оглашала здравым учением Аполлоса; так верной жене не запрещено оглашать неверного мужа»; «детей же учить даже повелено им» (Экумений). – «Ниже владети мужем» – тоже разумеется здесь: в церкви, хотя такое правило имеет и общее значение. «Владети», αὐθεντεῖν, – быть госпожою мужа, обращаться с ним как с слугою, командовать им. Как под женою здесь разумеется женщина вообще, так и под мужем – вообще мужчина, а не муж той, которая вздумала бы распоряжаться учением в церкви. Мысль Апостола та, чтоб никакая женщина в церкви не позволяла себе распоряжаться учением в церкви, не кричала поставленному учить: того не говори, этого не касайся, а говори о том и том и подобное, тем более не требовала: молчи ты, я буду говорить; но чтоб была «в безмолвии», сидела молча и смирно, не говоря и не двигаясь.

Какой повод к такому предписанию? Блаженный Феофилакт пишет: «поелику и женщины сподоблялись пророческой благодати, то по необходимости поставляет закон и о сем и не поставляет женщин в церкви учительницами». – Этим дается намек, что, вероятно, ученые ефесянки, как прежде коринфянки, и не имея дара пророческого, а одною ученостию руководясь, выступали в качестве учительниц в церкви и при этом делали ошибки в учении. Чтоб пресечь имевший произойти отсюда вред, Апостол запретил совсем женам вести речи в церкви. Но святой Златоуст поводом к сей заповеди поставляет желание Апостола пресечь свойственную женам говорливость: позволь им говорить, – они подымут такой шум, какого и на торжище не встретишь. «Апостол, желая отнять у них всякий повод к разговорам, сказал: пусть они не учат, но пусть ведут себя так, как прилично учащимся. Таким образом они покажут и покорность. Вообще многоречив род их; почему Апостол всеми мерами старается обуздать их».

β) Апостол смягчает внушение (1Тим. 2:13–15)

Не здесь только, но и повсюду в Писании говорится, что женщины должны находиться в подчиненном отношении. Таков уже чин их естества, – «сего требует сама природа» (блаженный Феодорит). Апостол в основание своему предписанию и выставляет здесь сей чин естества, выводя его из истории сотворения мужа и жены. Но не довольствуется сим, а направляет к тому же и наведение из истории падения.

αα) Основания к подчинению (1Тим. 2:13, 14)

1Тим. 2:13. Адам бо прежде создан бысть, потом же Ева.

Как жена создана после мужа, то и всегда должна быть позади его. Ибо это прежде-создание показывает, что муж и в естестве своем имеет нечто преимущественное. Жена создана из одной части мужа; почему, естественно, не все в такой степени имеет, в какой имеет то муж. Из бока мужнина взято то, из чего она создана, чтоб всегда была около мужа, под боком у него, как помощница, а не как госпожа. «Предпочитает Апостол мужа жене, потому что тот первым создан: чтоб жена была ниже мужа, потому что она создана после мужа и из мужа» (Амвросиаст). «Он говорит как бы: мужеский пол наделен

большим преимуществом, как прежде созданный. А в другом месте он ставит его еще выше, когда говорит: «не создан бысть муж жены ради, но жена мужа ради» (1Кор. 11:9)» (святой Златоуст). «Поелику, говорит, в самом создании род мужеский удостоен первенства, а Ева создана второю; то должны после сего и все жены второстепенные иметь места после мужей и покорствовать им. Ибо сила того, что тогда совершено по отношению к Адаму и Еве, простирается на весь род мужеский и женский» (блаженный Феофилакт).

1Тим. 2:14. И Адам не прельстися, жена же прельстившися, в преступлении быст.

Кроме чина естества, указываемого образом сотворения мужа и жены, Апостол в основание подчиненности жены мужу выставляет и то, что в деле падения она прельстилась первая и Адама прельстила; за что и присуждено ей: «к мужу обращение твое» (Быт. 3:16). По творению она хотя и вторствующая, но почтена неким равночестием мужу; а по падении она потеряла это. Почему подчинение жены мужу есть как бы епитимия, наложенная на нее за прельщение праматерию праотца Адама. В Еве виновною в сем сделался весь род женский, – и это не по одному вменению, а потому, что унаследовал и самое дело Евы – прельщать мужеский род; что доселе делается им не случайно, а по действующему в нем постоянно позыву нравиться и прельщать. Чтоб умалить происходящее из сей склонности зло, жена подчинена мужу.

Святой Златоуст применяет это к предшествующей речи к женам, да не учат. Взятась, – говорит, – учить некогда жена и все извратила, чем явно показала, что негожа в учителях. Он говорит: «для чего Апостол говорит сие («Адам не прельстися» и прочее)? Для того, чтобы на основании многих причин предоставить первенство мужу. Ибо, говорит, мужчина должен иметь первенство, во-первых, потому, что он прежде создан, во-вторых, на основании того, что случилось в последствии времени. Учила некогда жена, и все ниспровергла, и сделала его виновным в преслушании. За то и подчинил ее Бог, что она во зло употребила власть или, лучше сказать, равночестие. «К мужу твоему обращение твое» – сказано; а прежде этого

события сие не было сказано. – Адам преступил заповедь не потому, что был увлечен страстию, а только повинувшись жене. Так – учила однажды жена и все ниспровергла. Поэтому и сказал Апостол: да не учит». – Но как же Адам не прельстился? Разве он не согрешил? Согрешил; но иным образом, чем жена. Жена прельстилась словами змия, или дьявола, говорившего языком змия, и вкусила запрещенного плода, а Адам вкусил, послушавшись жены. Если бы к нему обратился враг, может быть, Адам не прельстился бы его словами, а усмотрел скрытую под ними ложь и пагубный обман, и падения не было бы. Но жену враг легко обольстил, а та обольстила мужа, – и падение состоялось. Таким образом она оказалась легкопрельщаемой. «Легок род сей, легкоприимчив, легкообольтим» (блаженный Феофилакт). Почему слово Апостола: «Адам не прельстися» – можно понимать, как история падения дает разуместь: не Адам прельщен дьяволом. Так Амвросиаст: «дьявол не мужа прельстил, а жену; муж же женою был доведен до преступления: за что не следует давать ей поблажки, а должно держать ее в смирительном положении».

Святой Златоуст полагает еще, что Адам непрельстившимся назван сравнительно с женою. На вопрос: как же Адам не прельстился? – он отвечает: «внимательно слушай. Жена говорит: «змий прельстил мя» (Быт. 3:13); между тем Адам не говорит: жена прельстила меня, но: «та ми даде и ядох» (Быт. 3:12) (это то же, что и у Амвросиаста). – Притом не одно и то же значит быть обольщенным от единоплеменной и сродной себе и быть обольщенным от зверя, раба, подчиненного: последнее собственно и есть обольщение. Итак, только сравнительно с женою Апостол говорит о нем, что он не прельстился; потому что она была обольщена от раба и подчиненного, а он от свободной. Опять не об Адаме сказано: «и виде, яко добро древо во снедь» (Быт. 3:6), но о жене: и что она вкусила и дала мужу своему».

Блаженный Феодорит так толкует. Сие «не прельстися» Апостол сказал вместо: не первый прельстися – и в этом следовал Писанию. Ибо жена, когда потребован был у ней отчет, сказала: «змий прельсти мя, и ядох»; Адам же говорит не

так, но: «жена, юже дал еси со мною, та ми даде от древа, и ядох» (Быт. 3:12, 13). И Ева, послушавшись змия, не имеет оправдания; Адаму же служит малым оправданием, что, обольщенный женою, не сам сорвал и плод с древа, но жена, первая вкусив, дала и мужу. Посему-то и сказал Апостол: «Адам не прельстися».

ββ) Утешение жен (1Тим. 2:15)

1Тим. 2:15. Спасется же чадородия ради, аще пребудет в вере и любви и во святыни с целомудрием.

Отяготив таким образом жену и виною, и вследствие того подчиненным положением относительно мужа, Апостол утешает ее тем, что все сказанное не затворяет пред нею двери спасения: «спасется». По грамматическому строю речь сия относится к Еве; а по смыслу обнимает весь род женский. Праматерь согрешила и за это подпала каре Божией. Но как милостивому Богу благоугодно было устроить дивный образ спасения падшим, то и ей открыто спасение, а в лице ее и всему женскому роду. Всякая жена, говорит Апостол, спасется. Как? Для женщин – не особые условия спасения, а те же, какие определены вообще человечеству: вера и любовь, – «аще пребудет в вере и любви»: «в вере» в Господа Спасителя, о Коем благовестие услышала первая жена, указанном в будущем семени жены (Быт. 3:15); «в любви» к Богу и ближним, родительнице, питательнице и содержательнице всех добродетелей. Что к сему присовокупил Апостол: «и во святыни с целомудрием», – не есть какая-либо особенность в условиях спасения, а есть только внешнее или видимое облачение спасающейся женской души, верующей и любящей. «Святыня» – у Апостола означает и вообще святую и праведную жизнь, и в особенности святыню телесную, чистоту от плотских похотений и грехов. В настоящем месте общая женская святость указана уже в вере и любви; потому под святынею остается разумеать особенную святыню, – чистоту, в каковом смысле она будет однозначительна с целомудрием. Отличие между ними можно положить разве такое, что святыню принять за верность брачному ложу или замужнюю непорочность тела и души, а целомудрие за разделение с мужем брачного ложа не в угоду

похоти, а из покорности закону естества, Богом данному, с намерением плоды сего посвящать во славу Божию. Блаженный Феофилакт пишет: «под: «святынею» – Апостол понимает чистоту тела. Но поскольку не все – девы, то прибавил: «с целомудрием». Ибо целомудрие не отрицается у тех, кои законно пользуются браком». Есть и брачное целомудрие чистое, – когда брачная жизнь проводится трезвенно, а не в сластях похотных. Оба же эти слова употребил Апостол, чтоб яснее выставить, чем видимо должна отличаться спасающая душу свою жена. Так указывает условия спасения жен блаженный Феодорит. «Если захотят, – пишет он, – то не только не потерпят от Евы никакого вреда, но приобретут еще весьма великую пользу своею верою и любовью, сохраняя святыню и целомудрие». Он не касается вопроса, почему Апостол сказал: «чадородия ради спасется». Что за спасение от чадородия, это решают другие наши толковники.

Само собою разумеется, что чадородие само по себе не может содевать спасения, как и всякое другое дело естественное, – пища, питье, сон. Но как пища, питье и сон могут быть употребляемы так, что будут или содействовать, или вредить спасению, так и чадородие. Как же чадородие обратить в пособие ко спасению? Можно бы так сказать: чадородие дано естеству четы первозданной, и, как делу естества, ему следовало бы происходить не только легко, но и приятно. Но привзошло падение и привнесло в сие дело естества болезни: «в болезнях родиши чада» (Быт. 3:16). Болезни – наказание, естественная женам епитимия. Если теперь жена, мучась болезнями рождения, будет переносить их в этом именно смысле, то есть как наказание, напоминающее о грехе и призывающее к покаянию, то чадородие ее будет происходить в порядке спасения. – Но этого одного мало. В таких расположениях подъемлема будучи, тягота чадородия только не будет мешать спасению; а ему надобно не только не мешать, но и содействовать спасению. Как же это оно может делать? Если, по рождении, к нему будет присоединяемо и воспитание детей – в страхе Божиим во славу Божию. Святой Златоуст говорит: «Апостол говорит как бы: вы, жены, не сокрушайтесь о

том, что пол ваш подпал осуждению; Бог даровал вам особое некое средство ко спасению, именно воспитание детей, так что вы можете заслужить спасение не только сами чрез себя, но и чрез других». – И несколько ниже: «деторождение есть дело природы. Но жене даровано не только это (зависящее от природы), но и то, что относится к воспитанию детей. – В том не малая, но великая будет состоять для них награда, что они воспитали ратоборцев Христу». Экумений пишет: «под деторождением Апостол разумеет не только рождение, но и воспитание детей. – Что же, скажет кто, девы, бездетные вдовы (лишившиеся мужа до рождения детей), жены бесплодные погибли? Да не будет! Не то говорит Апостол, что жены не спасутся (без чадородия) собственною своею добродетелию, но что и чадородие будет для них пособием ко спасению, если, – что само собою разумеется, – они содевают спасение собственною своею добродетелию». Блаженный Феофилакт прибавляет к сему нечто особенное: «не родить только, но и воспитать должно. И это есть настоящее деторождение; иначе же это не деторождение, а детораствление. Воспитание, впрочем, детей способствует спасению жен не без собственной их добродетели. Жена добродетельная воспитывает и детей в добродетели. Сущая в ней добродетель чрез воспитание переходит и в детей. Мне кажется, что Апостол, запретив выше женам учить в церкви, теперь в утешение дает им, кого учить. Если хочешь учить, учи детей. – Некоторые, впрочем, не знают как, деторождение поняли, как рождение, бывшее от Пресвятой Богородицы. Она, говорят, родивши Спасителя, спасла жен. Но такое понимание не сообразно с последующею за сим речью».

б) Наставления относительно лиц, избираемых в клир церковный

Сказал святой Павел, что церковными собраниями и молитвами в них должны заправлять «мужие» (1Тим. 2:8), – конечно, не всякий мужчина, но мужи избранные и на это посвященные. Теперь показывает, какими достоинствами должны отличаться лица, избираемые на сие дело, вообще в клир. Была потребность в этих лицах. Христиан стало много, собирались они в разных местах; надлежало определить, кому смотреть за ними. Святой Павел и сам всюду это делал (Деян. 14:23). Были они поставлены им и для Ефеса, как и для всей Азии (Деян. 20:17, 19:26). Но теперь поставленных им оказалось мало. Не имея времени лично это сделать, потому что нужды верующих вызвали его скоро в Македонию, он поручил это исполнить святому Тимофею, как в Крите святому Титу, и пишет, какого свойства должны быть лица, избираемые на это, – именно: а) епископы (1Тим. 3:1–7) – и: б) диаконы с диакониссами (1Тим. 3:8–13).

а) Свойства достойных епископства (1Тим. 3:1–7)

Определяет Апостол, что избираемый на епископство должен браться за сие служение: аа) со всею ревностию (стих 1); бб) должен отличаться добрым нравом и достохвальным поведением (стихи 2–3); вв) доказать прежде свою способность к управлению Церковью добрым управлением своего дома (стихи 4–5); гг) быть не из недавно крещенных (стих 6); дд) пользоваться уважением и среди неверных (стих 7).

аа) Ревность (1Тим. 3:1)

1Тим. 3:1. Верно слово: аще кто епископства хочет, добра дела желает.

Слова: «верно слово» – наши толковники относят к предыдущей речи, то есть к тому, что сказано о спасении жен чрез доброе воспитание детей, при исполнении и общих условий ко спасению, – что спасение сие очень благонадежно, потому что, кроме их собственных дел в свое спасение, им будут приписаны и добрые дела детей. Желая показать, что

говорит сие не затем только, чтоб сказать нечто утешительное женам, а что так воистину есть, Апостол прибавляет удостоверительное: «верно слово». И это очень уместно. Между тем последующая речь не требует никакого удостоверения: тут пишутся указания, справедливость и уместность которых очевидна сама собою. Святой Златоуст, а за ним Экумений и в чтении слова сии соединяют с предыдущею речью, и 3-ю главу начинают с «аще кто епископства хочет». Блаженный Феофилакт хотя 3-ю главу начинает с «верно слово», – но толкованием относит его к предыдущей речи. Святой Златоуст говорит: «верно слово» – относится к этому (о чем говорим, то есть о способствовании спасению жен чрез воспитание детей), а не к тому (что следует): «аще кто епископства хочет». Так как по этому поводу могло возникнуть недоумение, то он и говорит: «верно слово», – что отцы и матери могут пожать плоды добродетели своих детей, когда хорошо воспитают их». То же и у Экумения с Феофилактом. – Так и признать следует.

«Аще кто епископства желает». – «Желает», *ορεϋεται*, – означает такое желание, каково бывает желание пищи у того, у кого возбуждился аппетит. Дело епископства многотрудно и многоопасно. Не выдержать его как должно тому, кто приступает к нему равнодушно. Почему требуется ревностное желание епископства, – не того, чтоб быть епископом и пользоваться властью и почетом, но самого дела епископства, то есть смотра за спасаемыми и руководства их ко спасению. На епископство избирали. Почему надо полагать, что Апостол указывает здесь на такое ревностное желание по избрании и его называет желанием «доброго дела», потому что предмет его добр – просвещать истинною, очищать понятия, исправлять нравы, руководить к высшему совершенству в духовной жизни, отражать лжеучения и лжеучителей, утешать скорбных, устроить пособия бедным и немоществующим, – быть отцом многопопечительным и благоустроительным. Кто, на все такие дела воспламеняясь ревностию, желает епископства, тот доброго дела желает, – ищет не удовлетворения недоброго похотения чести и славы, а желает потрудиться во благо других, быть всем слугою, не жалея себя. Святой Златоуст говорит: «я

не порицаю такого, говорит Апостол. Если кто имеет такое желание и притом домогается не одного начальства и власти, но исполнения обязанностей по управлению (паствою) («желает служить, предстательствовать, руководить» [Экумений]); то я не порицаю его. Ибо он доброго дела желает. Кто таким образом желает сего, пусть желает, ибо епископство так названо потому, что имеет надзор за всеми (вверенными)». Блаженный Феодорит пишет: «Апостол не обвиняет просто пожелание, но любоначалие и учит заботиться не о чести, но о добродетели, не сана желать, но домогаться дела, требуемого саном».

Что здесь разумеется у Апостола под епископством? Пресвитерство, – отвечает блаженный Феодорит. «Епископом» называет здесь Апостол пресвитера, как это доказали мы, толкуя Послание к Филиппийцам. Но не трудно дознать сие и отсюда; потому что после законов епископам пишет законы, относящиеся к диаконам. Тогда одних и тех же называли пресвитерами и епископамп; иногда и называемых ныне епископами именovali Апостолами вторствующими. Но, по прошествии времени, Апостольское наименование оставили действительным Апостолам, а епископское наименование присвоили к называвшимся древле Апостолами (вторствующими). Такими Апостолами были у критян Тит, у жителей Асии Тимофей. – Впрочем, хотя Божественный Апостол узаконил сие и пресвитерам, но явно, что епископам первым надлежит сохранять сии законы, как приявшим большую честь».

бб) Добрый нрав и достохвальное поведение (1Тим. 3:2, 3)

1Тим. 3:2. Подобае убо епископу быти непорочну, единыя жены мужу, трезвену, целомудру, [благоговейну,] честну, страннолюбиву, учительну.

«Говоря о епископстве, Апостол показывает вообще, каков должен быть епископ, не относя своего увещания собственно к Тимофею, но беседуя с ним, как бы со всеми, и чрез него наставляя всех» (святой Златоуст).

Первое, что подобает ему, есть: «быти непорочну», ἀνετίλημpton, – «безукоризненну, чтоб не подавал никакого основательного и справедливого повода к укоризне и обвинению» (блаженный Феодорит). Но таким быть ему нельзя,

если он не украшен всеми добродетелями. «Сказав: «непорочну», – Апостол назвал всякую добродетель. – Таким образом, если кто сознает себя виновным в каком-либо преступлении, то он нехорошо делает, желая такого звания, от которого удалил себя своими поступками. Потому что такому следует не повелевать, а повиноваться. Ибо начальник должен быть светлее всякого светильника и вести жизнь безукоризненную, так чтобы все смотрели на него и по его жизни устроили свою собственную жизнь» (святой Златоуст).

«Единые жены мужу» – не то, чтоб двух жен не имел зараз, ибо это и всякому христианину воспрещено; но чтоб однажды был женат, был одноженец. Того, кто на второй жене женат, не следует избирать в епископы. Амвросиаст пишет: «хотя иметь вторую жену не воспрещено, но достойный епископства должен воздерживаться и от позволенного другим, по причине высоты сего чина. Желаящий его должен быть несравненно выше всех». Равно не то сие значит, чтоб непременно был женат. Блаженный Феофилакт пишет: «говоря сие, Апостол не законополагает, что епископ непременно должен быть женат. Как мог повелеть это говоривший: «хощу, да вси человецы будут якоже и аз» (1Кор. 7:7)?» Насколько двоеженец негоден для епископства, настолько неженатый годен более одноженца. Почему и тогда, как только была возможность, не только в епископы, но и во священники были избираемы неженатые, в беспопечении житейском Богу работавшие. Доставлял таких лиц чин аскетов, родившийся вместе с христианством и Апостолами благословленный и утвержденный в Церкви.

Но как же епископ – и женат? Но во-первых, здесь, как разумеет Феодорит, епископ означает пресвитера. Настоящими епископами были (вторствующие) Апостолы, как, например, Тит и Тимофей; а они были безбрачны. Вероятно, и в других местах на настоящее епископство были назначаемы подобные им лица. Во-вторых, нужда заставляла; ибо тогда девство еще не распространилось так, чтоб всюду можно было находить девственников, хотя начало было ему положено. Между тем епископы были нужны; почему избирали их из таких, которые хотя женаты, но живут воздержно. Блаженный Феодорит пишет:

«язычники не упражнялись в девстве; иудеи не позволяли его, потому что плодородие почитали благословением. Итак, поскольку в то время невозможно было без труда найти соблюдающих плотскую чистоту, апостол Павел велит рукополагать из бывших в брачном состоянии тех, которые чтители целомудрие». Святой Златоуст еще прежде его говорил: «если человек, связанный узами брака, (неизбежно) заботится о мирских делах, а епископ не должен заботиться о мирском, то отчего Апостол сказал: «единыя жены мужу»?

Некоторые полагают, что здесь он указывает на того епископа, который был бы свободен от брачных уз. А если не это (должно здесь разуметь); то, -что он, имея жену, может жить, как будто не имея ее».

«Трезвену». Трезвение острозорко смотрит за всем, происходящим в душе, хорошему дает место и ход, а нехорошее отвергает и изгоняет вон и таким образом добре правит течение внутренней жизни, от которой сама собою благоустраивается и внешняя. Трезвение епископское смотрит за всем происходящим в стаде его и доброе утверждает, а недоброе исправляет; особенно зорко смотрит епископ, не подкрадываются ли какие волки, не щадящие стада, чтоб, когда увидит таких, отгонять их жезлом пастырства своего. Он поставляется стражем дома Божия; почему должен бодренно стеречь дом сей. «Подобает ему быть бодрственну и способну предусматривать, как должно действовать» (блаженный Феодорит); «быть острозорку, всегда неусыпну, внимательно-наблюдательну, чтобы все видеть и всегда быть готову ко всякому нужному делу» (блаженный Феофилакт). «Трезвену», – то есть он должен быть прозорливым, со всех сторон иметь тысячу глаз, – должен быть проницательным и ничем не помрачать своего умственного взора. Ибо много есть таких случайностей, которые не дают ясно видеть, как следует действовать. Почему он должен быть неусыпно бодрствующим, имеющим попечение не только о своих делах, но и о том, что касается других, – он должен бодрствовать, пламенеть духом и, так сказать, дышать огнем, с большею ревностию нести труды и обязанности (своего сана), нежели как полководец, который

день и ночь обходит воинство, – обо всем иметь заботу и попечение» (святой Златоуст).

«Целомудру». Так как о плотском целомудрии было уже слово в словах: «единыя жены мужу», – то здесь под целомудрием следует разуметь «душевное преуспеяние» (блаженный Феодорит), именно – здравоумие, или благоразумие как в своем собственном поведении, так и паче в ведении дел по управлению паствою. Как опрятная одежда хорошо сидит на всем теле, так что все в ней и в меру, и к месту, и к лицу, так благоразумно ведомые дела благообразно да украшают лик епископа, да будет он костеатос¹цеуск; (блаженный Феофилакт).

«[Благоговейну,] честну». Два сии слова отвечают одному греческому: κοσμιον, – которое блаженный Феофилакт истолковал: σεμνοπρεπῆ. И вероятно, наш славянский перевод хотел выразить полнее смысл сего последнего слова, которое значит: благолепно честный и показывает, что лик епископа должен сиять таким священным благолепием, которое вызывает всеобщее уважение. Блаженный Феодорит пишет: «ему надлежит быть степенну и в выговоре, и в наружности, и во взгляде, и в походке, чтобы и в теле видно было душевное благообразие».

«Страннолюбиву» – «доброхотно принимающему пришельцев» (блаженный Феодорит). «Ибо если он к одним только местным жителям приветлив, радушен и милостив, то болит пристрастием. Но ему надо к странным еще более быть щедрым; ибо это очевиднее свидетельствует о его братолюбии» (блаженный Феофилакт).

«Учительну». «Указанные пред сим качества («благоразумие, преподобие и страннолюбие» [Экумений]) имеют многие и из подчиненных, – ибо и они в этом отношении должны быть равны начальникам. Почему Апостол, показывая преимущество епископа, прибавил: «учительну». От подчиненного этого уже не требуется; но оно требуется более всего от того, кому вверена эта должность епископства» (святой Златоуст). «Разумеет же под сим Апостол не красноречием отличающегося, но обученного Божественному и способного подать надлежащий совет» (блаженный Феофилакт).

«Учительну», διδασκτικον, – выражает, что епископ должен быть так полон учительности, чтоб, как только случай, учение текло из уст его рекою, – чтоб всегда мог он исполнить и исполнял, что потом написал Апостол во Втором Послании: «проповедай слово, настой благовременно и безвременно, обличь, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением» (2Тим. 4:2).

1Тим. 3:3. Не пьянице, не бийце, не сварливу, не мшелоимцу, но кротку, [не завистливу,] не сребролюбцу.

«Не пьянице». «Сие сам истолковал Апостол в предписании диаконам: быть «не вину много внимающим» (1Тим. 3:8)» (блаженный Феодорит).

«Не бийце», μη πληκτην, – не драчуну, каким нередко оказывается «вину много внимающий». Но в отношении к исполнению начальнической должности, с которою соединено наказание неисправных, может сие означать и: не строго-взыскательну, не вспыльчиву, не жестоко-наказательну. Блаженный Феодорит пишет: «запрещает сим Апостол не наказание налагать во время, но делать сие недолжным образом. А что повелевает наказывать, о сем, како услышим вскоре, скажет сам: «Согрешающих... пред всеми обличай» (1Тим. 5:20); и еще: «обличь, запрети» (2Тим. 4:2). И, пиша к галатам, сказал он: «О, несмысленнии Галате» (Гал. 3:1) – и еще: «Тако ли несмысленни есте?» (Гал. 3:3)".

«Не сварливу», αμαχον. В греческом слово сие стоит там, где в славянском стоит: «[не завистливу]», – которого нет в греческом. Значит оно: «не любящу заводить тяжбы» (блаженный Феодорит) – и вообще споры и раздоры, – по litigiosum, – не бранчиву, по Амвросиасту.

«Не скверностяжательну», μη αιοχροκερδη, – Феодорит и Феофилакт не читают; но святой Златоуст и Экумений читают. Указывает на такого, который к стяжанию не употребляет таких средств, которые не одобряются общим судом, как, например, – рост; а может быть, и на такого, который ни за что не согласится покрывать в чем скверного ради прибытка, а тем паче вообще все служение свое обратить к сей цели.

«Но кротку». «Научает, как можно быть небийцею и несварливым. Кто кроток, тот не будет таковым» (блаженный

Феофилакт). Кроткий миролюбиво переносит личные неприятности и оскорбления. Таков наипаче должен быть епископ. «Он должен уметь переносить сделанные против него проступки (но только такие). Ибо оставлять без внимания, что терпят обидного другие, – не признак скромности (свойственной епископу). Сказано: «{начальствуй}, со тщанием» (Рим. 12:8)» (блаженный Феодорит).

«Не сребролюбцу». «Не сказал Апостол: нестяжательну, потому что дает умеренные законы, но: не любящему денег. Ибо возможно иметь у себя деньги, но распоряжаться ими как должно и не им раболепствовать, но быть господином их» (блаженный Феодорит). К тому же ему должно быть и благотворительну, «для чего необходимо иметь, из чего благотворить, но иметь без привязанности к имеющему, дабы не сокращалась рука благодетельная. «Поелику выше сказал, что ему должно быть «страннолюбиву»; то теперь прибавляет: «не сребролюбцу», – показывая, что будет он страннолюбив, если не будет сребролюбив, и вместе научая, что под предлогом страннолюбия не должен он собирать сокровищ» (блаженный Феофилакт).

Святой Златоуст изумляется, что святой Павел поминает здесь о таких пороках, которые и во всяком христианине, и даже нехристианине, нетерпимы, – «очень грубых» (Экумений). Почему слова: «не пьянице, не бийце» – истолковал не в собственном их смысле, а в значении переносном: «не пьянице». Не о том говорит Апостол, кто упивается вином, но о бранчивом и продерзком. «Не бийце». Здесь идет речь не о тех, которые бьют руками; но так как есть люди, которые безвременно возмущают совесть братии, то, мне кажется, он здесь на них намекает». То же повторяют и Экумений с Феофилактом. Наконец, святой Златоуст такую обращает речь к Апостолу: «впрочем, что ты говоришь, скажи мне? Беседуя о епископе, сказал, что он не должен быть пьяницею, между тем как надлежало бы сказать что-нибудь более важное. Отчего, например, не сказал, что епископ должен быть Ангелом, не быть подверженным ни одной человеческой страсти? Или почему не выразил тех великих требований, о которых говорил Христос и

которые должны исполнять даже подчиненные, – что нужно распять себя и всегда быть готову отдать душу свою за других? «Пастырь добрый, – говорил Он, – душу свою полагает за овцы» (Ин. 10:11); также: «иже не примет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин» (Мф. 10:38); но сказал: «не пиянице»? Благие можно иметь надежды, если в этом нужно наставлять епископа! Но отчего ты не сказал, что он должен отрешиться от земли, но даже того не заповедал епископу, что заповедал мирянам? Этим говорил: «Умертвите... уды ваша, яже на земли» (Кол. 3:5) – и еще: «иже Христовы суть, плоть распяша» (Гал. 5:24). Почему же не сказал этого и епископу? Потому что таких не много можно было найти, между тем епископов требовалось много, которые бы предстоятельством в отдаленных городах. Поэтому, так как в последствии времени могли возникать наветы против Церкви, то Апостол говорит об умеренной добродетели, а не об этой возвышенной и выпренней, потому что многим свойственно быть трезвенными, честными, целомудрыми». Это же занимало и Амвросиаста, – и он пишет: «для того указал здесь Апостол низшие добродетели, чтоб, если кто окажется имеющим высшие, и сомнения не было, что он достоин епископства. Если кто, влекомый высшими стремлениями, и душу и тело свое посвящает Богу, то такой тем паче достоин».

вв) Доброе управление своего дома (1Тим. 3:4, 5)

1Тим. 3:4. Свой дом добре правящу, чада имущу в послушании со всякою чистотою {честностию}.

Церковь – дом Божий, которым править избирается епископ. Способен ли на сие служение избираемый, можно судить по тому, как он правит своим домом. Кто хорошо правит домом, от того можно ожидать, что он хорошо будет управлять и Церковью. Хоть это дело ширше, и предметы управления сложнее, и цели его возвышеннее, но управление, как управление, одинаковых требует приемов. То правда, что заключение от хорошего домоуправления к хорошему управлению Церковью не необходимо следует, но всякий хороший управитель дома, при избрании на предстоятельство в Церкви, не может не иметь перевеса над другими, подавая

добрые надежды. «То же говорят и внешние, что хороший домоправитель скорее может сделаться хорошим правителем дел гражданских» (святой Златоуст). Дом обнимает и лица, живущие в нем, и имущество его, и его внешние отношения к правительству и частным лицам. Все сие есть и в Церкви: есть и лица всех состояний и возрастов, – есть и свое имущество, определяемое на содержание бедных, больных, престарелых, вдов и сирот, кроме домов собрания, – есть и свои отношения ко внешним. Кто в доме оказал опыт хорошего управления по всем частям, тот, вступая в управление Церковь, вступит не на новое и совсем неведомое ему дело. Почему скорее найдется, как действовать в том или другом случае. Святой Златоуст говорит: «и Церковь есть то же самое, что малый дом, и подобно тому, как в доме находятся дети, жена, слуги и над ними всеми возвышается своею властью муж; так и в Церкви не иное что, а то же самое (встречаем) – детей, жен, слуг. Если предстоятель Церкви имеет соучастников своей власти, то и там муж имеет соучастницею власти жену. Но здесь должно заботиться о пропитании вдовиц и девственников? И там тоже муж имеет на своем пропитании рабов и дочерей».

«Чада имущу в послушании со всякою {честностию}». Из всех предметов управления по дому особому предлагает вниманию избирателей поведение детей; не в том, конечно, значении, что, у кого дети хороши, тот хороший правитель, потому что тут все может зависеть от естественных причин, но в том особенно, что коль скоро дети не хороши, то отец какой уже правитель? «Дома должен он показать хороший пример управления. Ибо кто поверит, что чужого заставит слушаться себя тот, кто своего сына не умел держать в послушании?» (святой Златоуст). – Из добродетелей, рекомендуемых чад, указывает Апостол на послушание и всякую честность: послушание к родителю, как главе дома, а честность пред всеми, и в доме, и вовне. Можно поэтому сказать, что эти две черты обнимают все доброе поведение детей. Почему блаженный Феодорит: «имущу чада» с такими свойствами, – толкует: «учащу детей всякой добродетели; для чего требуется, чтобы действовало не одно расположение самых детей, но и

собственное его произволение». Блаженный Феофилакт пишет: «со всякою {честностию}» – значит: и в слове, и в деле, и в одежде, – и притом пред всеми и во всякое время» – и наводит: «как можно надеяться, что сделает честными чужих, когда своим кровным попустит жить нечестно?»

1Тим. 3:5. Аще же кто своего дому не умеет правити, како о Церкви Божией прилежати возможен?

Слово: «не умеет» – указывает на недостаток или благоразумия, или характера, а слово: «прилежати» – обличает леность, недостаток усердия к благосостоянию дома. Если, судя по домоправлению, в ком не предвидится ни усердия, ни характера, ни благоразумия по управлению Церковью, от того как можно ожидать хорошего управления ею, – ожидать, что он позаботится о ее благе? От меньшего Апостол заключает к большему. «Кто не умеет распоряжаться малым, тому можно ли вверять попечение о важнейшем и Божественном?» (блаженный Феодорит). «Домом управлять легче. Поэтому как может управлять делами церковными тот, кто и дом свой нехорошо устрояет?» (святая Златоуста). «Если он не мог быть хорошим правителем того, что и не велико, и удобоопределимо, то где ему управить стольких душ нравы и помыслы, недомыслимые?» (блаженный Феофилакт).

гг) Не недавнее крещение (1Тим. 3:6)

1Тим. 3:6. Не новокрещенну, да не возгордевся в суд впадет диаволь.

Новокрещенный, как ни будь он воспламенен духом, все же есть новичок в деле веры и жизни по вере. Потому естественно во многом стоит ниже других, равно горящих духом, но давно уже вступивших в путь следования Господу, которые и знают больше, и испытали множайшее. Хотя впоследствии он может опередить всех, но теперь он позади многих, и стать ему руководителем и учителем всех и таких непригоже. Но Апостол не эту непригожесть выставляет как причину, почему новокрещенного не следует поставлять епископом, а – нравственную опасность Для него самого, – что возгордится и за то подпадет такому же осуждению, какому подвергся диавол, с неба сверженный за гордость. Новичку в обществе верующих,

«такому, который не обучен предварительно Божественному и, включенный в список учеников, не упражнялся сперва в добродетели, – получив председательство, немудрено дать в себе место страсти высокомерия» (блаженный Феодорит). Но каким судом угрожает ему Апостол? Как и в какой суд, осуждение и присуждение по суду, или наказание, впадет он, и где? Апостол не указывает этого; потому можно думать, что он хотел только сказать, что такой достоин будет суда, подобного суду диаволу, – станет в этот ряд, и пред лицом Божиим, и во мнении верующих, не определяя, как объявлен будет такой суд и присуждение по нему. Худое последствие возгордения Апостол ограничивает нравственным состоянием самого возгордевшего, – что он ниспадет с той высоты светлого состояния, в какое поставила его благодать Духа Святаго чрез святыя таинства, совершенные над ним. Ибо гордость обнажает от сей благодати, заграждает ей входы внутрь и поставляет разгордевшего опять в то худое состояние по духу, в каком был до веры, или даже ниже его; а тут он опять попадает в руки диавола, от власти которого избавила было его Божия благодать по вере. Некоторые это последнее следствие возгордения и разумеют под «судом диаволи».

«Не новокрещенну», μη νεοφύτων, – не новонасажденну, не новопривиту. Выражение взято из приточной речи Спасителя, где Он Себя называет масличным деревом, а всех верующих отростками, ветвями и прививками сего дерева. Прививаются к Господу крещенные, которые чрез крещение облачаются в Него, Его жизнь исполняются, как прививки соками дерева, к коему привиты. Почему новонасажденный то же, что новокрещенный. Но под сим словом не разумеется юный возраст. И святой Тимофей был юн, – и «сам Божественный Павел, будучи в юности, сподобился призвания» (блаженный Феодорит). Но это не попрепятствовало святому Павлу быть первенствующим, а святому Тимофею вторствующим Апостолом. Святой Златоуст говорит: «Апостол присовокупляет: «не новокрещенну», – разумея здесь не того, кто был бы юн возрастом, а новооглашенного, подобно как говорит в другом месте: «Аз насадих» (1Кор. 3:6). Он сказал сие, желая означить сего

последнего (новонасажденного). Ибо что препятствовало сказать: не юну? К тому же он сам поставил епископом Тимофея, несмотря на то, что он был молод, о чем и свидетельствует, говоря к нему: «Никтоже о юности твоей да нерадит» (1Тим. 4:12), – (показывая, что юность не препятствует сему, когда достойна). Апостол знал, что святой Тимофей обладал многими добродетелями, что он достиг до великого совершенства в жизни, что он был многосведущ: «измлада священная писания умееши» (2Тим. 3:15), говорит к нему в Послании Апостол. А что он соблюдал строжайший пост, сие видно из следующих слов Апостола: «мало вина приемли... ради... частых твоих недугов» (1Тим. 5:23). Если б Апостол не знал о столь высоких его добродетелях, то и не писал бы и не поручил бы столь высокого служения ученику. (Итак, «не новокрещенну» – не значит: не юну). Но так как в то время многие из язычников (почтенных) обращались и крестились, то и говорит Апостол: новокрещенного, то есть новооглашенного, не вдруг возводите на высоту власти. Ибо если он, прежде нежели обучится всему или станет совершенным учеником, вдруг будет поставлен учителем, то впадет в высокомерие; если, не научившись повиноваться, займет место начальника, то сделается надменным. Почему и прибавил: «да не возгордевся в суд впадет диаволь», – то есть чтобы не подпал тому же осуждению, какому тот подвергся за свою гордость».

Блаженный Феодорит пишет: «судом Апостол назвал здесь наказание», подобное тому, какому подвергся диавол. Так и все другие толковники. Но Амвросиаст видит здесь иное нечто. Он пишет: «воистину бывает так, что неискушенный в вере надымается гордостью, особенно если получит посвящение. Ибо, по новости чина и власти возмечтав о себе много, начинает он думать, что и по совершенствам стоит выше других. К тому же, видя, что в первый год рождения в новую жизнь почтен такую честию, впадает в помышление, что он призван не для своего преуспевания, а для других: как бы более сам оказывал вере благодеяний, нежели сколько получил от нее. Но, возгордившись вследствие таких помышлений, попадает он в сети диавола. Ибо сатана, воспользовавшись случаем его

возгордения, низвергает его в пропасть. В сем смысле у Соломона говорится: «Бог гордым противится» (Притч. 3:34). И тот же Апостол в другом Послании говорит: «Аще... кто мнит себя быти что, ничтоже сый, умом льстит себе» (Гал. 6:3). И Господь сказал: «всяк возносяйся смирится» (Лк. 14:11)".

дд) Уважение и среди неверных (1Тим. 3:7)

1Тим. 3:7. Подобаает же ему и свидетельство добро имети от внешних, да не в поношение впадет и в сеть неприязнену.

«Не сказал: надлежит ему иметь свидетельство, но «и свидетельство имети», – то есть между прочим и это, а не одно это только» (святой Златоуст). Сказав, что епископ должен быть безукоризнен (1Тим. 3:2), и изобразив разные стороны такой безукоризненности среди верующих, теперь прибавляет ко всему тому и "доброе свидетельство от внешних», – то есть от не принадлежащих к Церкви верующих, иудеев и еллинов. Иметь свидетельство не то значит, чтоб надлежало добыть форменное свидетельство от не своих и представить своим, но то, чтоб избираемый в епископы пользовался доброю славою и среди неверных. В каком отношении? Конечно, не по внешнему положению, но по всем известной доброй нравственности и житейским добродетелям. Святой Златоуст, прилагая к сему слова Спасителя: «Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже есть на небесех» (Мф. 5:16), говорит: «пусть поступки его будут светлы. Ибо подобно тому, как никто не назовет солнца темным, даже самый слепой, потому что он стыдится идти против общего мнения, – так и совершенно праведного никто не станет порицать. Правда, язычники часто клеветали на них (епископов или христиан вообще) ради их верований, но праведной их жизни не порицали, напротив, вместе с другими удивлялись и приходили в изумление (взирая на нее). И на Апостолов клеветали; но что? Что они льстецы и обманщики, – то есть ради их проповеди, – и это делали потому, что ни в чем не могли укорить их жизни. Ибо почему никто не сказал об них, что они любодее, нечестивцы, корыстолюбцы, но – льстецы, что относилось к одной только проповеди? Не потому ли, что они вели жизнь безукоризненную? Конечно,

потому. Поэтому и мы (епископы) так должны жить; и тогда и об нас никто не станет худо говорить, хотя бы это был наш враг или неверный. Ибо, кто ведет праведную жизнь, тот и у неверных становится достойным уважения: истина и врагам заграждает уста». Святой Златоуст, как очевидно, имеет здесь в виду доброе свидетельство внешних более о нравственной жизни избираемого; а Амвросиаст – более о житейских добрых его качествах: «следуя слову Господа, Апостол говорит, что имеющий быть епископом должен иметь доброе свидетельство и от внешних; потому что верный в меньшем будет верен и в большем. Кто в меньшем, то есть в мирских делах и в житейских соотношениях, неверным оказывается, тот, нет сомнения, будет неверен и в отношении к Божественным вещам. Напротив, кто людям изъясняет верность, тот тем более будет изъяснять ее Богу».

Доброе свидетельство внешних прежнее ли поведение избираемого имеет в основании, когда он сам был внешним, или новое, когда он стал внутренним, Апостол не указывает. Нечего потому и гадать об этом. Было бы доброе свидетельство от внешних, а когда и как оно образовалось, на это нечего смотреть. Тогда из обращающихся были многие такие, которые прежде жили зазорно; но, сделавшись христианами, начинали жить безукоризненно и вследствие того приобретали доброе о себе мнение и среди тех, которые прежде зазирали их жизнь. Таких еще скорее следовало избирать: ибо чрез то наияснейше представляемо могло быть взору всех благотворное действие веры Христовой.

«Да не в поношение впадет и в сеть неприязнену». Это в случае, если б избрали не имеющего доброго свидетельства от внешних, и тем паче имеющего недоброе свидетельство. Но какое дело внутренним до внешних, когда они по совести признают избираемого достойным? Внешние могут не знать его хорошо или злонамеренно клеветать на него. Будто и следует правду приносить в жертву их неправде?! Не потому надо брать во внимание их свидетельство, чтоб жертвовать их неправде правдою; но, оставляя у себя и для себя правду правдою, то есть не изменяя своего доброго мнения о не имеющем доброго

свидетельства от внешних, лучше не избирать его во избежание худых от того последствий. Святой Златоуст говорит: «а если он будет оклеветан и случайно подвергнется несправедливому обвинению? Может и это случиться. – Но в таком случае не должно его избирать из среды других; ибо это внушает большие опасения».

Опасности две: «да не в поношение впадет и в сеть неприязнену».

«Да не впадет в поношение». Но он уже в поношении, если не имеет доброго свидетельства. Какого еще поношения опасаться? Может быть, Апостол под: «да не в поношение впадет» – понимает: да не падет под тяжестью его, как в: «не введи нас во искушение» (Лк. 11:4) – разумеется: не дай нам пасть под тяжестью его. Пока, оставаясь частным лицом, слышал он недобрые о себе отзывы, легко сносил их, пропуская мимо ушей. А когда поставят его главою общества верующих, тогда нелегко ему оставаться равнодушным к тому. Начнут его давить то стыд и пред собою, и пред своими, и пред чужими, так что и на люди показаться неохотно, – то досада, гнев и злость. Эти неприятные движения сердца и сами уже суть «сеть неприязненная», – по-гречески: *του διαβόλου* – дьявольская. Но они могут для врага послужить поводом к сплетению еще более опасной сети. Отяготившись и обессилив, он может, под действием недремлющего врага, бросить и епископство, и самое христианство и «обратиться к прежней беззаконной жизни» (блаженный Феодорит). – Как такая опасность очень возможна, – опасность большая, а избежать ее очень легко, то благоразумнее так поступать, чтоб не подвергать ей никого.

Или «да не в поношение впадет»: чтоб не впасть еще в большее поношение, которое с него может перейти и на все общество верующих и тем пресечь благоуспешное действие Евангелия (блаженный Феофилакт). Что можно тоже назвать сетью вражьей: ибо сети устрояются то на ввержение в грех и пагубу, то на воспрепятствование расширению круга добра. Соблазн для неверных от поношения епископа верных есть тоже сеть дьяволова.

б) Свойства достойных диаконства (1Тим. 3:8–13)

Диаконы введены Апостолами с самого начала основания Церкви. Первоначально им назначено было удовлетворять вещественные нужды верующих; но на этом дело не остановилось, ибо скоро видим святого Стефана проповедующим слово Евангельское. Если проповедь слова им позволяема или поручаема была; то тем паче не могло быть чуждо им служение при совершении Божественных таинств. Отсюда можно положить, что диаконы были избираемы – быть помощниками пресвитерам и епископам, в их служении Церкви по всем частям, – и, как такие, подобно им получали особую благодать чрез рукоположение. Судя по сему, нельзя не видеть, сколь было необходимо, чтоб и на сие служение были избираемы лица достойные; тем паче, что, вступив на сию степень, они вступали на путь движения и к высшим степеням служения Церкви, как здесь же и обозначается. Вследствие последнего обстоятельства требуемые от избираемых на сие служение лиц свойства сходны с свойствами, требуемыми от избираемых в епископы или пресвитеры. Особенность видна только в нескольких чертах, – именно что они должны быть прежде испытуемы и иметь таинство веры в чистой совести, воодушевляясь к доброму служению чаянием получить высшее служение. О епископах этого не говорится, потому что в первом они уже испытанными являются к избранию, и последнее получают. – Часть служения по Церкви удобнее могла быть исполняема женщинами, как, например, при крещении жен и хождении за болящими из них; для исполнения такого служения были назначаемы диакониссы. Апостол не забыл о них сказать слово, – краткое, в одном стихе, но много обнимающее.

1Тим. 3:8. Диаконом такожде чистым, не двоязычным, не вину многу внимающим, не скверноязычным.

Блаженный Феодорит, как видели, полагает, что выше словом: епископы – обозначаются пресвитеры. Но святой Златоуст утверждает, что сим словом означаются епископы, а пресвитеров Апостол пропустил, давая судить о них по епископам. «Сказавши о епископах, и начертав их образ, и показав, что они должны иметь и чего избегать, Апостол опускает чин пресвитеров и переходит к диаконам. Почему так?

Потому что не велико расстояние между пресвитерами и епископами. И первые получили тоже дар учительства и также суть предстоятели Церкви; поэтому то же самое, что он сказал о епископах, приличествует и пресвитерам. Ибо первые одним только тем отличаются от последних, что совершают рукоположение их, – и в этом одном заключается их преимущество пред пресвитерами». Того же мнения и Экумений с Феофилактom. – Приходит на мысль, не было ли так, что Апостолы поставляли только епископов, которые одни и совершали всё по Церкви. Пресвитеров же епископы избирали и посвящали в помощь себе только в таком случае, если сами одни не могли всем управиться.

«Диаконом такожде». «То есть и им должно иметь то же самое, что и епископам. Что же это то же самое? То есть быть непорочными, целомудренными, странноприимными, кроткими, не сварливыми, не сребролюбцами» (святой Златоуст). «И они да водятся такими же законами» (блаженный Феодорит).

«Чистым», σεμνους, – честным. «Они должны, говорит, кроме сказанного, иметь и честность» (блаженный Феофилакт). Σεμνος – от: σέβω – чту, благоговеинствую, в религиозном порядке, -означает и того, кто достоин некоего священного и благоговейного почитания, и того, кто сам благоговеен, страха Божия исполнен, – богобоязнен. Разумеется честность не житейская, а нравственная степенность и религиозное благоговеинство.

«Не двоязычным», μη δίλογος, – не двословным, – «не говорящим одному одно, а другому другое, но украшающим язык истиною» (блаженный Феодорит); или «не одно на уме держащим, а другое говорящим» (блаженный Феофилакт). Как такого рода речи, кроме неискренности, обличают и некое лукавство, то святой Златоуст говорит: ««не двоязычным», – то есть не лукавым, не хитрым. Ибо ничто столько не делает человека бесчестным, как лукавство; и ничто столько не приносит вреда Церкви, как хитрость».

«Не вину многу внимающим». Много вину внимает, кто любит выпить. Но, «кому вверяется служение в Церкви, тем преимущественно надлежит освободиться от этой страсти»

(блаженный Феодорит). «Не сказал: не пьяницам (упивающимся), потому что это уж крайне грубо и низко, но: не многопийцам. Ибо, хотя и не упивается кто, пьет, однако ж, много, – все же настроение души его делается никуда не гожим. Древние, вступая в служение во святилище, совсем оставляли употребление вина» (блаженный Феофилакт, Экумений).

«Не скверностяжательным». «Скверностяжатель не тот, кто, как предполагали, не чуждается получать какие-либо выгоды, но кто охоч собирать выгоды с вещей срамных и крайне неприличных» (блаженный Феодорит) – или «кто не отказывается ни от какой выгоды, откуда бы она ни приходила. Принимай здесь скверностяжателя за скупого любостяжателя и сребролюбца» (блаженный Феофилакт). «Скверными стяжаниями достоин называть и те, которые заботливо приобретаются под видом благочестия» (Амвросиаст). Последнего тем паче надлежало опасаться в диаконах, что их дело было успокоить нуждающихся верующих из церковного достояния.

1Тим. 3:9. Имущим таинство веры в чистой совести.

«Таинство веры» есть то, о коем ниже Апостол сказал: «исповедуемо велия... благочестия тайна: Бог явися во плоти... вознесся в славе» (1Тим. 3:16). Бог нисшел на землю в воплощении и устроил нам дивный образ спасения. Таинство есть сие, потому что непостижимо для нас и по откровении, и по устроении самым делом спасения, – непостижимо и в том, как это совершено Богом воплощенным, и в том, как нам действительно усвоится и нас спасает. Приемлется же сие таинство верою, что так несомненно есть, так как Сам Бог все сие и соделал, и истолковал нам, и что приемлющий и делающий все, как определено в сем образе спасения, несомненно получает спасение.

Содержать такое «таинство веры в чистой совести» есть чистосердечно, по всей совести, сему веровать, не колеблясь и не раздвояясь в мыслях, глубокое во всем питая убеждение и не допуская никаких противных тому помышлений. Или так: совесть чиста, когда кто всеусильно делает все требуемое заповедями или исполняет всякую познанную волю Божию.

Такая совесть всю душу освящает и умиротворяет – и делает ее сосудом, пригодным к содержанию и хранению Божественного и пренебесного таинства веры. Апостол и внушает, чтоб избираемый в диаконы в такой чистой совести содержал таинство веры, то есть веруя и жил чисто и безукоризненно, и по внешнему поведению, и по внутренним чувствам и настроениям. Святой Златоуст говорит: «этим Апостол показывает, что значит быть непорочным». Блаженный Феодорит прибавляет: «быть подтверждающим веру делами. Ибо чистою совестью Апостол назвал добрые дела. Делатель их не уязвляется совестью». Блаженный Феофилакт поясняет: «с хранением правого догмата имеющим и жизнь непорочную. Ибо чистою совесть бывает при непорочной жизни».

1Тим. 3:10. И сии убо да искушаются прежде, потом же да служат, непорочни суще.

«И сии убо», – и будучи таковыми или быв признаны такими, то есть «имеющими таинство веры в чистой совести», – и прочие показанные выше добрые качества, «да искушаются», – да подвергаются испытанию, в котором они показали бы, что все видимые в них доброты глубоко лежат в сердце, составляя черты установившегося их нрава, а не кажущееся нечто и случайное. Может быть, испытанию сему подлежали они особенно со стороны способности к исправлению дел диаконства, – благоразумны ли, распорядительны ли, внимательны ли: ибо многие, обладая хорошими свойствами сердца, бывают очень неискусны в ведении внешних дел. Это требование испытания равносильно тому, что скажет он ниже: «Руки скоро не возлагай ни на когоже» (1Тим. 5:22), и тому, что сказал уже о епископах, да не будет он «новокрещен». Так святой Златоуст: «смотри, – он и здесь говорит: «не новокрещенну». Ибо выражение: «и сии да искушаются прежде» – то же значит, что сказанное им о епископах». То же пишет и Феофилакт: «Как, говорит, относительно епископа я требовал, чтоб он был не новокрещен, так требую, чтоб и эти не были допускаемы до служения, не быв испытаны, но после того, как, быв довольно потерты под испытанием, окажутся безукоризненными: подобно тому, как (и в житейском быту)

новокупленному рабу никто не поручит распорядительной какой-либо должности, прежде чем он по времени окажет себя на то гожим».

«Потом же да служат», διακονεῖτωσαν, – да допускаются до служения или, лучше, да поставляются в диаконы, – да вдиаконяются. Так блаженный Феодорит: «надобно, чтобы прежде испытана была жизнь их, а потом уже сподоблялись они духовной благодати». «Непорочни суще» – не «если непорочны», но будучи таким образом или оказываясь после сего безукоризненными во всех отношениях, ничего не имея в себе, чего не одобряла бы чья-либо совесть из всего общества христиан.

1Тим. 3:11. Женам такожде чистым, не клеветливым, [не навадницам,] трезвенным, верным во всем.

Под «женами» здесь не понимаются ни женщины вообще, – потому что к чему бы вставлять речь о них среди речи о лицах, служащих в Церкви? – ни жены диаконов, потому что тогда стояло бы: женам их. Но как речь идет о лицах, служащих Церкви, то и под женами здесь надо понимать такие же лица из женского пола. Такими были диакониссы; о них и слово. Так святой Златоуст: ««женам», – то есть диакониссам. Некоторые полагают, что это просто сказано о женщинах; но это несправедливо. Ибо что мог иметь Апостол в виду, вставляя в среду своей речи несколько слов о женщинах? Но он говорит здесь о таких женщинах, которые облечены званием диаконисе. Об них прилично было сказать, что сказано. Ибо сие звание весьма нужно, полезно и достойно уважения в Церкви» (святой Златоуст).

«Такожде». «Что поставил в закон мужам, то же почти самое поставляет и женщинам. Как диаконов нарек «{честными}», так честными же нарекает и диаконисс; как тем предписал быть «не двоязычными», так и сим поставляет в обязанность быть не клеветливыми; как тем узаконил «не вину многу внимать», так и сим повелел быть «трезвенными» (блаженный Феодорит).

«Чистым» – и здесь, как выше «{честным}», σεμνὰς, – пользующимся уважением и благоговейным.

«Не клеветливым», μη διαβολουc, – не навадницам, ложные распускающим слухи о других, «которые, как обычно старухам, ходят по домам и нашептывают той про эту» (блаженный Феофилакт).

«Трезвенным», νηφαλιc, – внимательным к себе и бодренным. «Так как легок и удобопрельстим род сей, то не должно, говорит, им дремать, но быть бодренно-бдительными» (блаженный Феофилакт). Это и в отношении к себе, и в отношении к возлагаемым на них делам.

«Верным во всем», – «то есть стойким и в слове и в делах» (блаженный Феофилакт), таким, на которых во всем можно положиться, что верно и точно исполняют все порученное, и так, как поручено, что не выдадут ничего им вверенного и своего данного слова никогда и никак не нарушат.

1Тим. 3:12. Диакони да бывают единыя жены мужи, чада добре правяще и своя дома.

«Единыя жены мужи». «Видишь ли, что и от диаконов Апостол требует той же самой добродетели (что и от епископов)? Хотя они по сану и неравны епископу, однако должны быть столь же непорочны, столь же чисты» (святой Златоуст). «Разуметь сие должно по прежнему толкованию» (блаженный Феодорит).

«Чада добре правяще и своя дома». «Сие поставил в закон и называемым у него епископами» (блаженный Феодорит). «Везде он говорит об управлении детьми, дабы прочие не имели повода к соблазну» (святой Златоуст).

1Тим. 3:13. Ибо служивший добре степень себе добр снискают и многое дерзновение в вере, яже о Христе Иисусе.

Воодушевляет Апостол диакона к доброму диаконствованию, обещая добрые от сего плоды, и внешние и внутренние, и по Церкви, и по сердечному отношению в вере к Господу Иисусу. Пред этим будто пропущено одно слово. Сказал, что достойный диаконства должен быть такой и такой и кто окажется таким, того, испытав, ставь в диаконы. Ожидалось бы или – и внушай ему, чтоб добре диаконствовал, или – ты же, диакон, добре диаконствуй. Но это дается самим доразуметь, и говорится только: ибо добре подиаконствовавшие не без плода

потрудятся. Воодушевление такое нужным сочтено для диаконов потому, что служение их многохлопотливо и многотрудно, и по душе и по телу.

«Добре служивший», *διακονησαντες*, – подиаконствовавшие, диаконскую должность добре исправлявшие, «степень себе добр снискают», – само собою разумеется, – степень в церковном служении, то есть после диаконства удостоятся пресвитерства, а потом и епископства. Святой Златоуст говорит: «он как бы говорит: те, которые показали себя бодренно усердными в низших степенях, скоро достигнут и прочих (высших)». В начале сказал, что, кто епископства желает, доброго дела желает. Теперь указывает, какая к тому лежит дорога, именно, – доброе служение Церкви в диаконстве. И опыт показал, что добре диаконствовавшие славны были потом и на степенях пресвитерства и епископства (блаженный Феофилакт).

Это плод от доброго диаконствования по положению в Церкви. По внутреннему преуспеянию от этого получится «много дерзновение в вере, яже о Христе Иисусе», – то есть много дерзновение пред Господом, в силу веры в Него, – стяжут «великое совершенство (в духе) и дерзновение в вере во Иисуса Христа» (святой Златоуст). «Кто же может стяжать такое дерзновение, как не тот, кто с верою и живет праведно?» (Экумений). Праведная жизнь диакона – доброе диаконствование. Церковь – дом Господа Иисуса. Служа Церкви, Самому Господу служат. Но как в житейском быту верно и усердно работающий домовладыке и доступ к нему имеет, и слово пред ним должное не робеет сказать: так и верно служащие в Церкви самую совесть свою уполномочиваются смело воззвать к Господу и изрекать пред Ним желания сердца своего, – о себе и о верующих. Достигший сего усердным трудом в диаконстве есть уже достоин стоять на степени пресвитера и епископа, чтоб дерзновенно возносить к Господу ходатайственные о сонме верующих молитвы.

3) Как действовать на пасомых

Здесь святой Павел сначала дает наставления: А) вообще о достойном пастырствовании, – учении, назидании, руководстве, наиболее с той стороны, как пастырю себя к тому готовить и как бы воспитывать (1Тим. 3:14–16, 4:1–16); а потом указывает: Б) как учить и руководить пасомых, судя по их разным состояниям (1Тим. 5, 6:1–19).

а) Общее – о достойном пастырствовании

Не будем наперед указывать частных в сем отделении подразделений, а будем означать их по течению Апостольского слова.

а) Единственный руководитель учителю истины – святая Церковь (1Тим. 3:14–16)

На первом месте ставит святой Апостол указание, что единственный руководитель учителю истины в истине есть святая Церковь и что первая истина учения его есть: «Бог явился во плоти». – Но этому предпосылает он некое утешение любимому ученику своему, – недавно от него осиротевшему.

1Тим. 3:14. Сия пишу тебе, уповая прийти к тебе скоро.

«Сия пишу» – не предыдущее только, но и последующее, сие послание пишу, «упоая прийти к тебе скоро». Последние слова не ту внушали святому Тимофею мысль, будто святой Павел пишет только кое-что, гоже на время, пока придет, а когда придет, сообщит более важное и полное. Ибо Послание содержит важные и подробные наставления. Напротив, они должны были служить для него утешением в скорби, которую могла навеять сия самая полнота и подробность наставлений. Видя это, святой Тимофей мог подумать: верно не воротится уже дорогой мой отец и любимый наставник, – подумать и начать скорбеть. В предотвращение такого думания и такой скорби Апостол удостоверяет: «сия пишу» – не как прощальное завещание, но уповаю, что скоро и сам к тебе ворочусь. Святой Златоуст говорит: «дабы чрез то, что делает ему наставление

касательно таких предметов, не повергнуть ученика в скорбь, Апостол говорит: не потому я пишу это, что уже больше не приду к тебе; напротив, я приду. Впрочем, если случится, что замедлю, то, говорит, ты не сокрушайся об этом. Таким образом он пишет сие к Тимофею с тою целью, чтоб облегчить скорбь его; что же касается до прочих (имевших читать Послание ефесян, то это служило к тому), – чтобы воздвигнуть их от недеятельности и сделать более ревностными. Ибо его присутствие, хотя бы оно было только обещано, могло сделать много».

1Тим. 3:15. Аще же замедлю, да увеси, како подобает в дому Божии жити, яже есть Церковь Бога жива, столп и утверждение истины.

Что подробное даю наставление, то это на случай, если замедлю. Тебе надобно знать, как следует жить и действовать среди верующих, как архипастырю. Я и пишу тебе об этом подробно. Хотя ты все почти знаешь, видевши, как мы с тобою благоустраивали Церкви Божий; но и тебе нужно напоминание, чтоб, освежая в мысли, как все в Церкви бывает благообразно, ты увереннее соответственно тому действовал, не приходя в смущение при сплетении обстоятельств и не сбиваясь от того с должного пути. Но более нужно это для других, чтоб видели, что ты получил заповедь именно так, а не иначе действовать, а не действуешь по своему произволу.

"В словах: «уповаю прийти... аще же замедлю» – Апостол обнаруживает незнание; потому что так говорить свойственно незнающему» (святой Златоуст). Святой Павел, как и все Апостолы, ревностно и неумолимо действовал, исполняя возложенное на него дело: строил планы, обдумывал средства. Но при этом и ход дела, и успех в нем предавал в волю Божию, ко всякому задуманному шагу прилагая: аще волею Божиею, благопоспешен буду. Он все предавал водительству Божиему, которое могло совсем другое дать направление его движению, нежели какое он думал иметь, как это уже не раз испытал. «Почему, так как он во всем водился Духом и по своей воле ничего не делал из того, что делал, то и сказал так нерешительно» (святой Златоуст). Блаженный Феодорит пишет:

«ни Божественные Пророки, ни богомудрые Апостолы не предвидели всего. Что служило на пользу, то и открывала им благодать Духа. Сие означает и незнание, выраженное в настоящих словах Апостола. Ибо, сказав: «уповаю прийти», – присовокупил: «аще же замедлю». Ибо часто задерживала его какая-нибудь потребность (или извещение свыше). Посему говорит: пишу это, научая, как должно вести себя тем, кому вверено попечение о других; потому что «домом Божиим и Церковью» назвал он собрание верующих».

«Како подобает жити», *αναστρέφεσθαι*, – обращаться, – себя держать и с другими сноситься и на них действовать, – «в дому Божии», – в Церкви или обществе верующих. Пастырь пасет. Непасущий пастырь – какой пастырь? Его дело быть среди пасомых и действовать: учить, назидать, исправлять, утешать, отрезвлять, защищать, – «упорядочивать Церковь» (Амвросиаст), или стадо верующих. К этому и направляются теперь наставления Апостола. Сказанное пред сим есть как бы предисловие к нижеследующим наставлениям.

«Дом Божий, Церковь Бога жива» есть общество верующих. Бог везде есть, но в Церкви Он есть особенным образом, – есть внутри каждого из верующих, а чрез то и в целом сонме их, – тоже не внешне, но внутренно, всех животворя, одушевляя и объединяя, и их друг с другом, и всех с Собою. Бог Отец обетовал: «вселюся в них и похожду» (2Кор. 6:16). Бог Сын удостоверил: «се, Аз с вами есмь во вся дни» (Мф. 28:20). О Духе Святом дано свидетельство: «храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас» (1Кор. 3:16). Триипостасный Бог, – живой и зиждяй, – живет в сонме верующих, в теле Церкви. Тайну сию открыл Спаситель, говоря: «Аз во Отце Моем, и вы во Мне, и Аз в вас» (Ин. 14:20), – прибавим из других мест: благодатию и действием Святаго Духа. «Не говори, что Церковь люди собрали. Она есть дело Бога, – Бога живого и страшного, а не мертвого и немощного, каковы боги еллинов» (блаженный Феофилакт). «Она Богом устрояется, Богу посвящается и Бога имеет живущим в себе» (Экумений).

Но и Церковь особенным образом имеет Бога в себе живущим, – не так, как вещественный дом своего владельца.

Этот не состоит в союзе с живущим в нем и не чувствует, как он живет. А Церковь, животворимая живущим в ней Богом, сочетана с Ним живым союзом и чувствует живущим Его в себе, чувствует и то, что живет Им – и что поэтому паче и есть дом Его. Бог творит Себе дом из душ, обращая их к Себе, очищая, освящая и преисполняя, и, Собою всех исполняя, всех сочетавает во едино, и живых, и отшедших, и всех содержа в живом между собою единении.

Сия-то Церковь есть столп и утверждение истины. Ибо есть Церковь Бога жива, Который есть Бог истины, или самая истина. Почему все в ней истинно: истинно исповедание веры, истинно освящение таинствами, истинно благодатствование, истинна жизнь по Богу, Богом в ней зиждемая, истинна помощь Божия, истинны обетования, животворящие труждающихся в доме Божиим, – все истинно в ней; и в другом где-либо месте не ищи истины. Есть подобия некие истины и вне ее; но настоящая истина только в ней. Возрадуйся и благослови Бога, истинствующего в Церкви и тебя соделавшего причастником Своей истины и сотаинником ее!

Слова: «столп и утверждение» – выражают твердость, непреложность и неизменность истины. Но Церковь есть собрание людей, которые обычно изменчивы: как же она столп и твердыня истины? Церковь такую есть, яко дом Бога живого, единого истинствующего, и как союз людей обожженных. Истинные сыны церкви – люди, но не как люди. Все люди – не настоящие, вследствие падения, люди; а те, которые вступают в Церковь, благодатию Божиею делаются истинными людьми. Истина водворяется во всем их существе. Почему от них должна исходить одна истина. Сие все творит живущий в них Бог живой и истинный. Церковь есть столп истины, как твердо и непоколебимо стоящая в истине и хранящая ее, – есть утверждение (истины), как успокоительница умов, когда они взволнованы бывают прившедшею ложью. Потому обязательно то считать истинным, что содержит вся Церковь, и возникающие недоумения решать голосом Церкви, выражаемым собором пастырей.

Наши толковники между прочим проводят здесь ту мысль, что святая Церковь христианская есть истина в отношении к Церкви ветхозаветной, в которой все было тень ее. – Блаженный Феофилакт пишет: «Церковь есть истины совмещение. Ибо все, в ней совершаемое, истинно, а не сеновидно (иносказательно, прообразовательно), не образно, каково то, что в Церкви подзаконной: вместо звонков в ней светлоблестящая проповедь; вместо дорогих украшений одежд (священных) преславная жизнь, внутренними богата плодами; архиерей в ней – Сын Божий; великая жертва – Божественное тело Его» (сокращено из святого Златоуста и Экумения).

1Тим. 3:16. И исповедуемо велия есть благочестия тайна: Бог явися во плоти, оправдася в Дусе, показася Ангелом, проповедан бысть во языцех, веровася в мире, вознесся во славе.

Вот какой истины Церковь есть столп и утверждение: «Бог явися во плоти»! Сию истину святая Церковь возвещает и подтверждает самым существованием своим. Ибо она есть здание, коего основание есть Христос Господь (1Кор. 3:11); есть тело, коего глава есть Он же, – Бог Слово, соделавшееся плотию. Как видящий живое тело в этом самом имеет удостоверение о главе и видящий прочное здание – удостоверение об основании: так видящий Церковь удостоверяется, что несомненно «Бог явися во плоти».

Поминая о сем, Апостол имел в мысли представить вниманию, что эта истина не такова, что прячется в каком-либо безвестном уголке, но истина повсюдная, повсюду возглашаемая и признаваемая, и на небе между Ангелами, и на земле между всеми народами, – по всей твари она проповедуется, веруется, прославляется. Это нужно было представить, чтоб в уме святого Тимофея напечатлеть неотложное требование: вот какой истины держись! Ею меряй всякое учение и все несообразное с нею отвергай.

Но впереди сего он счел нужным указать, что это всюду возвещаемое не есть что-либо легкое, никакой трудности к принятию того не представляющее, а напротив, есть тайна, и тайна великая: чем и внимание к ней сильное возбуждал, и

дорожить ею научал, и давал разуметь, что ничего другого большего никто уже открыть и показать не может.

«И исповедуемо велия есть благочестия тайна». – «Благочестием» назвал Апостол нашу веру (Экумений) христианскую; а «тайною благочестия» то, что сущность веры нашей сокровенна, и по причине непостижимости ее, и по причине сокровенности ее действия в нас. Зародилась она в тайне Триипостасного Бога прежде век, и приведена в исполнение непостижимейшим для всех тварных умов образом, и усвадается или причастными себя делает верующих тоже сокровенно: ибо как «дух, идеже хочет, дышет, и глас его слышаши, но не веси, откуда приходит и камо идет: тако есть всяк рожденный от Духа» (Ин. 3:8). Сокровенно и то, чем завершается такое начало нового рождения, именно – живое общение с Богом чрез Господа Спасителя благодатию Духа Святаго, общение, в коем «Бог есть, действуяй вся во всех» (1Кор. 12:6), без нарушения, однако ж, свободы и без отъятия цены и достоинства у действий ее.

"Велика же сия тайна нашего благочестия», – и по Лицу, устроившему его, и по силам или средствам, употребляемым для усвоения его, и паче по концу, коим завершится действие его, то есть обновлению неба и земли и воссиянию блаженного Царствия Божия, – и велико «исповедуемо»; ибо, только что кто узнает о ней и обозрит умным оком все возвещаемое и обещаваемое ею, не может удержаться, чтоб не воззвать: велия тайна! Беспрекословно и неудержимо всеми исповедуется величие ее. Самые неверы, хотя не признают истины веры нашей, не могут не признать, что содержание ее пренебесно, возвышенно, – выше и величественнее всего, что могли бы придумать самые великие, ангельские умы.

Или – велика тайна, как тайна, яко глубоко таинственная и непостижимая, – и это «исповедуемо», то есть беспрекословно всеми признается она непостижимую, недомыслимую, неисследимую, «не подлежащую взысканию», – как говорит святой Златоуст. Созерцая ее, как она открыта, изумляйся, как делали все святые, восходившие к такому созерцанию, исповедуя притом и величие ее и непроницаемую

таинственность. Проникнуть же во глубину ее не пытайся и не напрягай своего малого ума, чтоб и его не потерять.

«Бог явися во плоти... вознесся во славе». Апостол описывает или изображает сию тайну не со стороны сущности ее, а со стороны явления ее, – представляет все течение сего ее проявления. Бог подвигся с неба и, нисшедши на землю, принял на Себя человеческое плотяное естество, совершил великие знамения и чудеса, даже в самой смерти, понудившие уверовать, что Он есть воистину Бог, вознесся на небо, сретенный, сопровождаемый, исповедуемый и прославляемый Ангелами, оттуда Духа Божественного ниспослал, Которым просвещенные, укрепленные и воодушевленные Апостолы, прошедши всю землю, всем языкам возвестили о предивном сем деле, – явлении Бога во плоти, и всюду насадили веру в мире, – каковое насаждение и дало бытие Церкви, «яже есть столп и утверждение истины» сей. В сих немногих словах Апостол совместил все исповедание веры нашей.

«Бог явися во плоти» – не таким явлением, каким являлся праотцам, но таким, в коем «Слово Бог плоть бысть и вселися в ны» (Ин. 1:14), – с людьми по-человечески поживе, приняв в Свою ипостась наше плотяное естество, чтоб совершить воплощенное домостроительство нашего спасения и потом навсегда уже пребыть Богом ненагим и человеком непростым, чтоб и ходатайствовать о нас выну. Блаженный Феодорит пишет: «сущий Бог и Божий Сын, имея невидимое естество, когда вочеловечился, соделался для всех явным. Ясно же научил нас Апостол о двух естествах, сказав, что естество Божие явилось во плоти». «Воистину сие есть «велия тайна», – говорит святой Златоуст, – потому что человек соделался Богом, Бог человеком». Все видели человека, но не могли не исповедать, что Он – Бог. Так неотразимо печатлелось Им в сознании всех, что «в Нем обитает вся полнота Божества телесне» (Кол. 2:9).

Почему вслед за сим и говорит Апостол: «оправдася в Дусе». Было признано, что Он воистину, или праведно, есть То, Чем Себя именовал, то есть Сын Божий и Бог. Он явно всем говорил, что есть Сын Божий, равный Богу Отцу. В сем слове

Своем Он «оправдася». Как? «В Дусе», – проявлениями Божеского всемогущества, всеведения и святости, – властью над природою видимою и над духами невидимыми. Слово: «оправдася» – никак нельзя к Богу воплощенну прилагать в таком же смысле, как оно прилагается к людям оправдываемым. «Какою правдою «оправдася» сама – Правда, «Солнце правды», по слову Малахии (Мал. 4:2), что означает явленнейшую и чистейшую правду? Как таковой, Он не оправдывается, а оправдывает. Почему и Пророк сказал о Нем: «Иже греха не сотвори, ниже обретется лесь во устех Его» (Ис. 53:9)» (Экумений). – «Оправдася в Дусе» – значит, что Он Духом Божиим творил чудеса, как Сам говорит: «Аще ли... Аз о Дусе... изгоню бесы» (Мф. 12:28). Чудесами доказано и сделано явным, что Христос – истинный Бог и Сын Божий. Так и сотник у креста, видя, что колеблется земля и вселенная наполнилась мглою, воскликнул: «воистину Человек Сей Сын бе Божий» (Мк. 15:39)» (блаженный Феодорит). Почему святой Иоанн свидетельствует: «и видехом славу Его, славу яко Единородного от Отца» (Ин. 1:14). Как это совершилось и у всех, об этом в другом месте говорит святой Павел, -удостоверяя, что бывший от Семени Давидова по плоти наречен, – всеми признан, – Сыном Божиим «в силе, по Духу святыни, из воскресения от мертвых» (Рим. 1:4).

«Показася Ангелом». – «Показася», ωφθη, – узрен был. Ибо и Ангелы не видят Божеского естества, как оно есть, а только в проявлениях Его. Слова Спасителя: «Ангелы... выну видят лице Отца Моего Небеснаго» (Мф. 18:10) – указывают на умное лицезрение Бога, или видение Его в том, чем благоугодно Ему проявлять им Свое невидимое присутствие. Но в Господе Спасителе они узрели Его осязательнее. В глазах душа видна. В очах Богочеловека может быть узрен Бог и в такой мере, в какой способны воспрять лучи сияния Божества очи, смотрящие на Него. Святой Златоуст и говорит: «следовательно, и Ангелы вместе с нами увидели Сына Божия, а прежде не видели Его. Поистине великая тайна!» – То же пишет и блаженный Феодорит: «невидимого Божия естества не видели и Ангелы, увидели же воплотившееся». Ибо от самого рождения Бога во

плоти до вознесения были при Нем, в вознесении сопровождали Его и по вознесении окружают престол Его. Блаженный Феофилакт пишет: «о, таинство! С нами и Ангелы увидели Сына Божия, не видевши Его прежде. Ибо, говорит Евангелие, «се, Ангелы приступиша и служаху Ему» (Мф. 4:11). И не здесь только, но от самого рождения до вознесения они служили Ему. Во время рождения Ангелы поют песнь Ему и благовествуют о Нем пастырям; и во время вознесения служат Ему».

Или не понимает ли здесь святой Павел некоего особого явления Господа Спасителя миру ангельскому по вознесении, – такого явления, в коем они узрели Богочеловечество во всей Его пренебесной славе. Что нечто подобное вероятно было совершено на небесах, на сие указывают слова апостола Павла: «Егда же паки вводит Первородного во вселенную, глаголет: и да поклонятся Ему вси Ангели Божии» (Евр. 1:6), – чему быть уместно было только по миновании состояния уничижения и вступлении в славу, какая имеема была «прежде мир не бысть» (Ин. 17:5), – и слова апостола Петра: «Иже есть одесную Бога, возшед на небо, покоршимся Ему Ангелом и Властем и Силам» (1Пет. 3:22). – Такая мысль видна у Амвросиаста: «показася Ангелом» – уже не в уничиженном виде, но в величии силы и власти. Ибо Он до тех пор виден был в смиренном зраке по причине плоти, пока, победив смерть, воскрес из мертвых, – и узрено было величие Того, Кто, быв рожден как человек, не был весь человеком. И Ангелы, познав таинство, прежде сокровенное и теперь явленное во плоти, преклонили колена пред Ним, яко пред Богом, благодарение воздая».

«Проповедан бысть во языцех» – Апостолами, коим дана заповедь «научить все языки» (Мф. 28:19) и кои «изшедше проповедаху всюду, Господу поспешествующу и слово утверждающе последствующими знаменами» (Мк. 16:20). Ко времени написания сего Послания едва ли оставался язык, не слышавший благовестия Евангелия. Языки, некако отверженные и в нечаяние вложшиеся, – не народ, – призваны в народ и, наряду с народом, ущедрены всеми сокровищами, сокрытыми в

воплощенном домостроительстве, которое чрез сие является осчастливлением всего человечества.

«Веровася в мире». «По всей вселенной услышали о Нем и уверовали в Него. На это указывает Пророк, когда говорит: «Во всю землю изыде вешание их» (Пс. 18:5)» (святой Златоуст). «Он не только «проповедася», но и уверовали в Него; и от уверовавших приемлет Божеское поклонение» (блаженный Феодорит). «Что служит великим знамением силы Проповеданного и истины проповеди» (блаженный Феофилакт).

«Вознесся во славе». «Хотя совершилось сие прежде проповеди; но Апостол отнес это на конец, научая, что справедливо уверовали проповеди; потому что повелевший проповедывать – на небесах и имеет седение одесную» (блаженный Феодорит). Но в какой славе вознесся? Хотя «самое то – вознестися – преславно» (Экумений); но надо полагать, что вознесение Господне было сопровождаемо особою некоею славою, не виденною людьми, но узренною Ангелами и воспетою их славословием. В момент вознесения видим присущими Ангелов, которые Апостолам возвестили только о будущем явлении Господа во славе, сами, конечно, и видя, и воспевая ее в сие самое время. Они были оторваны на мгновение от торжества, бывшего в ту минуту в миру ангельском. А что оно было, о сем дают разуместь все места, говорящие о прославлении Господа по воскресении и вознесении. Ангельский мир получал теперь новое устройство и торжествовал вступление на него. Дух Божий открыл о сем Апостолам, – и они сказали о сем нам.

Такова великая тайна нашего благочестия и вместе сила воплощенного домостроительства, по всему пространству вселенной возвещаемая, исповедуемая и дивно действующая. Она – основание Церкви, которая в силу сей тайны, ей вверенной, и есть столп и утверждение истины. Она – основание спасения всякого верующего. Спасение начинается восприятием ее, зреет под действием ее и завершается вступлением спасаемого в самое сердце ее. Верующему чаще надлежит поминать о ней, нежели как часто дышит. Это будет пренебесным светом обливаться и его жизнь, и все сущее; отсюда

воодушевление, отсюда нравственная крепость, отсюда окрыляющая надежда. Но, как замечает святой Златоуст, верующие, не в похвалу себе, не совсем являются верными в сем отношении. «Заметь, – говорит он, – что святой Павел промышление Божие о нас (в воплощенном домостроительстве) везде называет тайною, -и справедливо. Ибо она не была известна, даже и Ангелам не была открыта; объявлена же уже Церкви. – Будем же жить сообразно с достоинством сей тайны. Те, которым доверяются тайны, в некотором смысле великие люди. Если бы царь вверил нам какую-либо тайну, то, скажи мне, ужели бы мы не почли этого признаком великого к нам благоволения? Между тем ныне Бог вверяет нам Свою тайну, – и мы, как будто не великое сделано для нас благодеяние, остаемся неблагодарны к Благодетелю. Вострепещем, – что остаемся нечувствительны к сему благодеянию!»

Святому Тимофею напомнил Апостол о сей тайне, указывая ему в ней неистощимый предмет для бесед с верными и вместе сильное орудие для нравственного их управления. Но по течению речи видно и то, что помянуть о ней имел он нужду, чтоб дать своему наместнику норму истины, как мерку для оценки привходящих учений, говоря как бы: все несообразное с нею, в каком бы то ни было отношении, отвергай нещадно, как ложь или примесь лжи. Что таково было намерение святого Павла, можно гадать по тому, что вслед за сим он предсказывает имеющее появиться ложное учение.

б) О ложном учении (1Тим. 4:1–6)

Предсказывая это, Апостол: аа) характеризует лжеучителей (1Тим. 4:1, 2); бб) указывает некоторые предметы лжеучения (стих 3) и: вв) обличив неосновательность его (стихи 3–5), гг) возлагает на святого Тимофея долг: истолкованием сего вооружать верующих против такого будущего лжеучения (стих 6).

аа) Характеристика лжеучителей (1Тим. 4:1, 2)

1Тим. 4:1. Дух же явственне глаголет, яко в последняя времена отступят нецыи от веры, внемлюще духовом лестчим и учением бесовским.

В этом стихе определяется умовая сторона лжеучителей, и именно: откуда они позаимствуют свое лжеучение, а в следующем – нравственная, именно: каковы они в отношении к совести. То и другое, хотя крайне обличительно, но может быть относимо ко всем лжеучителям, с редкими исключениями.

«Дух», – явственно глаголющий, есть Дух Святой, пребывавший в Апостолах и преизобильно исполнявший их святыми дарами Своими, напоминавший им бывшее и предугазывавший имевшее быть, – всё в отношении к Царству Божию. Он и святому Павлу открыл, что имело быть по сих; а святой Павел открытое Святым Духом судил нужным сообщить верующим. Слова: «Дух глаголет» – «равно боголепны, как и выражения (пророческие): «сия глаголет Господь» – и: «сия глаголет Бог Саваоф» (блаженный Феодорит). «Не умалчивает же Апостол об открытом Духом Святым будущем в назидание и предостережение Церквей; чтоб предуведомленные о сем Церкви заботливую держали осмотрительность, как бы не обошли их такие люди» (Амвросиаст).

Кому Дух глаголет: святому Павлу или всюду по Церквам? Были случаи, что глаголение Духа шло по Церквам Божиим, и Апостол слышал его уже от Церквей. Таково было свидетельство Духа об ожидавших Апостола в Иерусалиме узах, слыша о коем Апостол говорил: не знаю, что такое будет (Деян. 20:22, 23, 21:11). Но были случаи, когда Дух явственно самому Апостолу глаголял. – Так Он возбрал ему глаголять слово во Азии и не позволил пойти в Вифинию (Деян. 16:6, 7). В настоящем случае можно допустить то и другое: и по Церквам шел глагол сей, и святой Павел его слышал от Духа Святаго. И слышал «явственно», $\rho\eta\tau\omega\varsigma$, – членораздельным словом изреченный глагол. Как? И в ушах мог он отзываться, и печатлеться прямо в уме и сердце, но тоже определенным словом. Прибавил же такое слово: $\rho\eta\tau\omega\varsigma$ – Апостол, чтоб дать знать, что свидетельство Духа о сем «очевидно, ясно, беспрекословно, так что вовсе не остается места сомнению» (святой Златоуст).

Так знайте наверно, говорит, что «в последняя времена отступят нецыи от веры». – «Последняя времена» – не те, что

будут пред концом мира и вторым пришествием Христовым, – а те, кои будут после нас, – последующие. «Отступят» – прямо значит: оставят веру Христову и сделаются нехристианами, как Юлиан Отступник. Но, судя по указанным ниже предметам лжеучения грядущего, можно положить, что это отступление будет от чистоты веры христианской. Лжеучение зародится между христианами и из христианских начал, неправо понятых и криво истолкованных человеческим суемудрием помимо голоса Церкви. И лжеучители, и увлеченные ими будут считать себя христианами, и даже совершеннейшими из христиан, как оказалось потом.

И эти, отступить имеющие, сами же и лжеучителями будут, или лжеучители будут особо, ниже характеризуемые, а здесь говорится только о тех, кои увлечены будут их лжеучением? «Отступят» – указывает прямо на имеющих отступить по увлечению других; но в объяснении, как они отступят, нельзя не видеть изображения и того, как отступят и самые увлекатели к отступлению. То и другое будет. У одних, суемудрых, зародится лжеучение; отпадши по причине его от единости веры и чрез то от единого тела Церкви, они и других, нетвердых в вере, увлекут. Это святой Павел предсказал ефесянам гораздо прежде, в речи, которую держал к пресвитерам их, прощаясь с ними в Милете: «внидут волцы тяжцы в вас, не щадящи стада: и от вас самех востанут мужие глаголющи развращенная, еже отторгати ученики вслед себе» (Деян. 20:29, 30). Блаженный Феодорит пишет: «Апостол показал, что некоторые, сперва присоединясь к церковному телу, впоследствии станут учителями лжи. Ибо сие значат слова: «отступят нецыи от веры, внемлюще духовом лестчим». И святой Златоуст говорит: «Будет время, говорит Апостол, когда те, которые сделались причастниками веры, станут действовать достойно осуждения, подавая гибельные советы не только касательно пищи, но и касательно браков и всего тому подобного».

«Внемлюще духовом лестчим». Вот как зарождаться будет лжеучение и происхождение отступления! Две силы будут влечь к отступлению: духи лестчи и учение бесовское; то – свнутри, а это совне. Станут внимать духам лестчим, примут ложные

воззрения, признают их истинными и отступят от веры, истину возвещающей относительно того, о чем они приняли ложные воззрения и убеждения. Отступлению от веры видимому, отпадением от Церкви выражаемому, предшествует отпадение от нее внутреннее, происходящее от согласия на несообразные с верою внушения духов лестчих. Лестчие духи – это нечистые силы, слуги отца лжи, демоны или бесы. Лестчими названы, потому что увлекают в ложь лестию, прельщением, обманом. Прикрывают ложь видимостью истины и увлекают. Но как? непосредственно сами или чрез других людей? Апостол не различает этого, а указывает только, откуда ложь. Вонмут, говорит, духам лестчим и отступят от веры. Можно так положить: заметив лица, более падкие на новости, духи лжи внутренне собьют их с пути истины к отступлению, а потом других станут увлекать при помощи их, и внешне, чрез слово их лжеучительное, и внутренне, чрез обольщение в помыслах. Как и увлечение сих последних или окончательное их согласие на ложь не обходится без внутреннего воздействия духов лестчих, то Апостол это наперед и выставляет на вид, как неточное начало отпадения от истинной веры в ложь. Тут то же бывает, что и при падениях в грех. Ко греху и примеры других, и свои некие позывы влекут; но самое увлечение и падение не обходится без участия нечистых сил. Они отуманивают ум и призрачными прелестями окружают грех; и воля склоняется на грех. За этим внутренним падением следует уже и внешнее. Так и в отпадении от веры, – полном или в некоторых только пунктах, – участвуют и свои соображения, и речи других; но окончательное согласие на принятие лжи и последование ей не обходится без отуманения духами лжи, которые, прикрывая ложь обольстительною видимостью истины, исторгают это согласие на нее. Что и выражает Апостол словами: «внемлюще духовом лестчим».

«Учением бесовским» – Апостол назвал тот образ воззрения на христианство, который составляется внутри под действием духов лестчих и затем, облакаясь в соответственные выражения, ходит среди людей в виде особого некоего учения, как соблазн и влечение к отступлению от истины в ложь. Бесы

нападают, в сознании верующих, сначала на одну какую сторону веры, в которой им легче представить кажущуюся несостоятельность истины и призрачную состоятельность противоположной ей лжи. Успевши в этом, они затем научают и тому, как по духу сей лжи перестроить и все христианское учение.

Когда это состоится и сформированное воззрение получит свое выражение и строй, – лжеучение готово. Бесы разжигают после сего наученных ими ревностию будто по истине Божией, – и они неудержимо стремятся распространять внушенное им духами лестчими лжеучение. Внемлющий ему внемлет бесовскому учению, потому что оно от них получило начало. При этом и бесы не дремлют, но спешат прямо действовать соблазнительно на душу, в которую вход открывает им изъявленное к их лжеучению внимание. Таков второй действователь во влечении верующих к отступлению от веры. Какое нелестное происхождение лжеучения и ревности лжеучителей! «Демонам внимая, – пишет Феофилакт, – лжеучители оуждали иные яства и брак. Впрочем, Апостол разумеет при сем и все другие ереси; ибо все они от прелести духов лжи и учения бесовского». Амвросиаст же наводит из сего: «что лучше можно было наперед сказать о лжеучителях и лжеучении, чтоб побудить избегать их или паче осуждать, как назвав их воззрение прелестию и их учение бесовским? После сего, услышав речи, противные истине, всякий уже знал, что это есть учение, бесами сложенное, как предсказал чрез Апостола Дух Святой». – И в этом, конечно, имел самое сильное побуждение отвращать от него слух свой.

1Тим. 4:2. В лицемерии лжесловесник, сожженных своею совестью.

Как успевают распространители бесовских учений увлекать вслед себя? Лицемерством. Принимают вид людей некако особенных, постигших всю премудрость, одеваются в личину святости – и, тем расположив к себе слушающих, делают то, что сии охотно пьют яд их лжеучения и увлекаются. Это и выразил Апостол словами: «в лицемерии лжесловесник». Лжесловесниками назвал их святой Павел потому, что в их

учении, яко ложном, только слова и слова и ничего отвечающего действительности, как и в призраках. Далее, так как ложь не может держать в должном напряжении нравственные силы, то лжесловесники сии естественно послабляют себе во многом, даже и в тех вещах, которые, как недолжные, запрещаются их учением, – чего, однако ж, явно делать не могут, потому что это подрывало бы их учительский вес и самое учение. Отсюда неизбежно у них лицемерие или забота казаться святыми и непорочными при несвятой и не непорочной жизни. Это одна сторона лицемерия. К ней, можно сказать, неизбежно присоединяется и другая, именно: когда допускаются дела, противные учению, тогда ослабляется или совсем исчезает убеждение в состоятельности самого учения в душе проповедующего его и делается он тогда проповедующим без убеждения или лицемерным учителем. Эту сторону особенно и выставляют наши толковники при сих словах Апостола. «В лицемерии», – пишет Экумений, – значит: в хитрости и лукавой изворотливости, по которой, и зная, что сготовленные ими догматы ложны, ухитряются свое лжесловесие представлять в виде истины». То же у Феофилакта: «о чем они лжесловят, не по неведению лжесловят, но, зная, что то ложно, притворно учат тому, как истинному» (из святого Златоуста). Блаженный Феодорит берет общее: «возложив на себя имя христиан, учат совершенно противоположному».

Поминает святой Павел о таком лицемерии в предотвращение будущих отступлений от веры. Ибо ничто так не отвращает от учителей, как усмотрение в них лицемерства.

«Сожженных своею совестью». Лицемерие и вове отчасти видимо, а сожжение совестью – совсем внутреннее дело. Только в последних степенях оно обнаруживается некоторым дерзким бесстыдством в преследовании недобрыми сознаваемых целей. Всяко, однако ж, Апостол поставил на вид и эту характеристическую черту лжеучителей, в предотвращение увлечения вслед их, в такой мысли: заметишь лицемерие, присмотришься и увидишь сожжение совестью; а коль скоро это заметишь, то чего доброго можешь ожидать от таких людей?

Сожжение совестию подает две мысли: или ту, что у них совесть сожжена, или ту, что они обожжены совестию. Сама совесть никогда не сгорает; но душа может дойти до такого нечувствия к ее внушениям и обличениям, что совести будто нет, сгорела. Лжеучители представляются Апостолом живущими несогласно с учением и учащими словом несогласно с убеждением. Этого совесть не могла оставлять без обличений и, конечно, обличала их. Если теперь, несмотря на это, продолжают жить и действовать все в том же духе, то очевидно, что совесть уже заглушена ими или они стали глухи к ее внушениям, – то же, что сожжены. Блаженный Феодорит пишет: «сожженными совестию» назвал их Апостол, показывая крайнюю их бессовестность; потому что прижигаемое место, омертвев, теряет прежнюю чувствительность».

Можно сожжение совестию понимать как обожжение или, вернее, нажжение совестию. К этому подает повод греческое: *κεκαυτηριασμενον*. – *Καυτηριαζειν* – значит: нажигать знак. На Востоке на животных хозяева нажигают знаки, по которым и они сами, и другие признают, что это их животные. Подобные знаки на челе сознания лжеучителей нажигает и совесть, так что имеющие очи видеть видят и познают, что они принадлежат к числу виновных, и здесь достойных осуждения, и готовых к осуждению там, на суде Божиим, – носят осуждение сами в себе. Блаженный Феофилакт пишет: «поелику они знали за собою много нечистого, то совесть имела в них нажженные знаки их нечистой жизни» (то же и у Екумения). Поясняет сие Амвросиаст: «как нажог повреждает кожу и напечатлевает знак, так и совесть намечает лжеучителей в пагубу, за их лживость, по коей они лукаво одно держат в уме, а другое выражают в слове. Апостол дает разуметь, что такие не могут измениться на лучшее, чтобы спастись: ибо как нажог (на животных) не может измениться, так и их душа исправиться. Нет ничего хуже лицемерия».

бб) Некоторые предметы лжеучения (1Тим. 4:3)

1Тим. 4:3. Возбраняющих жениться, удаляться от брашен.

Только два предмета из всего лжеучения указывает, вероятно, потому, что они, как явные, резче выдаваться имели

из ряда других, не так явных, и притом ясно указывать на начала, на которых построено будет все лжеучение; с них, может быть, лжесловесники начинать имели и речь совратительную; и, успевши уже сбить с толку в этих пунктах, переходить к изложению всего лжеучения и особенно своих злых начал.

Воздерживаться от брака и яств само по себе не укорно; укорно это может быть только по тем мыслям, с какими делается. Верно, по началам лжесловесников тех выходило, что брак и некоторые яства нечисты. Кто бы стал воздерживаться от них в этом духе, тот изрекал бы хулу на Создателя всяческих. Блаженный Феодорит пишет: «они мерзкими называют и брак, и большую часть яств, в поругание Создателю оных, Который сотворил сие для употребления (незазорного)». Почему такого рода воздержание Апостол называет укорным и предостерегает от него.

В каком духе и по каким побуждениям верующим можно воздерживаться от брака, это указал Апостол в Первом Послании к Коринфянам (глава 7). Там же указал он, что и воздерживаться от всего подобает подвижающемуся, подавая сам пример тому (1Кор. 9:25–27). Погрешали лжесловесники не тем, что внушали безбрачие и воздержание, а тем, что то и другое обращали в неотложный закон и притом по ложным началам. Это и осуждает Апостол. Он «не безбрачие и воздержание отвергает, но обвиняет принуждающих вменять сие в закон» (блаженный Феодорит); будто причащающиеся их по тому самому уже нечистыми бывают и становятся в ряд погибающих.

Блаженный Феофилакт ставит вопрос: «что же? Мы разве не возбраняем брачиться?» – и отвечает: «никак. Но тех, которые не хотят брачиться, направляем к хранению девства, внушая, что оно честнейше есть. Но отсюда не следует, что брак уже бесчестен; подобно тому, как из того, что золото честнейше есть, не следует, что серебро нечестно. Да и вообще честнейшее потому есть честнейше, что оно честнее честного, и лучшее – лучше хорошего, а не худого. Итак, могущий пусть

емлется за золото девства; а кто не может этого, пусть принимает серебро брака».

Кто такие эти лжеучители? От некоторых яств воздерживались иудеи. Но они имели определенную о том заповедь и, пока оставались иудеями, не могли иначе действовать. Святой Павел в других Посланиях и не укоряет их за это, а только учит, что теперь уже хранение сего закона не своевременен. Но как видится, в настоящем месте не их разумеет Апостол, а таких, которые воздерживались не по Божией заповеди, но по своему суемудрию, хотя можно почесть вероятным, что пример воздержания от яств они позаимствовали у иудеев и даже по его поводу построили свое лжеучение. Итак, возбранение яств хотя некоею малою частию можно почесть опирающимся на иудействе, не в духе, однако ж, иудейском. Что же касается до возбранения брака, то ему ни иудейство, ни язычество не могло подать повода и опоры. Это нечто совсем новое. Откуда же оно? Не есть ли оно, может быть, порождение лжеучения, вкрадывавшегося в Колоссы и ходившего по Фригии, в котором выдающимся пунктом стояло непощадение плоти (Кол. 2:23)? К нему очень естественно было придать возбранение брака, – что ефесяне и сделали.

Из слова: «возбраняющих» – нельзя прямо заключать, что это было уже на деле, теперь делалось; ибо по связи с предыдущею речью это может означать и: имеющих возбранять. Но нельзя не признать, что начатки уже были; уже ходило такое учение, но было еще бессильно и по малочисленности последователей, и, может быть, по неустановлению всей системы. То и другое еще ожидалось в будущем; Апостол и предостерегает. Из открывшихся после ересей можно видеть здесь указываемыми манихеев, энкратитов, маркионитов. Так святой Златоуст и все другие наши толковники.

Грамматически: «возбраняющих... удаляться от брашен» – прямо значило бы: требовали не удаляться от брашен, то есть принимать всякую пищу беззазорно. Но это противно было бы мысли Апостола. Почему надобно сие понимать так, как бы стояло: «возбраняющих жениться и повелевающих удаляться от брашен» (блаженный Феофилакт). Экумений приводит

несколько примеров из еллинских писателей, чтоб показать, что в словах Апостола не ошибка, но что и аттической речи свойственно так выражаться.

вв) Неосновательность лжеучения (1Тим. 4:3–5)

1Тим. 4:3. Яже Бог сотвори в снадение со благодарением верным и познавшим истину.

Указав некоторые предметы лжеучения, святой Павел тут же коротко, но решительно обличает его несостоятельность, – останавливая, впрочем, внимание только на последнем, на запрещении яств. Первое же – запрещение жениться – не удостоивает внимания, вероятно, потому, что нелепость его для всякого сама собою очевидна: ибо, если б обобщилось, прямо повело бы к прекращению существования рода человеческого. Амвросиаст и пишет: «о том, что родились, не скорбят, а браки запрещают», – являясь человеконенавистниками. Может быть, и потому мимошел Апостол сей предмет лжеучения, что он только зарождался, выступал робко, между тем как заблуждение относительно употребления яств ходило уже открыто по Церквам, вносимое, впрочем, иудействующими в ином смысле, нежели как этими ефесскими лжеучителями. На него и напирает Апостол, оставляя первое в стороне. Святой Златоуст замечает между прочим, что «Апостол поступил так потому, что не хотел мысли о том (будто брак нечист) посеять преждевременно в душах верующих; но обличает одно то, что уже получило начало, именно заблуждение относительно пищи».

Обличает указанием на цель, для которой созданы брашна: «яже Бог сотвори в снадение». Бог вложил в естество человека, как животное, потребность пищи и около него же среди тварей рассеял такие, кои могут удовлетворять сию потребность снадением их. Это разрешил Он им еще в раю; это же подтвердил при изгнании из него и расширил в заповедях и благословениях, данных праведному Ною по потопе. Устроил так Бог для того, чтоб люди, видя в приготовлении Им для них около них потребной пищи, познавали в этом Божию о них попечительность и вкушали пищу «со благодарением». Это благодарение должно было питать религиозные чувства к Богу и в пунктах верования о Боге осиявать лик Его чертами светлыми,

привлекательными и возбуждательными. Таким образом в этом, самом простом по-видимому, деле, снедении пищи, Бог поместил самое внушительное, и вместе немолчное, училище веры и благочестия. – Лжеучители же, внушая, что есть яства, делающие человека нечистым, извращали такой Божий порядок и уклоняли от намерения Божия в даровании человеку потребности пищи и самой пищи: мрак некий набрасывали на творение Божие и это немолчное училище о Боге и должных к Нему чувствах умолкнуть заставляли. Очевидно, что они нечестивцы: «наводили на недобрые помышления о Творце человека и внушением, будто есть яства нечистые и достойные отвращения, располагали верить, что они другого имеют творца, – не доброго» (Амвросиаст).

Так сим кратким напоминанием о цели сотворения брашен Апостол достаточно обличил несостоятельность ложного о них учения. Но конечно такое обличение понятно и убедительно могло быть только для тех, у коих живо религиозное чувство и сильны здравые о Боге понятия. Почему святой Павел и прибавил: «верным и познавшим истину». Не в том смысле сказал он это, чтоб для таких только и создал Бог брашна в снедение, но в том, что таковые и употребляют их согласно с намерением Божиим в создании их, то есть снедают их со благодарением. Как он писал к верным и познавшим истину, то речь его внушала: вы, верные и познавшие истину, вкушая брашна со благодарением, точно и полно исполняете намерение Божие в создании их; ваше благодарение освящает всякую пищу; и вкушайте ее, ничтоже сумняся, и не поддавайтесь смущению, какое хотят поселить в вас лжесловесники, толкуя, будто есть нечистые яства. Можно речь Апостола перифразировать так: которые (брашна) Бог создал, чтоб верные вкушали их со благодарением, ничтоже сумняся. О неверных и слова нет; те вкушают пищу без всяких благих помышлений, лишь бы только поесть и усладиться, подобно нечистым животным. Они и чистые яства, если уж различать их, делают нечистыми своим неблагодарным сердцем и одним чувственным услаждением гортани и чрева. «Яства нечисты для

того, кто вкушает их без благодарения и хвалы Создавшему» (Амвросиаст).

Что же, скажет кто, ужели наслаждение брашнами воспрещено? Наслаждение естественно сопровождает вкушение приятной пищи; но у тех, которые принимают ее с благодарными к Богу чувствами, наслаждение теряет характер чувственности, одухотворяется и освящается. Когда вкушают брашна, чтоб насладиться, творя угодие плоти в похоти, тогда являются погруженными в чувственность; а когда принимают яства в удовлетворение неизбежной потребности, с благодарением, тогда чувствуют сладость, не делаясь чувственными. Возношение при сем ума и сердца к Богу делает самую сладость некако отрешенною и обезвеществленною. Такие приемлют пищу, но не плотоугодствуют в ней. Снедение, μεταληψις, – причастие, принятие. Экумений пишет: «смотри, как словом: μεταληψις – Апостол изгнал усладу, τρυφήν? Μεταληψις означает умеренное принятие пищи». «Μεταληψις, – пишет Феофилакт, – блюдет умеренность, τρυφή не знает меры. Впрочем, и наслаждение пищею не само по себе нечисто, но потому, что расслабляет душу предающихся ему» (тот и другой из святого Златоуста).

Под истиною, в словах: «познавшим истину», – разумеется вера христианская, единая содержащая истинные и здравые о всем сущем воззрения. Тут же конечно совмещается и истина относительно брашен, что их надлежит принимать с благодарением в умеренное удовлетворение потребности тела. Так смотрящие на это и действуют в сем отношении с полным убеждением, что действуют верно, согласно с волею Божиею. Каковое убеждение и светлости и святости придает простому употреблению пищи, и окружает его особым неким чувством. Или может быть, тут предуказывается «та истина, о коей тотчас будет речь, то есть всякое создание Божие добро» (блаженный Феофилакт).

1Тим. 4:4. Зане всякое создание Божие добро, и ничтоже отменно, со благодарением приемлемо.

То приводил довод из нравственно-религиозного строя, а теперь берет дело со стороны догмата. Все, исшедшее из

творческих Божиих рук, добро. Добро и всякое брашно, назначенное человеку в снадение. Следовательно, лжесловесники те лгут, запрещая некоторые брашна, по той причине, что они будто нечисты. Ничего нет нечистого самого по себе; все добро и приятно, то есть может быть употребляемо в пищу беззачинно. «Слова: «всякое создание Божие добро» – Апостол заимствовал из Моисеева Писания. «Виде Бог, – сказано, – вся, елика сотвори: и се добра зело» (Быт. 1:31). А что добро, то, «со благодарением приемлемо», в памятование Божие, оказывается святым» (блаженный Феодорит). «Выражением: «всякое создание Божие» – Апостол обозначает здесь то, что может быть употребляемо в пищу. Если все такое есть создание Божие, то и добро: ибо «вся добра зело» (святой Златоуст).

«Ничтоже отменно» – ничего из съедомого не должно отвергать, ничем не брезговать и не гнушаться, будто нечистым и богопротивным; напротив, все такое принимать – как благодеяние и дар от руки Господней. Почему и принимать то должно со благодарением. Кто принимает съедомые брашна со благодарением, для того все они чисты и святы, в силу сего самого благодарения. «Благодарение все очищает; а неблагодарный и сам нечист и скверен» (блаженный Феофилакт). «Неблагодарность и чистое делает нечистым. Нечисто произволение, которое не благодарит Бога» (святой Златоуст). «Вся... чиста чистым: оскверненным же и неверным ничтоже чисто» (Тит. 1:15).

1Тим. 4:5. Освящается бо словом Божиим и молитвою.

«Освящается словом Божиим» – можно так разуметь: «освящается» – освящено есть однажды навсегда – «словом Божиим», – тем словом, какое изрек Бог по сотворении, что «вся добра». Этим словом все, в том числе и все съедобное, признано и предлагается, как святое. Почему и приемлемо должно быть беззачинною совестью, как чистое и святое, с полным в том убеждением без малейшего сомнения. Или – «освящается» теперь, в час вкушения, и освящается «словом Бога» – призыванием имени Божия; так что: «и молитвою» – только поясняет: «словом Божиим». Призывание имени Божия и

молитвенное к Богу обращение делает святою всякую приемлемую пищу для того, кто ее принимает в таком духе. Но зачем же еще и особое освящение, когда, как сказано пред сим, всякая пища добра и никакая неотметна? Можно на это ответить так, – что этим указывается только на то, как исполняется условие, под коим, по Божью определению, ничтоже отметно, именно: на возношение благодарных к Богу чувств за дарование брашен с прошением благословения Его принять предлежащую пищу. Кто так принимает пищу, тот становится в ряд тех, для коих все приемлемое в пищу бывает свято и чисто.

Или святой Павел делает здесь как бы некую уступку: пусть будет, положим, что есть что-либо нечистое; но и такое все освящается, когда призовешь имя Божие. Так святой Златоуст: «если «все добро», – то что значит: «освящается словом и молитвою»? Ибо очевидно, что то, что освящается, признается нечистым. – Не так нужно принимать эти слова. Здесь Апостол говорит против тех, которые некоторые яства считали чем-то скверным. Поэтому он и высказывает две главные мысли: во-первых, что нет ни одного создания, которое было бы скверно, и, во-вторых, – что если бы что-нибудь и было скверно, то ты имеешь против этого врачевство: осени знамением креста, возблагодари, воздай славу Богу – и всякая нечистота исчезнет. – Неужели и идоложертвенное, скажешь ты, может быть таким образом очищено? (Да; впрочем, тогда), когда ты не знаешь, что это есть идоложертвенное; а если знаешь и, несмотря на то, вкусишь от этого, то сделаешься нечистым, не потому, что это идоложертвенное, а потому, что, получив заповедь не приобщаться к демонам, ты чрез это вошел с ними в общение. Следовательно, (идоложертвенное) не по природе своей нечисто, но оно становится таковым следствием твоего произволения и преслушания. – Что же? Ужели и свиное мясо не есть нечисто? Нисколько, когда вкушаешь его со благодарением, с крестным знамением; равным образом и все прочее не бывает нечистым. Нечисто произволение, которое не благодарит Бога». То же у Феофилакта с Экумением.

В сих словах Апостола видно начало молитвословий пред вкушением и после вкушения пищи, равно как и священных

чтений, в продолжение стола.

гг) Долг вооружать верующих против лжеучения (1Тим. 4:6)

1Тим. 4:6. Сия вся сказуя братии, добр будеши слугитель Иисуса Христа.

«Сия вся» – что же именно? То, о чем говорил доселе начиная с стиха 15 3-й главы, – что Церковь есть столп и утверждение истины, что велия благочестия тайна, около которой группируются все другие истины веры, есть: «Бог явился во плоти», – что, содержа строго сию тайну и всякую другую истину, Церковию возвещающую, должно отвергать все с сим несогласное, и теперь уже сущее, и имеющее явиться после, как учение бесовское, – и именно будто не должно брачиться и вкушать некие брашна, как нечистые (святой Златоуст, Экумений, блаженный Феофилакт).

«Сказуя», *υποτίθεμενος*, – предлагая. «Видишь ли, что он здесь нисколько не обнаруживает власти, а только снисхождение? «Сказуя» – говорит. Не сказал: приказывая, не сказал: заповедуя, но: «сказуя», – то есть как бы советуя; предлагай сие и заводи речь о вере» (святой Златоуст). Это замечается об образе научения паствы, самое же научение ее лежит на пастыре, как неотъемлемый долг, отступая от которого или не ревностно исполняя который он уже является не тем, чем должен быть по намерению Господа, учредившего в Церкви папство. Это внушает Апостол, говоря вслед за сим: «добр будеши слугитель Иисуса Христа». Сие сказуя, добрым будешь слугителем Иисуса Христа, а не сказуя, – будешь не добрым слугителем, – будешь рабом неключимым. «Слугителем», *δίακονος*, – назван папирь, потому что его долг не властвовать и величаться, а верно «исполнять поведенное и передавать единовѣрным Владычные наказания» (блаженный Феодорит). А слугителем «Иисуса Христа», – потому что папство берет начало от Господа Иисуса Христа, и всякий папирь от руки Господни приемлет рукоположение, чрез руки сопастырей. Почему, трудясь в пасении стада, он должен содержать в мысли и сердце, что не себе или людям служит, а Господу, Его дело совершая и Его волю исполняя. В настоящем месте только одна часть доброго служения папиря обозначается, – служение

словом. «Добре служит он Господу, научая пасомых тому, чему учимыми им быть хочет Христос» (Экумений). По течению речи видно, что эта часть служения исполняется им не только возвещением истины чистой, но и отвержением нечистых учений, – и не только отвержением наличных нечистых учений, но и предусмотрением имеющих появиться и подготовлением паствы к отражению их. Впрочем, и это последнее не может быть лучше исполнено, как полным разъяснением и напечатлением в умах верующих чистой истины, – или образа здравых словес. «Что может быть благопромыслительнее и предохранительнее для паствы, как не то, чтоб учение христианское было преподано ей и преподаваемо неповрежденно и полно, дабы оно, твердо укоренясь на поле Господнем, и плод приносило обильный и прочный, – такой, который и в день суда выдержал бы пробу огня и не был им сожжен. Таков долг доброго учителя и верного служителя Христова» (Амвросиаст).

в) О самосозидании пастыря (1Тим. 4:6–10)

Содержа истину Божию и укореняя ее в умах и сердцах паствы, пастырь должен и себя не забывать, но, внимая себе, себя созидать и благоустроить, – как: аа) в ведении (1Тим. 4:6, 7), так и: бб) в истинном благочестии (1Тим. 4:7–10).

аа) В ведении (1Тим. 4:6, 7)

1Тим. 4:6. Питаемь словесы веры и добрым учением, емуже последовал еси.

Доброе служение пастыря Господу, в преподавании истины пастве и предохранении ее от учений бесовских, Апостол поставляет под условие питания самого пастыря словесами веры и добрым учением. Действуя, говорит, так в сем деле учения паствы, добр будешь служитель, силу получая к тому от питания себя истиною. Если пастырь обязан так действовать, как указано, то обязан исполнять условие к указанному должному действию. Почему: «питаемь» – имеет такое значение, как бы сказано было: и сам себя питай. Сила слова Апостольского здесь в слове: «питаемь». «Не только других наставляй, но и сам упражняйся в этом» (святой Златоуст). «Тебе первому из всех надлежит прилежно заниматься

духовным учением и обогащаться им» (блаженный Феодорит). «Сказал: сие предлагай другим. Теперь говорит: но и сам ты будь питаем (теми же истинами), вращая их в уме своем и как бы пережевывая. Ибо, непрестанное к ним внимание внушая, сказал он: «питаемь» (блаженный Феофилакт). То есть «духовною в них питаюсь пищею: ибо «не о хлебе едином жив будет человек» (Мф. 4:4). Тебе должно не братьям только сие предлагать, но и самого себя тем же питать» (Экумений). «Питаемь», говорит, указывая на постоянное внимание к такого рода предметам. Ибо, подобно тому как мы каждый день употребляем сию (телесную) пищу, так и слово о вере всегда принимать и им всегда питаться должно. Что значит: «питаемь»? Пережевывая, постоянно повторяя (в уме) одно и то же, всегда поучаясь одному и тому же» (святой Златоуст).

«Словесы веры» – суть благовестие Евангелия, объемлющее все воплощенное домостроительство, – веру нашу составляющее и верою приемлемое и содержимое. Оно же есть и «доброе учение», как из доброго источника идущее, как само в себе доброкачественное, и как для приемлющих его благотворное теперь, и ведущее их к доброму концу. Но кажется, преимущественное внимание остановить имел в мысли Апостол на словах: «ему же последовал еси». Ты уже знаешь его и твердо содержишь всею душою. Этим содержимым уже и питай себя, обновляя его воспоминанием в сознании и оживляя в сердце сочувствием и любовью к нему. Но это уж само собою бывает. Внушение Апостола идет далее: этим учением, которое уже содержишь, питай себя, за новым же каким-либо не гоняйся, а напротив, сразу отвергай его, как чуждое, лишь только услышишь его. Что предано тебе, то содержи; от непреданного, идущего отынуды, отвращай слух и внимание.

1Тим. 4:7. Скверных же и бабьих басней отрицайся.

«Скверных», βεβηλους, – пошлых, таких, которыми брезговать следует. Напоминает Апостол о том же, что в начале Послания сказал: «ниже внимати баснем и родословием безконечным» (1Тим. 1:4), – то есть о ходящих пустых речах и учениях лжесловесников. Ни там, ни здесь не сказывает определенно, в чем эти басни состояли, потому, может быть, что

не стоило и поминать об них, или потому, что как норма истины известна, то все чуждое ей само собою определялось и было известно святому Тимофею. Обще же напоминает только для воодушевления к отрицанию и противодействию. Наши, впрочем, толковники полагают, что здесь Апостол понимает иудейские убеждения или ту часть иудейства, которая вошла в состав учения лжесловесников. Феодорит пишет: «бабими баснями» назвал Апостол иудейские учения, не закон, но лживое перетолкование закона и неблаговременное его хранение». Святой Златоуст выставляет и причину такого наименования: «о каких баснях он здесь говорит? Об иудейских вычислениях и наблюдениях? Разве их он называет баснями? Да, или потому, что они измышлены, или потому, что несвоевременны. Что благовременно, то полезно. А что временно, то не только не полезно, но и вредно. – К тому же представь себе: если бы человек на двадцатом году жизни прильнул к сосцам кормилицы, то в какой степени он был бы достоин посмеяния за безвременность? Видишь, что он называет сие и нечистым, и бабим. И называет так частию потому, что это уже устарело, частию потому, что составляет препятствие для веры».

Но Экумений допускает, что, может быть, тут понимает Апостол «и еллинские бредни, равно как бредни тогдашних еретиков. Ибо, поистине, походят на пустые, в бреду произносимые старушонками, слова такие, например, сказания еллинов: Зевс (Юпитер) сваялся с Ирою (Юноною); Арес (Марс) соблудил с (Венерою); Ифест (Вулкан) сброшен с неба».

Очень вероятно, что учения лжесловесников взяты частию у иудеев, частию у еллинов, частию почерпнуты из других восточных вер. Как верующие, в самом действии уверования, всё то отвергают, то, по уверовании, нечего уже более и заниматься тем. Почему Апостол пишет не: отрицай, – как бы состязайся, а: «отрицайся». «Чрез это он показывает, что окончательно нужно избегать сего. Именно слова его имеют такой смысл: даже не принимай на себя труда когда-либо вступать в разговор с ними; кроме разве того случая, когда предвидишь какой-либо вред от того, что мы, будто по нашему

бессилию, отказываемся от собеседования с ними» (святой Златоуст).

бб) В истинном благочестии (1Тим. 4:7–10)

1Тим. 4:7. Обучай же себе ко благочестию.

«Благочестием» называет Апостол жизнь в духе веры христианской. Хотя жизнь сия обнимает не одно достодолжное отношение к Богу, что собственно есть благочестие, но и всякие подвиги и весь круг доброделания; но так как и эти две стороны ее, или части, блюдутся христианами ради Бога и Ему посвящаются, так что «живот их всецело сокровен есть со Христом в Боге» (Кол. 3:3), то Апостол и назвал всю жизнь по вере благочестием. ««Обучай себе ко благочестию», – то есть в вере чистой и жизни праведной (упражняйся), к наилучшему поведению (настроивай себя); потому что в этом состоит благочестие» (святой Златоуст). «Оно есть с правою верою соединенное ревностное тщание о жизни богоугодной» (Экумений).

Но что здесь хочет внушить Апостол, то совмещается в слове: «обучай себе». «Обучай», *υπνάζε*, – упражняй себя в делах благочестия христианского, чтоб сделаться искусным их делателем, как гимнасты упражняются в телодвижениях разных, чтоб приобрести в них навык и искусство. Тело способно к очень ловким движениям, но его надо к сему приучить упражнениями. Так и верующий, по крещении и приятии благодати, способен, то есть и готов, и силен, на всякие дела и подвиги в духе и по требованию святой веры; но, чтобы все сие делать достодолжно и плодотворно, для сего надлежит упражнять себя в такого рода делах. Но гимнаст сначала упражняется в разных телодвижениях один, особо, только примерно, а на деле пригодятся ему сии телодвижения после; христианский же гимнаст прямо вступает не в примерные, но в настоящие дела и их совершением обучает себя к наилучшему их совершению. Потому «обучай себе» – то же значит, что: не пропускай ни одного случая, в коем можешь совершить дело по духу своей веры, или даже и более: изыскивай такие случаи, чтобы поскорее утвердиться в делах по вере нашей и потом уже без труда являть себя пред Богом и человеками «делателем

непостыдным» (2Тим. 2:15). Опыт уже показал, что такое упражнение себя необходимо для стяжания совершенства в жизни, – и упражнение всестороннее, то есть и в том, как вести внешние свои дела, или держать свое поведение, и в том, как держать в порядке внутри возникающие разнообразные движения. Ревностное упражнение в том и другом всегда увенчивается успехом, – то есть навыком в угодной Богу жизни, и внутренней и внешней. Само собою сие совершенство не приходит: надо обучать себя. Так у всякого верующего, тем паче у пастыря верных. Почему и святому Тимофею не излишне было сказать: «обучай себе ко благочестию».

1Тим. 4:8. Телесное бо обучение в мале есть полезно, а благочестие на все полезно есть, обетование имеюще живота нынешняго и грядущаго.

О каком телесном обучении здесь говорится? Об укреплении тела гимнастическими упражнениями и приучении его к скорым и ловким движениям: ибо говорит: σωματικὴν γυμνασίαν – телесное упражнение. Зачем же приводится оно здесь на мысль? Затем, чтоб чрез это возбудить к большей ревности упражняться в делах и трудах благочестия. Апостол говорит как бы так: те, которые на играх желают получить венцы, усердно упражняются в телесной гимнастике, чтоб укрепить тело свое и приучить его к ловким движениям. Но если для тленных венцов столько употребляют трудов в гимнастике телесной, то как не употребить гораздо больше трудов в гимнастике духовной, то есть в обучении себя благочестию для венцов нетленных?! То «телесное обучение» или упражнение «в мале полезно», – то есть полезно на малое нечто или на малое время, «то есть только для тела и только для настоящей жизни» (Экумений). Полезно на малое нечто, именно – на укрепление тела, приучение его к легким движениям и чрез то на получение венцов в состязаниях на играх народных, а то и другое малозначительно; полезно на малое время, – только на настоящую жизнь, и то не всю. А благочестие «на все полезно», то есть и для благоденствия в настоящей жизни, и для вечного блаженства в будущей, – «обетование имущее живота нынешняго и грядущаго.» «Обетование имущее» указывает на то, что Сам

Бог, по неизменной правде Своей и неистощимой благодати, благоволил сочетать с благочестием, или жизнью в духе веры Христовой, и благоденствие временное, и блаженство вечное. Под «животом» разумеется не жизнь как жизнь, а качество жизни, жизнь желанная, счастливая и блаженная, без чего жизнь не жизнь. Если таково благочестие, то соответственно сему должно быть ведено и упражнение в нем, то есть со столь же большею ревностию, во сколько плод его выше плода, доставляемого телесным упражнением.

Под телесным обучением, вне контекста, иные, особенно Отцы-подвижники, разумеют телесные подвиги и в словах Апостола видят определение относительной их цены, сравнительно с подвигами духовными. Но в контексте, по течению речи, здесь разумеются гимнастические упражнения тела. Святой Златоуст говорит: «некоторые полагают, что это сказано о посте. Но с этим нельзя согласиться: пост составляет не телесное, а духовное упражнение. Ибо если бы он был телесным упражнением, то питал бы тело. Если же он истощает, утончает и иссушает тело, то и не составляет телесного упражнения. Следовательно, не об этом говорит он, а о телесных (гимнастических) упражнениях, которыми иные занимаются и не во время состязаний и, как ратоборцы, всё делают, от всего воздерживаются, тяжелый переносят труд. Но для чего, спросишь ты, упоминает он здесь о телесном (гимнастическом) упражнении? Для того, чтобы чрез сравнение показать превосходство духовных подвигов (в благочестии); потому что первое (телесная гимнастика), будучи соединено с большими трудами, не приносит большой пользы и ничего такого, о чем стоило бы говорить; а последние (подвиги благочестия) приносят неизменную и обильную пользу. – Первого рода упражнение не приносит выгоды, а только несколько пользы доставляет телу. А упражнение в благочестии приносит плод и на будущую жизнь: и здесь и там доставляет утешение». Объясняя это последнее, блаженный Феофилакт прибавляет: «и здесь, говорит, снабдевает человека благочестие. Ибо, не обличаемый совестью ни в чем худом, и здесь веселится духом, верные имея обетования будущих благ,

там же и самым делом заживет истинною жизнью». Первую, впрочем, часть этого объяснения он взял у того же святого Златоуста, у которого она пространнее изложена: «и здесь мы пребываем в благом уповании. Ибо тот, кто не знает за собой никакого преступления и творит добрые дела, радуется и в настоящей жизни. Между тем как человек порочный не только там, но и здесь переносит наказание, постоянно живя в страхе, ни на кого не смея взглянуть с дерзновением, трепеща, бледнея, томясь. Разве не таковы корыстолюбцы, воры, которые не уверены в том, чем владеют? Разве прелюбодеи и человекоубийцы не ведут самой тягостной жизни, с недоверчивостию взирая на самое солнце? Неужели это есть жизнь? Это не жизнь, а скорее самая тяжелая смерть».

1Тим. 4:9. Верно слово и всякаго приятия достойно.

«То есть слово сие истинно и достойно того, чтоб все принимали его, как несомненное. Какое же это слово? То, что благочестие и здесь и там полезно» (блаженный Феофилакт). «Поелику упомянул о жизни будущей, а она есть нечто невидимое; то по необходимости прибавил удостоверение, что слово о сем верно, как достойное веры и украшенное истиною. Подвигоположнику надлежит воодушевлять подвижников удостоверением в верности наград» (блаженный Феодорит).

В другой раз в сем Послании произносит Апостол это удостоверительное выражение: выше о том, что Господь Иисус Христос пришел в мир грешников спасти (1Тим. 1:15), а здесь о том, что в благочестии, или в жизни по духу веры Христовой, надлежит упражняться паче, нежели борцы упражняются в телесной гимнастике, так как благочестие имеет за собою обетование счастья временного и блаженства вечного. Это делает он для напечатления в умах и сердцах читателей Послания того убеждения, что как вера в пришествие Господа Иисуса для спасения грешников, так и ревностное упражнение в благочестии, или жизни по духу веры Христовой, одинаково обязательны для последователей Христовых, и что только на сочетании их обоих твердо стоять может упование спасения и получения блаженства вечного. Этою-то непоколебимостию

упования воодушевляясь, мы и переносим все за Христа Господа.

1Тим. 4:10. На сие бо и труждаемся и поношаеми есмы, яко уповахом на Бога жива, Иже есть Спаситель всем человеком, паче же верным.

Неложность обетования и несомненность получения уповаемого подтверждает Апостол собственным примером (блаженный Феодорит). Что вера и жизнь по вере приносят живот вечный, убеждение в этом составляет нашу силу. Из-за чего мы поднимаем такие труды и предаем себя всякому поношению? Не из-за чего другого, как из-за того, что уверены в получении за то живота вечного. А эта уверенность на чем стоит? На том, что мы возуповали (ηλπίκαμεν) на Бога совершенно уверились в истине слова Его и всецело на Него положились. Это приложение подает мысль, что Апостол хотел как бы так сказать: слово обетования мы слышали из уст Самого Бога, совершенно уверились в Нем и положились на Него, что обетованное несомненно исполнено будет. Без этого дополнения мысли один пример Апостолов не был бы доказателен. Но когда за этим примером видим лице Бога живого, дающего обетование, тогда он, делаясь представителем действия слова живого Бога, всякому доказывает несомненность упования в равной силе, как бы он сам слышал слово из уст Бога живого. Святой Павел не здесь только, но и в других местах выставляет свою уверенность в несомненности упования, – и она была для него живительною силою в понесении Апостольских трудов. Теку, говорит, не на неизвестное, «подвизаюся, не яко воздух бияй» (не на ветер) (1Кор. 9:26).

Пишется сие святому Тимофею, который разделял с апостолом Павлом все труды его я несомненно был исполнен тем же духом упования. Почему: "мы» («труждаемся, уповахом») – здесь звучит как «мы с тобою». В лице же их, конечно, наводится мысль и на всех Апостолов, и на всех труждающихся в благовестии. Напоминается же сие святому Тимофею, чтоб вызвать и восставить тот же всегда оживлявший его дух упования и сказать как бы: будь как всегда. Ибо святому

Тимофею предлежало теперь одному нести труды, которые прежде разделял он со святым Павлом. Святой Златоуст говорит: «здесь Апостол возбуждает святого Тимофея к перенесению опасностей, чтоб он не упал духом, имея в Боге столь сильного помощника, и не нуждался в содействии других, но охотно все с мужеством переносил».

Бог именуется Богом живым, чтоб выразить, что упование наше не идеально, не на идее Бога утверждается, а на слове Бога живого, самым делом совершившего и устроившего все, потребное для получения уповаемого. Мы лицом к лицу видели и действительно познали Бога живого, почему уповаем не колеблясь. Или для того слово сие: «жива» – прибавлено, что Бог, как Сый, всегда может исполнить обетованное. Люди, будь то князи, ныне есть, а завтра их нет. Бог же всегда жив есть, чтоб даровать, что обетовал. Блаженный Феофилакт пишет: «здесь воины царские, перенесши многие труды и опасности, часто не получают должного воздаяния, когда случится между тем умереть царю; а наш Царь всегда жив есть, всегда и воздаст».

"Бог есть Спаситель всех человеков», – потому что «всем человеком хочет спастися и в разум истины прийти» (1Тим. 2:4) – и не только хочет спастися всем, но и устроил дивный образ спасения, всем открытый и всегда сильный спасти всякого, кто ни захочет воспользоваться им. Но почему Он есть Спаситель «паче верным»? Потому что спасительное Божие хотение, спасительная Божия сила и спасительное Божие устройство (экономия спасения) простираются на всех и для спасения всех довлеательны; но на деле спасаются, или делаются причастными сих спасительностей, только верные, то есть только уверовавшие в благовестие и по принятии благодати живущие в духе веры. Так что Бог, и всегда желающий и всегда сильный спасти всех, в действительности Спаситель есть только верных. Μαλῶτα – значит и: так, именно так. Почему: «паче же верным» – можно перевести: именно верным. «Же», δὲ, – частицы нет в греческом. Прибавить же сие: именно верным – нужно было святому Павлу, потому что писал об уповании живота вечного, которого неверные не могут быть причастны. «Бог здесь есть

всех Спаситель, а там не всех, но только достойных спасенными быть» (Экумений). Но и здесь Бог Спаситель особенное являет попечение о верных: ибо, если б этого не было, давно бы их стерли с лица земли (Экумений). Святой Златоуст говорит: «каким образом, спросишь ты, Бог есть Спаситель паче верных? Тем, что обнаруживает великую заботливость о верных. Если б Он не был Спаситель их, то ничто не воспрепятствовало бы давно погибнуть тем, против которых все ратуют».

г) О назидании паствы (1Тим. 4:11–16)

По указании, как себя созидать, святой Павел дает уроки святому Тимофею и о том, как назидать паству. Два здесь главных пункта: живи примерно и учи ревностно, – внимай себе и учению; прочее прилагается, как побуждение к ревностному пастырствованию (1Тим. 4:11–16).

1Тим. 4:11. Завещай сия и учи.

Слова сии кажутся заключением предшествующей речи; но лучше признать их переходом к последующей, дав им такой смысл: не только сам себя питай словесами веры и обучай благочестию, в уповании вечного живота, но и паству свою тому же учи и так наказывай ей действовать.

«Сия», – «то есть обучаться благочестию, ожидать воздаяний, взирать на Подвигоположника» (блаженный Феодорит).

«Завещай и учи» – можно и к одному и тому же относить, именно к учению, – учи, увещай, убеждай, – и так разуметь, что словом: «учи» – означает учение, а словом: «завещай» – властное повеление пастырское. Такое различие в сих словах полагают наши толковники. Святой Златоуст говорит: «при устройении человеческих дел иногда требуется наставление, а иногда приказание. Если бы поэтому ты стал приказывать там, где следует учить, то ты был бы достоин посмеяния. И наоборот, если бы ты начал учить там, где нужно приказывать, то случилось бы с тобою то же самое. Например, – что не должно быть злым (что не должно красть [см.: блаженный Феофилакт]), этому следует не учить, а это должно приказывать и запрещать с особою силою; равно как и то должно приказывать, что не

нужно держаться иудейских заблуждений. Если же ты намереваешься говорить о том, что должно раздавать имение, что должно хранить девство, или если думаешь беседовать о вере, то в таком случае необходимым становится учение. Поэтому и употребляет святой Павел оба эти выражения: «завещавай и учи». – Также, если кто носит привески (по суеверию, в отвращение зла) или что-нибудь подобное и творит сие, зная, что это есть зло, то в таком случае нужным бывает одно только приказание; когда, – не зная того, – наставление. – Видишь ли, что священник должен и приказывать, и говорить со властью, а не все учить?»

1Тим. 4:12. Никтоже о юности твоей да нерадит: но образ буди верным словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою.

То есть назидай паству своим добронравием, добрым житием и добрыми делами, чтобы она следовала за тобою, несмотря на твою юность. «Хочешь, говорит Апостол, чтобы не пренебрегали тобою, когда приказываешь, – будь одушевленным законом, – показывай в себе преуспевание законов, – пусть жизнь твоя свидетельствует о слове» (блаженный Феодорит). «Святой Тимофей по летам был юн, а по нравам – важный старец. Апостол и увещавает его: пребудь таким, чтобы преуспевание твое во всем представляло образец добрых дел, чтоб в тебе, юном, видна была уважения и удивления достойная обученность (disciplina), чтоб дела твои не давали видеть твоего возраста, и все имели тебя не как юного, а как старца, чтоб старшие возрастом краснели, не являя себя, подобно тебе, важными в обращении и нравах, а юные имели в тебе сверстника своего учителем. – Дивен этот юный, -святейший Тимофей, когда его пример силен был обуздывать необученную юность и обличать не блюдущую свойственной ей важности старость» (Амвросиаст).

«Да нерадит», μη καταφρονεῖτω, – да не презирает никто юности твоей или тебя по причине юности твоей. Как нельзя заставить не презирать, то смысл Апостольского внушения таков: не доводи себя до того, чтоб тебя презирали, не подавай повода к презрению тебя и неуважению к тебе. Как в этом

успеть, показывают следующие слова: «но образ буди». «Покажи жизнь, благоуукрашенную добронравием, и не будет презираема юность твоя, а напротив, будет привлекать общее удивление» (блаженный Феофилакт). «До тех пор, пока ты будешь вести жизнь приличную (твоему сану), никто не станет презирать тебя за возраст, но еще больше всякий будет удивляться тебе» (святой Златоуст).

И такой еще может быть здесь смысл: по сознанию своей юности, не молчи и не пропускай без внимания, когда нужно говорить, обличать, исправлять, действовать со властью; ибо, если допустишь это, неисправные пред глазами твоими начнут бесчинствовать, ни во что ставя твою власть. Тут уже не тебя, Тимофея, но в твоём лице епископа будут презирать, ему преданную, Апостольскую власть созидать Церковь святую. Этого же никак нельзя допускать. «Учитель не должен быть в пренебрежении» (святой Златоуст). «Епископ, действуя как епископ, должен вести речь и рассуждать властно» (Экумений). «Должное повелевай властно, и никто не будет тебя презирать» (блаженный Феофилакт).

Но как же заявит епископ кротость, заповеданную ему выше (1Тим. 3:3)? На это святой Златоуст говорит: «где же, скажешь ты, кротость, если никогда не испытает он пренебрежения? В тех вещах, которые лично его касаются, пусть он, подвергшись пренебрежению, переносит сие, ибо таким образом долготерпение его будет содействовать успеху учения; а в том, что касается (спасения) других, – нет, потому что это будет уже не кротость, а равнодушие. Когда он мстит за обиды, нанесенные ему, или за злословие, или наветы; тогда справедливо обвинить его. Когда же дело касается спасения других, тогда приказывай и распоряжайся с полною властью. Здесь уже нужна не кротость, а власть, дабы сие не сделалось гибельным для общества».

«Но образ буди верным». «Во всем подавай собою пример добрых дел. То есть сам будь первообразом в жизни, являясь пред другими как одушевленный закон, как правило и устав жизни благой. Ибо таков должен быть учитель» (святой Златоуст).

«Словом» – или учительским, то есть «в говорении того, что должно говорить как учителю. Видишь, что учителю должно готовить слово или иметь его изготовленным» (Экумений), – «чтоб говорить с удобством» (блаженный Феофилакт), – «чтоб без затруднения вступать в собеседование» (святой Златоуст). Или обычным словом при взаимно-обращении, в разговорах и собеседованиях, чтоб и содержание, и образ речи были назидательны. В таком случае здесь напоминает то же, что сказано в другом месте всем: «Всяко слово гнило да не исходит из уст ваших, но точию еже есть... к созиданию ...да даст благодать слышащим» (Еф. 4:29). Эта мысль ближе к ходу речи.

«Житием», εν ανατροφη, – во взаимно-обращении, или в образе держания себя при встречах и сношениях с другими, – сообразно с местом, временем, лицами и с своим саном. Приложение сего уместно и в житейских, и в гражданских, и в церковных порядках жизни и соотношениях, – «в обычной жизни и в церковном чине» (блаженный Феофилакт). Общий закон тут: всякого встречать с уважением к нему и готовностью сделать ему всякое добро, словом и делом, не допуская никакой вольности в обращении.

«Любовию», – объемлющую всех, как братии и сестер (Экумений, блаженный Феофилакт). И во взаимно-обращении должна дышать любовь; но там иное обращение может казаться любительным, не будучи таким. Почему Апостол входит внутрь сердца и там царицею всех деяний посаждает любовь, – любовь чувства, чтоб из него исходили любительные дела. Пастырь, приемля паству в свои руки, должен всех принять, как кровных чад и как родных, – и радеть о всех, как о своих ему.

«Духом», – «или духовным настроением, или даром благодати Святаго Духа» (Экумений, блаженный Феофилакт). В первом отношении требуется – быть отрешену от всего тварного и чувственного и в Боге иметь свой живот сокровенным (Кол. 3:3), всё творя во славу Его, по воле Его, в присутствии Его, со страхом и благоговеинством. Во втором – «не превозноситься даром благодати Святаго Духа» (Экумений, блаженный Феофилакт), но паче смиряться, боясь не настолько оказаться

деятельным и плодотворным, сколько бы следовало, судя по данному дару.

«Верую», – «правою и неколеблющеюся, когда кто верит Богу и в том, что невозможно (в естественном порядке)» (Экумений, блаженный Феофилакт). Есть две веры: вера правая, приемлющая без сомнения помышлений все, открытое нам Богом, и вера, в Боге уверенная, что не оставит предавшего себя Ему и приведет к желанному концу – вечному блаженству, в каком бы кто положении здесь, на земле, ни был. Первая вера царствует в умственной сфере, вторая – в деятельной жизни. Сею последнею приемлются вразумления, подкрепления нравственной энергии и извождения из затруднительных и опасных для чистоты сердца и совести обстоятельств. Верх ее есть та вера, о коей говорит Спаситель: «веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит» (Ин. 14:12). И еще: «вся, елика аще воспросите в молитве верующе, приимете» (Мф. 21:22), или: «вся елика аще молящися просите, веруйте, яко приемлете: и будет вам» (Мк. 11:24).

«Чистотою», εν αὐνείᾳ, – в непорочности, – «в девственной чистоте и целомудрии» (святой Златоуст, Экумений, блаженный Феофилакт). Святой Тимофей был девственник телом. Ему внушалась сим только девственность сердца, которого можно не иметь при девственности тела, когда не бывают равнодушны к красоте женской, хотя бы без похотных вожделений. Живущий в духе, как указано в слове: «духом», – должен быть отрешен и от этого, имея всех жен сестрами, – чем устраняется всякое предпочтение какой-либо, не по духовному ее достоинству, и льнутие к ней по одной ее наружной привлекательности.

1Тим. 4:13. Дóндеже прииду, внемли чтению, утешению, учению.

Сказал: будь образцом во всем для пасомых, чтоб они слушали слово твое и слушались его покорно. Теперь указывает, чем заниматься должно с ними, чтоб назидать их и вести к совершенству, – именно чтением, утешением, учением; «внемли чтению» Божественных Писаний, «утешению» тех, которые имеют в том нужду, «учению», обращенному ко всем вообще» (святой Златоуст). Блаженный Феодорит утешение и

учение различает так: «учение, ничем не удерживаясь, предлагает разные наставления (обще – «ко всему народу» [Экумений]); а утешение или ободряет унылых, или гневающихся успокоивает советами». Блаженный Феофилакт, повторяя сие, к изъяснению «утешения» прибавляет, что оно имеет предметом своим «уговорение и возбуждение чувствующих в себе упадок нравственной энергии». Амвросиаст же пишет: «когда кротким словом располагаем других к доброму делу, – это есть утешение; а когда сокровенное нечто (тайнства веры) печатлеем в умах слушающих, это есть учить».

Что касается до чтения Божественных Писаний, то под ним можно разуместь и чтение в собраниях церковных, и чтение домашнее, как приготовление к чтению в собраниях, и собрание запаса, откуда почерпать утешение и учение (Амвросиаст). Отсюда наши толковники извлекают такие уроки. Святой Златоуст говорит: «Тимофею заповедует заниматься чтением. Послушаем сего все и научимся не нерадеть об изучении Божественных Писаний. Не к одному Тимофею это сказано, но ко всем. Если Апостол дает такие наставления тому, кто воскрешал мертвых, то что нам говорить против? И Христос на учителей указывает, когда говорит, что «подобно есть Царствие Небесное человеку домовиту, иже износит от сокровища своего новая и ветхая» (Мф. 13:47, 52). Сие же внушает и блаженный Павел, когда говорит: «да терпением и утешением Писаний упование имамы» (Рим. 15:4). – Он и сам более всех исполнял это. Будучи наставлен в законе при ногах Гамалиила, он, конечно, и после того занимался чтением его. Разве не видишь, как он часто приводит свидетельства из Пророков и разбирает их? Поэтому, если Павел занимается чтением, – ибо немаловажная польза проистекает от Писаний, – то ужели мы будем лениться и рассеянно слушать его?» – Приложим и краткое слово блаженного Феодорита: «И треблаженному Тимофею, сколько ни был он духовен, учитель повелевает внимать чтению. Из сего можно дознать, что и нам надлежит привнести от себя труд для углаждения пути к приятию благодати Духа».

Слова: «дондеже прииду» – приложены и в утешение, что, оставшись один, не долго будешь сиротствовать, – и в прогнание страха при встрече недоумений, как бы так: встретишь недоумение, – ищи разрешения его в Писании; чего же не доищешься, – я приду скоро и разрешу. Блаженный Феофилакт пишет: «утешает святого Тимофея, сказав: «дондеже прииду», – ибо это давало надежду, что скоро увидит учителя, так как, осиротевши, он конечно искал сердцем Павла. И вот еще для чего сказал он это: так как святой Тимофей, будучи молод, многого, конечно, не знал и имел нужду в присутствии учителя, чтоб узнать то от него; то святой Павел говорит ему: пока приду, читай Писания, и там найдешь нужные законоположения. А когда приду, то передам тебе и прочее».

1Тим. 4:14. Не неради о своем даровании живущем в тебе, еже дано тебе бысть пророчеством с возложением рук священничества.

«Не неради», – стоящее после: «внемли чтению», утешению, учению, – дает разуместь, что если он не будет сего исполнять, то окажется нерадивым, и что это нерадение будет нерадением о даровании, живущем в нем. Так как сие дарование очевидно есть дарование епископства или пастырства, то следует, что пастырь, нерадящий о чтении, утешении и учении, есть нерадивый пастырь, есть пренебрежитель дара пастырства, ему данного и в нем пребывающего. Он зарывает свой талант в землю (Мф. 25:25) или свой «мнас» завертывает в тряпку (Лк. 19:20) – и предается сну. Амвросиаст пишет: «если пастырь народа (верных) нерадит о сем (о чтении и прочем), то нерадит о данной ему благодати. Ибо затем и делается он водителем народа, чтоб заботился о спасении его, увещавая и уча, дабы приносило плод поставление его в чин сей; так как Бог затем возвел его на сию степень, чтоб он способствовал спасению народа Его. Почему кто, сподобясь такого достоинства, бывает нерадив, тот презрителем Бога почтен будет и «мний наречется в Царствии Небесном» (Мф. 5:19). К тому же, кто учить не заботится, тот будет ли пещись о том, чтобы делать?»

В этом и была цель, для которой Апостол сказал здесь сие: «не неради о даровании». Он хотел представить побуждение к указанным пред сим занятиям пастыря по пастырству, дав разуместь, что главное дело пастыря – учить и учением вести вверенные ему души путем спасения. Пастырь неучащий – не пастырь. -Но чтоб еще больше усилить такое побуждение, Апостол счел нужным напомнить святому Тимофею о том, как получено им такое дарование пастырства.

«Еже дано тебе бысть». Не сам себе присвоил, не сам искал и домогался прямо или косвенно, – но: «дано». Избран святой Тимофеей по общему голосу и общему указанию верных. Но избиратель этим не удовольствовался, а ждал указания свыше. И оно дано «пророчеством», то есть или особым откровением о достоинстве избираемого святому Павлу, или проречением о том какого-либо из Пророков, обычных тогда в Церкви, или другим каким указанием свыше. О бывших о святом Тимофее пророчествах уже поминал святой Павел выше (1Тим. 1:18). Вероятно, это было не раз. Но здесь говорится о том, что совершилось в Ефесе. «Пророчество, – пишет Амвросиаст, – есть указание свыше, что избираемый имеет быть достойным учителем». Почему, сказав: «пророчеством», – Апостол засвидетельствовал, что святой Тимофеей рукоположен в епископа «по повелению Святаго Духа» (блаженный Феофилакт). И вообще тогда «епископы были поставляемы по повелению Духа, а не кое-как. И то есть особый вид пророчества, когда свыше указывается на настоящее, как там – в Антиохии: «отделите Ми Варнаву и Савла» (Деян. 13:2)» (Экумений). Указание свыше о достоинстве избираемого бывало многократно в Церкви; нередко избиравшие и не решались закончить свое избрание без указания свыше.

Избрание – приготовление; самое поставление в епископа совершено затем рукоположением: «возложением рук священничества», του πρεσβυτεριου, – собственно старчества, старейшинства, или сонма старцев и старейших лиц в Церкви. Из таких лиц бывали избираемы священники, и их, вероятно, разумеет здесь святой Павел. Как их в Ефесе и около было не мало, то он означил их всех общим именем: πρεσβυτεριου, – что

по-славянски переведено: «священничества», – сонма священников. Но как же – выходит: священники рукополагают епископа? Святой Златоуст отвечает: «не о пресвитерах (не о священниках) говорит он здесь, а об епископах; ибо не пресвитеры рукополагали епископов». Так и Экумений с Феофилактom. Но блаженный Феодорит пишет, что «священничеством» называет здесь Апостол сподобившихся Апостольской благодати». И следовательно, святой Павел понимает здесь только себя самого. Это совершенно согласуется с тем, что говорит он во Втором к Тимофею Послании: «вспоминаю тебе возгревати дар Божий в тебе возложением руку мою» (2Тим. 1:6). Там «дар» и здесь «дарование» одно и то же означают. Следовательно, и помянутое «дарование» дано возложением рук святого Павла, как имевшего Апостольскую благодать. – Но в таком случае слово: «священничества» – получит не прямой, а переносный смысл. Чтоб удержать прямое значение сего слова и вместе под возложением рук, благодать епископства сообщившим, разуметь возложение рук святого Павла, а не пресвитеров, можно допустить, что в настоящем месте возложение рук священничества было действительно, но было не как совершение таинства епископской хиротонии, а как изъявление согласия на избрание, и, может быть, даже отдельно от посвятельного возложения рук святого Павла, – прежде, как завершение избрания, указанного откровением свыше. В таком случае смысл всего места будет такой: не неради о даровании, данном тебе возложением моих рук, по пророчеству, с согласия всего священства, которое оно изъявило своим возложением рук на тебя. Оно дало руки согласия.

1Тим. 4:15. В сих поучайся, в сих пребывай, [в сих разумевай,] да преспеяние твое явлено будет во всех.

«В сих» – во всем сказанном ему прежде, то есть: «образ буди верным» – и: «внемли чтению, утешению, учению» – или даже выше: питайся словесами веры и обучай себя ко благочестию, по упованию жизни вечной. Но можно ограничить широту значения: в сих – преимущественно тем, что относится к созиданию себя, как пастыря, и к пастырскому созиданию

пасомых. «Поучайся», μελετα, – о сем рассуждай, сие держи непрестанно в уме и обдумывай, сим всеусердно будь занят. – «В сих пребывай» – будь весь в этом, другое чтоб и на ум не всходило, этому одному будь вседушно предан. Как воин весь в своем воинстве, художник весь в своем искусстве, ученый весь в своей науке: так ты будь весь в своем пастырстве. Ибо это есть существенное условие к тому, чтобы совершенным явиться в деле, какое кто берет на себя или к какому кто призван. Почему Апостол и прибавляет вслед за сим: «да преспеяние твое явлено будет во всех». – «Преспеяние» – успех, совершенство. «Будет», – чтоб явно было, что ты во всем совершен, и в жизни, и в учении, или чтоб всем явно было, что ты совершен в своем деле и чине, то есть пастырстве. Таким образом само собою устроится, что никто о юности твоей нерадеть не будет. Экумений пишет: «преспеяние» указывается великое; ибо, не будь оно очень велико, то и явно не будет. Слово же: «во всех» – означает: или всем людям, или во всех вещах». Дополняет сие Феофилакт: «во всех», – то есть не в жизни только, но и в слове учительском. Смотри, как великим и дивным желает он быть ему даже и в этом!» Слов: [“в сих разумевай”] – никто не читает из наших толковников.

С 14-го стиха до конца главы Апостол предлагает во увещание к доброму пастырствованию убедительные представления: в 14-м: «не неради о даровании»; здесь: «да преспеяние твое явлено будет во всех»; далее: «сам спасешия и слушающий тебе». «Смотри, – говорит святой Златоуст, – как настойчиво побуждает он его к одному и тому же, желая показать, что учителю должно больше всего стараться об этом (то есть быть образцом и учить)».

1Тим. 4:16. Внимай себе и учению и пребывай в них, сия бо творя, и сам спасешия и слушающий тебе.

«Внимай себе и учению». «То есть будь внимателен к себе самому и других учи» (святой Златоуст). Но об этом уже говорилось; потому можно полагать, что здесь Апостол имел в виду внушить не столько предмет дела, сколько образ делания. К этому предположению дают повод употребленные здесь глаголы: επεχε – и επιμενε. "Επεχε – поймей на себе. Ум иметь

на себе – внимать себе; но можно поиметь на себе и напряжение воли, или понуждать себя, налегать на себя. Будет: ἐπεχε σεαυτῷ – налегай на себя и на учение других, не жалея труда, нудь себя на жизнь примерную и на учительство неустанное. К сему же смыслу ближе подходит и следующее: «пребывай в них». – «Пребывай», ἐπιμενε, – с усилием, прилежанием и терпением пребывай в этом, – в этих трудах и занятиях по пастырству, не знай усталости. Это же ἐπιμενε – указывает и на воодушевление к терпеливому труду и усилиям, – и надежду на успех; так что: «пребывай в них» – будет: будь неустойчив в трудах пастырства, в чаянии успеха спасительного плода, о коем и говорится тотчас.

«Сия бо творя, и сам спасешися и послушающийи тебе». – «Сам спасешися»; ибо если будешь так поступать, то с тебя уже нечего более и взыскивать, – ты свое дело сделаешь как должно, послушаются ли тебя пасомые или нет. Но Апостол и более этого обещает, именно что и слушающие его спасутся. Они непременно пойдут вслед за тобою, и как ты, действуя сказанным образом, верно достигнешь спасения, то и они вслед за тобою достигнут того же. Кажется, святой Павел имел в виду особенно выставить на вид победоносную силу учения, оправдываемого и подтверждаемого жизнью. В таком случае, говорит как бы он, никто не устоит против твоего слова и убеждения, – все тебя послушаются, пойдут по учению твоему и примеру твоему и спасутся. Плод же сего на тебе отзовется. Амвросиаст пишет: «убеждает Апостол, чтоб святой Тимофей всем представлял себя образцом в добрых делах и был образцовым в трудах учительства. Преуспевание должно быть явлено не в учении только, но и в делах. Ибо как дерево доброе творит добрые плоды (Мф. 7:17), так и учение доброе злых плодов иметь не может. Когда видны добрые дела, то слушающие, убеждаясь, что это есть плод доброго учения, не могут не получить пользы от учения. Ибо то, что предлагается в слове учения, всегда сознается истинным и приемлется со страхом и благоговейством, если видно, что все то благоговейно соблюдается тем, кто учит. Таким образом добрый пастырь народа двоякий получит плод – и за свои добрые дела,

и за спасение пасомых, – послушающих его; напротив, если он будет нерадив, то и за себя, и за них даст отчет Богу».

б) Наставления, как учить и руководить пасомых, судя по их разным состояниям

Не на всех одинаково следует действовать, но надо соображаться с отличиями каждого по возрасту, положению в Церкви, положению в обществе и внешнему состоянию. Как все это делать, святой Павел указывает в последних двух главах.

в) На старцев и стариц

Святой Павел берет во внимание только противоположности старца и юноши, старицы и юницы. О прочих оставляет сделать наведения самому святому Тимофею. И на этих указывает будто только для примера.

1Тим. 5:1. Старцу пакости не твори, но утешай, якоже отца: юноши, якоже братию.

Под старцем понимает здесь святой Павел не почтенного иерейским достоинством, а устаревшего летами (святой Златоуст и все). Такому лицу, говорит, «пакости не твори», μη ἐπιπληξῆς, – не кричи на него, не брани и не срами его. «Но как же быть, если он имеет нужду в исправлении? Относись к нему в сем случае, как к родному отцу согрешившему, с почтительною тихостию» (святой Златоуст, Экумений). Почему говорит: «утешай», παρακαλεῖ, – упрашивай, умоляй, уговаривай. «По самому существу дела, сие, то есть слушание замечаний, тягостно, – и в особенности когда это случается с престарелым человеком; если же при сем замечания даются юнейшим, то сие бывает втройне несносным. Поэтому и нужно смягчать тяжесть сего кротостию и дружелюбием. Ибо можно обличать без жестокости, если кто захочет навыкнуть сему; только для этого требуется большое благоразумие; однако это возможно» (святой Златоуст). «Так учит Апостол располагать к добру старца, по причине почтительности, вызываемой его возрастом. При таком отношении к нему, он удобнее примет предлагаемое наставление: ибо, несмотря на оказываемую ему

почтительность, при первом внушении не может он не опасаться, как бы в другой раз и не покричали на него, чему срамно подвергаться старцу, у всех народов старчество пользуется почтительным уважением. Почему, подобно синагоге, и Церковь имела старцев, без совета которых ничего не делалось в Церкви. И я не знаю, как это вышло из обыкновения? Может быть, по беспечности пастырей и учителей или, лучше, по их гордости, по коей им одним хотелось быть видными в Церкви» (Амвросиаст).

«Юноши, якоже братию», – то есть увещавай и склоняй к добру. «Зачем и здесь заповедует сие, то есть кроткий образ речи? Затем, чтоб не раздражать свойственной сему возрасту продерзости; почему и в этом случае обличение должно смягчаться духом кротости и любви» (святой Златоуст). «Юношей велит Апостол увещавать как братьев, с теплотою любви, чтоб, видя, что их усовещивают из любви, они охотнее исправляли себя; особенно если видят при сем, что у самого наставника дела нисколько не разногласят с его уроками» (Амвросиаст).

1Тим. 5:2. Старицы, якоже матери: юныя, якоже сестры, со всякою чистотою.

«Стариц» – учи, увещавай, склоняй на добро, «как матерей». «Причина сему та же, что и в отношении к старцам» (Экумений) – «смягчение горечи исправительной речи теплотою сыновней любви и почтительности» (блаженный Феофилакт). «Старицы, видя, что их учат кроткою речью, будут без горечи принимать ее, так как при этом соблюдается почтительность к ним. Старым горько принимать уроки от младших. Почему, когда это бывает неизбежно, Апостол велит смягчать это действие кротостию и почтительностию, чтоб оно послужило в пользу и учащему, и слушающим» (Амвросиаст).

«Юниц», – то есть девиц или молодых жен, учи, увещавай и исправляй, как «сестр». Причина и здесь та же, что в отношении к юношам, потому что и им не чужды продерзость и непокоривость. «Юниц велит Апостол учить, как сестр, чтоб они с готовностию подчинялись дисциплине доброго жития. Ибо, видя, что им не властно повелевают, а доброжелательно

внушают, чего требует добрая жизнь, они беспрекословно на то соглашаются, смиряясь пред увещателем. Ласковостию скорее можно достигнуть того, в чем не всегда успевает авторитетная власть» (Амвросиаст). «Но как беседы с молодыми женщинами с трудом избегают подозрения, а между тем епископ должен и это делать, то Апостол прибавляет: «со всякою чистотою», – показывая тем, что говорить с ними надлежит со всякою чистотою. Если же Тимофею заповедует он это, то пусть подумают все другие, каков должен быть епископ, чтобы не подать случая к подозрению, ни даже тени оправдания для тех, которые захотели бы клеветать» (святой Златоуст). Но кажется, святой Павел имеет при сих словах в виду не столько подозрения других, сколько предотвращение сердечного сочувствия юницам. Это сочувствие и далее влечение естественно вызывается при встрече с женами, особенно юными. Но оно не неизбежно и тем менее таково, чтоб необходимо властвовало над сердцем. Его можно пресекать, при самом зарождении или первом движении, и прогонять, когда оно против воли прорвется. Вот об этом отторжении от сердца сочувствий и говорит здесь Апостол. «Апостол присовокупил: «со всякою чистотою», – пишет блаженный Феодорит, – научая при телесном целомудрии сохранять и душевное и не допускать в себя никакого вреда посредством зрения или слуха».

г) Об устройении вдовиц (1Тим. 5:3–16)

Вдовы, с самого начала устройства Церкви, состояли на попечении христианских обществ. Для устройства их в первой Иерусалимской Церкви были избраны особые лица (Деян. 6). По этому образцу и все другие общества христианские долгом своим считали – обеспечивать вдов и сирот. А что это продолжалось и потом, указание на то можно видеть в Послании святого Игнатия к святому Поликарпу (Священномученик Игнатий Богоносец. Послание к святому Поликарпу. 4), в Первой Апологии святого Иустина (Мученик Иустин Философ. Первая Апология. 67), и в «Церковной истории» Евсевия (Евсевий Кесарийский. Церковная история. 6, 43). Об них и говорит здесь святой Павел; и говорит: аа)

сначала об устройении вдовиц вообще (1Тим. 5:3–8); а потом: бб) частнее (1Тим. 5:9–15), – о вдовицах: α) престарелых (1Тим. 5:9, 10) и: β) юных (1Тим. 5:11–15); вв) напомнив в конце и еще, что говорил об устройении вдов вообще (стих 16). Пространно пишет, – верно, надлежала нужда в этом.

аа) О пристроении и обеспечении вдовиц вообще (1Тим. 5:3–8)

1Тим. 5:3. Вдовицы чти сущия истинныя вдовицы.

«Чти» – не пренебрегай, или не неради об них, а имей о них попечение. «Чти» – стоит вместо: милосердуй о них и доставляй им потребное» (блаженный Феофилакт). Но «чти», говорит, таких, которые суть истинные вдовицы. Какие же это истинные вдовицы? Конечно те, которые хорошо живут (стихи 5–7), но которым при сем жить нечем (стих 16). Блаженный Феодорит пишет: «вдовам, не имеющим никакого ниоткуда источника к удовлетворению своих нужд, надлежит пользоваться, говорит Апостол, церковным вспоможением». Святой Иустин, в своей Апологии, говорит, что «верующие жертвовали в Церковь кто что мог; а настоятели Церквей, – пастыри, раздавали потом собранное бедным, вдовам и сиротам». Вдовицы, которые сами могли содержаться или которых могли содержать их собственные семьи, не должны были тяготить собою Церкви (стих 16). «Такие не суть настоящие вдовицы» (Экумений). – Относительно них вот что заповедует святой Павел.

1Тим. 5:4. Аще же кая вдовица чада или внучата имат, да учатся прежде свой дом благочестиво устроить и взаем воздаяти родителем: сие бо есть благоугодно пред Богом.

Вдова, говорит, у которой есть дети или внучата, пусть в своей семье и содержание находит. И справедливость этого требует, и Богу это приятно. Возлагает сие святой Павел на детей или внучат оставшейся вдовы: «да учатся прежде свой дом благочестиво устроить. – Да учатся», μαθητευσθαι, – можно перевести и так: да обучатся, приобретут навык. «Благочестиво устроить», εὐσεβεῖν, -благочествовать, являть или держать благочестивый образ жизни. «Свой дом», τὸν ἰδίον οἶκον, – по своему дому, в своем доме, подразумевая: ката. Будет: которая вдова имеет детей или внучат, ту пусть содержат

эти дети и внуки, чтоб таким образом они обучились или навык приобрели являть или держать благочестивый образ жизни прежде у себя, на дому. Благочестивый образ жизни они должны являть всюду пред всем обществом христианским. Но прежде всего пусть навькнут сему у себя дома, оказывая усердное попечение о матери или бабке. Чтить и упокоивать мать или бабушку есть дело благочестное. Если кто, не делая этого дома, вне дома, однако ж, держит вид благочестивого, того сомнительно благочестие, – сомнительно, искренно ли оно, а не для виду только держится. К тому же и благочестивому образу жизни надо навькать. Как? Совершая дела благочестия. Апостол говорит: когда у кого есть дома вдова, – мать или бабушка, не ходи за ворота, чтоб встретить там какое-либо дело благочестия и упражняться в совершении его. Есть у тебя под руками такое дело – упокоение и удовольствие матери или бабушки. Им и займись. Говоря же святому Тимофею, как пастырю: да учатся сему дети и внучата, – он внушает: ты их на это направь, растолкуй, что так должно, и убеди к исполнению.

«И взаем воздаяти родителем», ἀμοιβὰς ἀποδοῦναι, – воздать воздаяние, – отплатить. Мать или бабушка пеклись и питали детей или внучат, когда были хозяйками. Теперь настала чередя детям их или внукам хозяйничать. Пусть же они отплачивают им за их прежнее о себе попечение доставлением им покоя и всякого довольства, того требует справедливость, и совесть их должна обязать их к этому.

Экумений пишет: «мысль Апостола такая: да учатся дети или внуки оказывать честь матери и бабушке, питая их и всякое им делая добро. Ибо это означает: εὐσεβεῖν, – благочествовать. Этим они и взаим воздадут им». То же читаем и у блаженного Феофилакта: «да учатся дети и внучата почитать свою мать и бабушку, доставляя им покой и содержание. Ибо εὐσεβεῖν здесь означает: покоить мать или бабушку на старости лет. Достоинство родителей есть Божественное достоинство, так что покоить их значит: благочествовать, как, напротив, не покоить их на старости есть нечестие. При сем Апостол изводит на среду и требование доброй совести, говоря: «и взаем воздаяти

родителем», – воздать родителям, то есть матери или бабке, за их воспитание и возвращение».

«Сие бо есть благоугодно пред Богом». Благоугодно и потому, что чрез то исполняется справедливое требование совести, Богом на сердце начертанное, и потому, что как родители пред детьми являют неким образом лик Самого Бога, то оказываемое им чествование и попечение от детей Бог так принимает, как бы это прямо Ему было оказываемо. Да и натурально должное отношение к родителям отзывается религиозным благоговейством.

Иные читают – не: «да учатся», – а: «да учит», *μανθανετω*. В таком случае слова Апостола будут относиться ко вдове и предписывать, чтоб вдова, имеющая детей и внучат, оставалась в доме и учила, по своей опытности и по авторитету старшинства в семье, свой дом, то есть детей и внучат, благочествовать. Как? оказывая прежде всего ей самой должный почет и попечение успокоительное во всех отношениях. Вульгата удерживает такой перевод: *discant*.

1Тим. 5:5. А сущая истинная вдовица и уединена, уповает на Бога и пребывает в молитвах... день и ночь.

«Выше сказал: «чи сущая истинныя вдовицы»; теперь показывает, какая есть истинная вдовица» (святой Златоуст). Та, которая не только мужа лишилась, но и уединенна есть, *μερωνμενη*, – одна-одинехонька, ни детей, ни внучат не имеет, которые бы об ней попеклись. Одна-одинехонька или осталась, или оставлена, – оставлена своими, живи как хочешь (Амвросиаст). Такой что осталось делать? Возложить все упование на Бога и ждать, что Он благоволит устроить. Которая так делает, та и есть истинная вдовица. «Уповает», *ηλπικεν*, – возуповала, возложила все упование на Бога; «пребывает», *προσμενει*, – ожидает, и ожидает, конечно, помощи свыше, пребывая в молитве. В конце стиха, кажется, должно дополнять мысленно: вот какую вдовицу чи, вот о какой пекись, вот какой устрой церковное вспоможение. Так делает блаженный Феофилакт: «настоящая вдовица – та, которая никого не имеет, кто бы о ней попекся, ни сына, ни внука, и на Бога возложила все упование. Вот о какой надо иметь попечение, вот о какой

милосердовать, доставляя ей все потребное!» Святой Златоуст выставляет на вид более нравственно-религиозную сторону вдов. «Если которая-нибудь, будучи вдовою, не обратилась к мирской жизни, то она есть истинная вдовица, которая уповает на Бога, упражняется в молитве, день и ночь в терпении проводит на молитве, – та есть настоящая вдовица. Тут же Апостол и утешает такую в том, что она не имеет детей, говоря как бы, – что в том, что она лишена не только утешения от мужа, но и того счастья, какое приносят дети, заключается ее преимущество; потому что взамен всего она имеет Бога. Следовательно та, которая не имеет детей, не есть хуже других; но этим утешением (упованием на Бога) восполняет то, чего ей недостает вследствие того, что у нее нет детей». То же делает и Амвросиаст: «вот каких должно чтить вдовиц! таких, которые, имея возможность выйти снова замуж, отвергли второй брак, по желанию совершеннейшей жизни и удобнейшего угождения Богу, являясь сореженицами святой Анне, которая в постах и молитвах служила Богу день и ночь, после того как овдовела, пожив с мужем лишь несколько лет (Лк. 2:36). Такою жизнью должна прежде зарекомендовать себя вдова и потом уже удостоиваться быть вдовою Церкви (то есть на содержании Церкви состоящею). Также вдову, у которой есть дети или внуки, не следует тотчас брать на содержание Церкви. Ибо если она прежде добре правила своим домом, то ей должно быть взаимно воздано своими, как она прежде воздавала им. Но если с какою будет поступлено нечестиво и она брошена будет своими, о которых прежде пеклась благочестно, то такая достойна быть принятою на попечение Церкви, как верная исполнительница закона Господня».

1Тим. 5:6. Питающаяся же пространно, жива умерла.

«Питающаяся пространно», *αττάλωσα*, – пристрастная к утехам и сластям житейским и мирским и преданная им. «Жива умерла» – на вид жива, а в существе дела умерла, – умерла для истинной, человеку, по его назначению, свойственной, жизни. По образу Божию создан человек; должен Богу уподобляться отрешенностию от всего чувственного. Духом наделен в творении, – такую силою, которая не может быть

удовлетворена ничем тварным, а только Единым Богом. Кто, отрешаясь от всего тварного и чувственного, Бога Единого ищет, чтоб, пребывая в общении с Ним, оживотворяться Им, тот живет настоящею жизнью. А кто чувственным предан наслаждениям, у того нет настоящей человеческой жизни, хоть на вид он будто живет похоже на таковую жизнь. Ибо дух его заморен и остается без движения. Такова и вдова, преданная чувственным утехам: «подавляет она в себе разумную (духовную) силу и делает, что сия сила в теле ее, как в гробе каком, остается неподвижною» (блаженный Феодорит). «По видимости она живет этою чувственною жизнью, по духу же умерла» (блаженный Феофилакт). «Нынешнюю жизнь она, кажется, живет, вечную же жизнь потеряла: ибо что касается до оной жизни, то она умерла для нее по причине греха» (Экумений).

Амвросиаст пишет: «вдова, достойная сего имени, означает такую особу, которая, для стяжания Господа, пребывает в молитвах, служа Ему день и ночь. Сим она показывает, что если презрела второй брак, то для того, чтоб посвятить себя строгой жизни, Господа ради. Но если какая вдова, прикрываясь сим именем, предается чувственным сластям, то ее надобно считать заживо мертвою. Знак лукавого притворства есть, когда одно обещают, а другое делают, желая пользоваться честью вдовы, но не желая стеснять себя трудами на угождение и служение Богу, к чему обязывает обет вдовства. Ибо истинная вдова, презрев мужа, избирает Господа, чтоб Ему служить всею душою, по упованию блаженства вечного». Святой Златоуст пространную пишет на сие место беседу, изображая духовную мертвость тех, которые проводят веселую и разгульную жизнь, утопая в чувственных наслаждениях, пирах, гуляньях, увеселениях и в другом многом. «Такие, – заключает он, – не имеют ни души, ни духа, а живут только плотию. И Писание называет их бездушными, говоря: «не имать Дух мой пребывать в человецех сих... зане суть плоть» (Быт. 6:3). Они имели душу, но мертвую; потому и названы плотию».

1Тим. 5:7. И сия завещавай, да непорочны будут.

«И сия» – можно относить и к предыдущему, и к последующему. Относя к предыдущему, можно ограничивать

сие предыдущее непосредственно предшествующим стихом, где так укорена питающаяся пространно. И это, то есть чтоб не предавались удовольствиям житейским и мирским, яствам и питиям, ты им строго накажи, в неотложный закон поставь, чтоб пред всеми являлись они безукоризненными. Или так: требуй этого; иначе они не могут пребыть непорочными, то есть не только подпадут укору за невоздержание, но и в другие впадут пороки. Так блаженный Феофилакт: «видишь, что он желает, чтоб это было законом. Не на произвол оставляет, поблажать утехам или нет, но запрещает это, как грех. Ибо такое значение имеет слово: «завещай», παρὰυυελλε; оно стоит вместо: со всею строгостию запрещай дерзать на это». Сие толкование взял он у святого Златоуста, который пространнее о сем говорит: «видишь ли, что предписание сие принимает вид закона? Он не предоставляет сего свободе каждого, а говорит: заповедуй, чтоб не пресыщались, потому что это есть явный грех, так что тому, кто ведет роскошную жизнь, нельзя и вовсе неуместно быть причастником таинств. «И сия завещай, – говорит он, – да непорочни будут». Видишь ли, что сие отнесено к числу грехов? Ибо то, что предоставляется свободе каждого, если бы даже и не соблюдалось, нисколько не препятствует быть безукоризненным. Поэтому и мы, повинуюсь Павлу, будем заповедывать, что вдовицы, которые преданы сластолюбию, должны быть исключены из числа (настоящих) вдовиц».

Можно, относя: «и сия» – к предыдущему, к 6-му стиху присоединить и 5-й. Будет: требуй, чтобы вдовица, отказавшаяся от второго брака, не только не позволяла себе утешничать, но пребывала в молитвах день и ночь. Можно присоединить и 4-й стих, включив в лица, коим даете предписание, и детей с внучатами, так: заповедуим содержать и покоить своих матерей – и бабок – вдов, чтоб не подпасть укору от лица верных. Эта мысль прямо вяжется с следующим 8-м стихом: а если кто о своих родных нерадит, то он горше неверного.

Относя: «и сия» – к последующему, то есть к: «да непорочни будут», – получим: и вот что еще завещай, чтоб непорочны были и безукоризненны во всех отношениях. Ибо и

воздерживаясь от чувственных удовольствий, они могут проявлять другое многое в своем поведении, за что справедливо будут подлежать укору. Такая мысль видна у Амвросиаста: «Апостол требует, чтоб вдова такое имела попечение о доброте своих деяний и нравов, чтоб ее ни в чем попрекнуть было невозможно. Отказавшись от мирской жизни и от забот о теле освобожденная, она для того и Богу себя посвятила, чтоб вести жизнь одобрительную. В чем ей и успеть удобно. Ибо так как случаи, открывающие обыкновенно вход грехам, от нее удалены; то ничто уж не мешает пребывать ей невредимою в своем добром поведении».

Прибавим: нет нужды настаивать, что место сие непременно должно понимать так и так. Но, держа одну такую мысль, не гони и другой.

1Тим. 5:8. Аще же кто о своих, паче же о присных не промышляет, веры отверглся есть и неверного горший есть.

Если предыдущие слова относить и к детям с внуками, видя в них такую заповедь: внушай, требуй, обяжи их упокоивать матерей и бабок, да будут свободны от укора; то настоящий стих, прямо отвечая такой мысли, будет представлять побуждение к действию по предлагаемому внушению, показывая, как неуместен несообразный с тем образ действия. Пекитесь о своих; ибо, кто не печется о них, тот веры отвергся и стал хуже неверного.

Если же в предыдущем стихе видеть другую какую из предложенных мыслей; то, для связи настоящего стиха с предыдущими, надо вставить такую дополнительную речь: что же касается до того, что я налагал на детей и внуков долг пещись о сущих в их доме вдовах – матерях их или бабках, то это так неотложно, что если кто не будет так поступать, то он веры отвергся и стал хуже неверного.

Под «своими» и «присными» разумеются родственники вообще, из которых «присные», οἰκεῖοι, – суть те, кои живут в одном доме, а свои, ἰδῖοι, – все другие родные особо живущие. Так Апостол требует, чтоб родные пеклись взаимно друг о друге и помогали нуждающимся из своих. Кто не исполняет сего, тот, говорит, самым сим действием «веры отверглся». «Дела его

такие не суть дела верующего» (блаженный Феофилакт), или такие дела обличают в нем неверующего, показывают, что он чужд веры; устами исповедует Бога, а делами отмечается Его (Тит. 1:16). Вера требует быть милостивым не к своим только кровным, но и ко всем нуждающимся. «Каким же образом может быть милостив к посторонним тот, кто презирает людей одного с собою рода, свойственников своих?» (святой Златоуст). Правда, бывает, что иной, минуя своих, благодворит чужим; но это всегда делается напоказ. «Разве не называют все тщеславием, когда кто, благодетельствуя чужим, презирает и не щадит своих, несмотря на то, что благодворить последним было бы для него и удобнее, и справедливее?» (святой Златоуст). – Так немилостивый к своим очевидно не имеет верующего сердца и есть то же, что невер. Но Апостол идет далее и утверждает, что такой даже хуже невера: «неверного горший есть». Неверный, если б так поступил, нарушил бы только закон естественный, а этот, поступая так, и естественный, и писанный закон нарушает (святой Златоуст). А сравни его с тем из неверующих, который печется о родных по одному закону естества; насколько он окажется хуже его? – «Бог для того и учредил родственные связи, чтобы имели больше мы случаев благодворить друг другу. Поэтому если ты не делаешь того, что делает неверный, то ужели ты не отказался от веры и не стал хуже неверного? Если же не пекущийся о присных отказался от веры и стал хуже неверного; то куда должен быть отнесен и где займет место тот, кто обижает присных своих? Не все равно – презирать ближнего и дальнего. Гораздо зазорнее презирать знакомого, нежели незнакомого, – друга, нежели недруга» (святой Златоуст). И тем паче кровного родственника.

бб) Как частнее поступать с вдовицами (1Тим. 5:9–15)

Со стиха 9 до 15-го идет речь об особых неких вдовах; но с стиха 11 видно, о каких вдовах идет речь, именно о юных; о каких же говорится в стихах 9 и 10-м, не ясно видно. Что это вдовы, не вообще призреваемые Церковью, видно из ограничений: не меньше шестидесяти лет, одного мужа жена, много потрудившаяся в служении другим. Ибо, по вышесказанному, церковного призрения заслуживает всякая

беспомощная вдова; а такую может быть и не столь старая, и не одного мужа жена, и не могшая послужить другим сказанным образом. Так это особые некие вдовы. Какие же? Не диакониссы ли? Похоже на это, как можно судить по тем добрым качествам и делам, какие от них требуются: одного мужа жена, чад воспитала, «странныя прият». Ибо такие доброты требуются, по Апостолу, от лиц избираемых в клир (глава 3), к которому причислялись и диакониссы. Но служение диаконисе требовало сил: ибо, кроме прислуживания при крещении жен и смотрения за порядком среди них в Церкви, на них лежало ходить по бедным и посещать больных; а в шестьдесят лет какая сила у женщин? Если же не они, то кто же такие? Приходит на мысль предположить, что это вдовы, долго пожившие и много потрудившиеся для других, – и выбившиеся уже из сил, которым потому нужны и кров, и содержание, и уход. Можно дополнить сие предположение так, – что, тогда как всем вообще вдовицам давалось пособие в дополнение к тому, что они добывать могли своими трудами, эти вполне были обеспечиваемы пищею, одеждою, кровом и уходом. В числе их и могли, и должны были быть и диакониссы. – Наши толковники все не видят здесь диаконисс и слова Апостола разумеют, как продолжение речи о вдовицах вообще. Святой Златоуст говорит: «прежде Апостол указал, чего не должна иметь вдовица, а теперь показывает, что она должна иметь».

α) Престарелыми (1Тим. 5:9, 10)

1Тим. 5:9, 10. Вдовица же да причитается не менши лет шестидесятих, бывши единому мужу жена, в делах добрых свидетельствуема, аще чада воспитала есть, аще святых нозе умы, аще странныя прият, аще скорбным утешение быст, аще всякому делу благу последовала есть.

«Да причитается», καταλεγεσθω, – да вносится в каталог вдовиц, или «да вчиняется во вдовье учреждение, εις το χηρικον» (Экумений). «Справедливо быть внесену в церковные памятники той, которая явила себя достойною того прежнею жизнью. Достойно приемлется в лоно Церкви (на попечение ее) та, которая прежде посвящала ей труды свои» (Амвросиаст).

«Не менши лет шестидесятих». «Указывая, что должна иметь вдовица, достойная каталога вдов, на первом месте ставит Апостол определенно ее лета, -именно шестьдесят. Впрочем, как видно из следующих слов, он не просто за один возраст одобряет шестидесятилетнюю; ибо и такая может оказаться недостойною» (блаженный Феофилакт). «Что же, разве будешь судить о ней по летам? А какая в этом заслуга? Ибо не от нее зависело прожить шестьдесят лет. Не по одному возрасту только (должно судить), говорит он, так что если б она и переступила за этот возраст, но не имела заслуг, то и тогда не должна быть причисляема (к вдовам)» (святой Златоуст). И молодая вдова может оказаться достойною внимания; но как она еще в силах, то сама себя пусть содержит. «Которые в цветущем возрасте и в силах работать и снискивать пропитание, тем надлежит трудами смирять порывы молодости» (блаженный Феодорит).

«Бывши единому мужу жена». Это указывается, как свидетельство, что она не любила житейских сластей и пространных питаний, но была строгой и воздержной жизни. «Единобрачия требует от нее Апостол, как знака ее степенной честности и любви к целомудрию» (блаженный Феофилакт).

«В делех добрых свидетельствуема». О которой все говорят только одно хорошее, свидетельствуя, что только и видали ее, что в делании добрых дел. Это общая черта. Затем «перечисляет Апостол в частности, какие именно дела делают вдову достойною обеспечения» (блаженный Феофилакт).

«Аще чада воспитала есть», *ετεκνотροφησεν*, – исполнила как должно эту первую, лежащую на жене-матери, службу. Детопитание похвальное не есть только откормление детей, но главным образом благочестивое их воспитание (блаженный Феодорит). «Поистине, не маловажное дело – воспитать детей. Но воспитание детей не в том состоит, что просто только откормить (возрастить) детей, а воспитать как должно, подобно тому, как выше сказал Апостол, что жена «спасется чадородия ради, аще пребудут (чада ее) в вере и любви и во святыни» (конечно быв утверждены в сем воспитанием) (1Тим. 2:15)» (святой Златоуст). «За это и Авраама Бог одобрил, говоря, что

он заповедал «сыном своим, и дому своему по себе сохранять все суды Господа Бога» (Быт. 18:19)» (блаженный Феодорит).

«Аще святых нозе умы, аще странный прият». Прежде указал на семейные добродетели, ближайšie и подручные, а потом – на добродетели к сторонним, не чуждым, однако ж, по вере. Ибо «святые» – христиане. «Видишь, что он везде ставит выше благодеяние, оказываемое близким, нежели то, которое оказывается чужим людям. Ибо прежде говорит: «аще чада воспитала есть», – а потом: «аще святых нозе умы» и прочее» (святой Златоуст). Омовение ног есть первое действие странноприимства. Надо прежде принять странника, потом омыть ему ноги. Феодорит, Амвросиаст, Экумений и Феофилакт так и читают: прежде «странный прият», а потом – «нозе умы». Но святой Златоуст читает прежде – омовение ног, а потом – странноприятие. Ибо если под странноприятием разумеать не впускание только странных в дом, а самое их упокоение, то оно следовало за омовением ног. То и другое, впрочем, составляет одну добродетель – странноприимство, – заботливое попечение об упокоении странных. «Так поступали в древности. Так Лидда приняла самого Апостола и бывших с ним. Так о Фиве сказал он: «заступница многим быст, и самому мне» (Рим. 16:2)» (блаженный Феодорит).

Святой Златоуст пространное делает от сих слов применение: «видишь ли, что Апостол называет странноприимством не просто одно благорасположение, но соединенное со тщанием, с добрым произволением, с усердием, которое так принимается за дело, как бы готовясь принимать Самого Христа? Ибо он хочет, чтобы служения святым они не поручали служанкам, но сами чрез себя исполняли сие. «Аще убо Аз, – говорит Господь, – умых ваши нозе... Учитель, (кольми паче) вы должны есте друг другу умывати нозе» (Ин. 13:14). Потому что если б которая из них была даже до бесконечности богата, если б она достигла величайшей известности и превозносилась знатностию ради своих предков; то и тогда не будет такого расстояния, какое было между Богом и учениками. Если странника принимаешь ты как Христа, то нечего тебе стыдиться, лучше хвались этим

делом; а когда принимаешь его не как Христа, то лучше вовсе не принимай. «Иже вас приемлет, Мене приемлет» (Мф. 10:40), – сказал Господь. А как скоро не так принимаешь, не получишь воздаяния. Авраам, как ему казалось, принимал людей, мимоидущих путников; между тем не все нужное для принятия их поручил приуготовить домочадцам, но большую часть служения и сам лично совершил и жене приказал месить муку, несмотря на то, что имел триста осмнадцать домочадцев, между которыми, вероятно, были и служанки. Он желал вместе с женою получить награду не только за издержки, но и за служение. Так мы должны исполнять долг странноприимства, делая всё сами, дабы мы сами освятились, дабы и руки наши были благословенны. В этом состоит странноприимство, в этом поистине состоит исполнение сей обязанности ради Бога. – Хорошо сказал Апостол: «аще святых нозе умы». Он сказал сие с тою целью, чтобы всех побудить к подражанию. Вследствие сего и мы поспешим исполнять сие, дабы и мы похвалены были, что умывали ноги святых. – Ноги святых имеют великую силу. Вследствие сего и ниспосылают наказание, когда отряхивают с себя прах. Когда к нам придет святой человек, тогда мы не должны стыдиться сделать для него что-либо подобное сему (омовению ног, вышедшему из обычая). А святые – все те, которые имеют правую веру и живут благочестиво: они – святые, хотя бы не творили знамений и не изгоняли демонов».

«Аще скорбным утешение быст». Воспитание детей и странноприимство – домашние добродетели: дети всегда под руками, странники сами приходят. То и другое может быть исполнено без движения за двери дома и без особых личных начинаний. И тут труд, но мало напряженный. Почему Апостол, для совершенства вдовьей добродетели, движет вдову в дома плача и бедности, в которые входить делом благим наименовал еще Екклезиаст (Еккл. 7:2, 3), и хвалит ту, которая «скорбным утешение быст», ετηρεκεσεν, – удружила скорбных, удовлетворив той нужде, которая причиняла скорбь, – «деньгами или заступлением и посредничеством» (блаженный Феофилакт).

«Аще всякому делу благому последовала есть». Это или то же самое, что в начале сказано: «в делех добрых

свидетельствуема», – только с особою чертою: скорости, неудержимой ретивости на всякое добро: как только открывался случай сделать добро, она тотчас бралась за него со всею энергиею и не отступала, пока не доводила начатого до конца. «Апостол посему поименовал сим все виды добродетели» (блаженный Феодорит). Или «последовала» – значит: подражала. Прежде указанное делала по собственному начинанию; но, не довольствуясь этим, она делала и всякое добро, какое делающими видела других добрых христиан. Или – этим означаетсЯ вспомоществование другим трудом. Когда кто, делая какое дело, не мог одолеть его один, она подходила с своими услугами и помогала одолеть его. «Какую заповедь дает здесь Апостол? – спрашивает святой Златоуст и отвечает: – Он заповедует давать вещественное пособие («телесное послужение» [блаженный Феофилакт]), – принимать участие в делах, послужить, – постлатъ, например, постель, успокоить, к чему наиболее способны женщины» (то же у блаженного Феофилакта).

«Видишь ли, – заключим словами святого Златоуста, – что для того, чтобы сделаться (настоящею) вдовицею, не довольно вступать во второй брак, но нужно и многое другое? Апостол требует от вдовицы такого совершенства, какого не требует даже от девственниц, несмотря на то, что и от сих последних требовал великого совершенства: ибо, сказав, что девственница должна быть благообразною и благоприступательною Господеву с безмолвием (1Кор. 7:35), он в общих чертах обозначил всякую добродетель. И еще более – он требует от вдовы почти такого же совершенства, как и от лица, облеченного епископским саном».

β) Юными (1Тим. 5:11–15)

К молодым вдовицам строго относится здесь святой Павел. Опыт показал, что иные из таковых не устаивали в обете вдовства; и, кроме того, расслабевши в решимости строго держаться данного обета, они позволяли себе и вообще поведение неодобрительное. Почему Апостол изъявляет желание, чтоб молодые вдовицы лучше вступали во второй

брак, чтоб не подать повода противнику – диаволу – наругаться над ними, сбив их с настоящего вдовьего пути.

1Тим. 5:11, 12. Юных же вдовиц отрицайся: егда бо разсвирепеют о Христе, посягати хотят, имущия грех, яко первыя веры отвергошася.

«Отрицайся» – юным вдовицам отказывай в приеме в хор вдовиц. «Запрещает Апостол молодых вдовиц принимать в этот чин; потому что возрасту, всегда готовому поскользнуться, не следует легко верить» (Амвросиаст). «Молодые вдовицы сами подали повод к такому постановлению тем, что не выдерживали вдовства» (блаженный Феофилакт).

«Разсвирепеют», *καταστρεψωσιν*, – подпадут неудержимым стремлениям плотской жизни, – утешной, сластолюбивой, удовольственной. «Что значит: *καταστρεψωσιν*? То есть – когда обесчувствуют, когда, охладевши к вдовству, вознерадят о нем, огрубеют к нему, – когда, побеждены быв желанием сластей, уже только притворно показывают себя чуждающимися брака, в самом же деле вожделевают его – и вследствие того с грубою надменностью или бесчувствием отвращают очи свои от Христа, яко жениха» (Экумений, блаженный Феофилакт). «И вдовицы своим вдовством (когда решаются вдовствовать) обручаются Христу» (святой Златоуст). «Почему вчиняются в тот же порядок жизни, как и девственницы. И к ним может быть относимо слово Апостола: «обручих бо вас единому мужу деу чисту представити Христови» (2Кор. 11:2). Теперь же, когда, несмотря на то, что посвятили себя Христу, «посягати хотят», хотят брака и замужества, – очевидно не хотят уже Его единого иметь женихом и, предпочитая Ему человека, горделиво действуют против Него» (Экумений, святой Златоуст, блаженный Феофилакт).

«Имущия грех, яко первыя веры отвергошася». «Верою называет обет; как бы так говорит: обманули Его, отвергли Его, нарушили обет» (святой Златоуст). Ибо «решившись для Христа жить во вдовстве целомудренно, вступают во второй брак» (блаженный Феодорит). «Приемля такое решение – вдовствовать для Христа, – они вступают в завет с Ним, что

обручаются Ему навсегда. Склоняясь теперь на брак с человеком, они нарушают сей завет и за то подлежат осуждению» (Экумений, блаженный Феофилакт). «Грех», κριμα, – дело преступное, суду и осуждению подлежащее. «Очевидно, что они избрали вдовство легкомысленно, не подумав хорошо» (святой Златоуст). Чтоб не было между верующими вдовицами таких неосмотрительных решений, Апостол и пишет правило – не полагаться на скорые слова обетов. Это написал Апостол для вразумления и самих вдовиц, «чтоб не дерзали на то, что выполнить трудно. Ибо неразумно давать обещание, твердости которого по юности возраста и сами они не должны доверять. Отступив от него, они праведно подлежат осуждению. Ибо достоин осуждения тот, кто отступает от того, что признал правым и что, как правое, начал делать. Сколько похвально, если кто точно исполнит то, что представляется высшим его сил; столько же достоин он порицания, если по неразумной самоуверенности возложит на себя то, чего понести не может» (Амвросиаст).

1Тим. 5:13. Купно же и праздны учатся обходить дома, не точию же праздны, но и блядивы и оплазивы, глаголющия, яже не подобает.

Вдовица истинная, искренно возлюбившая вдовство, определяет себя на уединенную, строгую жизнь и, внимая себе, пребывает в молитвах и трудах. Душевное довольство, почерпаемое из такой жизни, паче и паче утверждает ее в ней и служит ей подпорою и ограждением против искушений. Но вдовица, не обдумавшая всего этого и легкомысленно решившаяся на вдовство, скоро соскучивает в нем и охладевает к нему. Когда это произойдет, тогда дела вдовства уже не идут на ум. Сидеть в уединении, молиться и трудиться – скучно. Настоит нужда искать развлечений, и пошла по домам; а с этим уж необходимо вяжутся болтливость, любопытство и неподобные речи. Это вторая причина, почему отрицать должно юных вдовиц. Апостол говорит как бы: пусть иная и не будет иметь желания вступить во второй брак, после обета – не вступать в него; но если она не возьмется строго за дела вдовства – уединение, труд и молитву, – чего естественно

ожидать от юной, – то скоро делается праздношатайкою, болтливою и пытливою на соблазн всем, – и своим и чужим. И этого одного достаточно, чтоб относительно них действовать осторожнее. Святой Златоуст говорит: «не этой только вине (нарушению обета) подлежат они, но и другим грехам (праздности, шатанию по домам). Что пользы из того, когда они откажутся от попечения о мужах и не приложат старания о Боге? Тогда они без сомнения соделаются праздными, болтливymi, без нужды пытливыми; потому что тот, кто не заботится о своем, непременно будет заботиться о чужом, равно как пекущийся о своем и говорить не станет о чужом, и не будет иметь никакого о том попечения. Нет ничего до такой степени неприличного женщине, как всячески разузнавать чужие дела, – притом не только женщине, но и мужчине, ибо это есть величайший признак бесстыдства и наглости».

Поводом или исходным началом к такому уклонению молодых вдовиц от благообразного поведения может послужить, как полагает блаженный Феодорит, само церковное обеспечение. «Пользуясь церковным вспомоществованием и без заботы удовлетворяя телесным потребностям, живут в праздности; и праздность приводит с собою лукавые мысли». А от мыслей потом и самое поведение теряет свое благообразие: от праздности по домам ходят, – бывают «блядивы», – то есть болтливы, φλυαροί, – «и оплазивы», – то есть любопытны, πειρίεργοι. Это тем неодобрительнее, если при сем прикрываются своим званием вдовства. «Почитая вдовство, достаточные принимают их в свои дома, а они, узнав, что им приятно слушать, собирают по другим домам и к ним переносят; за это пользуются от них подачами – и навывают таким образом жить более сплетнями, чем трудами рук своих» (Амвросиаст).

1Тим. 5:14. Хощу убо юным вдовицам посягати, чада раждати, дом строити, ни едины же вины даяти противному хулы ради.

Не все, конечно, молодые вдовы неблагонадежны. Немало бывает между ними таких, которые и сами в себе чувствуют сильнейшее расположение к сохранению вдовства, и другие не считают их неспособными к тому. Потому Апостол не пишет

общего для всех законоположения – неотложного, но говорит: «хощу», – как бы совет предлагая, такой, однако ж, который для не чувствующих себя гожими к хранению честного вдовства есть закон. «Поелику сказанное пред сим о такого рода (неможных) вдовах непозволительно и противно (здравой вере нашей), то Апостол совет дает и заповедует им то, что позволительно (вместо обета вдовства вступить во второй брак)» (Амвросиаст). «Лучше было бы, конечно, если б они, однажды вступив в хор вдовиц, не отворачивались от Христа (яко жениха) и не нарушали сего первого обета своего. Но как некоторые поскользаются на это, то лучше пусть, не вступая в завет со Христом, не давая обета посвятить себя Ему, вступают они вновь в брак. В этом нет греха, а то (дав обет, нарушить) ни с чем не сообразно» (Экумений). «Так как они сами хотят, то и я хочу, чтобы юные вдовицы вступали в брак, рождали детей, занимались хозяйством, сидели дома; ибо делать это гораздо лучше, нежели что-либо другое (неподобное). Правда, следовало бы им иметь попечение о службе Божией (чтоб Богу угодить), следовало хранить веру (обет); но если этого нет, то лучше, чтобы было последнее, чем первое; ибо в таком случае и Бог не бывает отвергаем, и сами они не учатся сему (быть праздными и прочее). Потому что от такого вдовства не будет никакой пользы, а от сего брака (можно ожидать) много благ. Вследствие сего беспечный и ленивый их ум может обратиться (к добру). Впрочем, отчего, скажешь ты, Апостол не сказал, что так как вдовицы падали, то они должны употребить особое старание, чтобы не испытать сего, о чем я говорил, но заповедует вступать в брак? Оттого, что вступать в брак (второй) не запрещалось, потому что он поставлял в безопасное положение, почему и прибавляет: «ни единыя вины даяти противному хулы ради», – никакого повода. Следовательно, он отвергает сих вдовиц, желая не того, чтобы они были не молоды, но не желая того, чтобы они прелюбодействовали, не желая, чтобы они были праздны, без нужды пытливы, чтобы не говорили чего не следует, не желая, чтобы диавол находил в них повод (к осуждению), так что если б сего не было, то он и не отверг бы их. – «Хощу, – говорит, –

юным» – чего? пресыщаться? или предаваться неге? Ничего такого, но: «посягати, чада раждати, дом строити». Дабы ты не подумал, будто он дает им вольную проводить жизнь в удовольствиях, он прибавил: «ни единыя вины даяти противному хулы ради». Им надлежало быть выше житейских забот и попечений. Если же они были ниже их, то пусть по крайней мере на одной с ними стоят степени (то есть спасение свое содевают, живя как должно, среди житейских дел)» (святой Златоуст). «Лучше им дом строити, οἰκοδεσποτεῖν (быть господами в доме и держать строго добрые по дому порядки), – то есть иметь попечение о своем доме и нести труды и работы по нему, чем, ходя по чужим домам, болтать и проводить время в праздности. Но опять и дом устрояя, не сластям житейским предаваться должно, но так вести домашние дела, чтобы, при всем попечении о них, не вредить душе. Это показал Апостол словами: «ни единыя вины даяти противнику» («противнику», ἀντικείμενον, – супостату, врагу, диаволу). Можно, впрочем, и так разумеать сии слова, что в них Апостол показывает цель и побуждение, для чего делает такое молодым вдовам снисхождение. Для того, говорит, чтоб не дать диаволу повода насмеяться над ними, если они, став невестами Христовыми, потом, по свойственному молодости непостоянству, впадут в нечистые дела. Для того веду я их под иго брака, чтоб, не имея времени и покоя, они не имели возможности наделать кучу вышепоказанных недобрых дел» (блаженный Феофилакт). «Забота и болезнование о делах по дому не дадут им зевать и скучать от ничегонеделания. Окруженные таким образом, со всех сторон и непрерывно, нужными делами, они, хотя и не хотя, навывнут жить благоразумно» (Экумений).

1Тим. 5:15. Се бо некия развратишася вслед сатаны.

«Развратишася», ἐξέτραπσαν, – сошли, уклонились, сбились с прямого пути, который указывал им обет вдовства, и пошли вслед сатаны, то есть к тому недоброму поведению, которое изображено выше. «Закон постановляется на основании опыта» (блаженный Феодорит). «Апостол отвечает сим на вопрос: чего ради делаешь ты такое предостережение относительно юных вдовиц, – будто больше заботишься о них,

чем о девственницах? Того, говорит, ради, что они сами подали к тому повод своим уклонением вслед сатаны. Делаю относительно их такое постановление не потому, что желаю, чтоб в числе вдовиц (дающих обет вдовства) совсем не было юных, но потому, что боюсь, как бы (дав обет) не оставили они потом Христа» (Экумений).

вв) О семьях вдовиц (1Тим. 5:16)

1Тим. 5:16. Аще кто верен или верна имат вдовицы, да довлит их, и да не тяготится Церковь, да сущих истинных вдовиц удолит.

В заключение Апостол опять возвращается к тому, что положил в начале слова о вдовицах, именно – чтоб они были содержимы семьей, к которой принадлежат; на попечении же Церкви оставались одни вдовицы беспомощные. Разница, может быть, только та, что там разумеются вдова старшая, а содержатели ее – младшие – дети и внуки, а здесь, наоборот, содержатели – старшие – отец, мать, дядя, тетка или еще кто, а вдовы – младшие – овдовевшие дочери, или племянницы, или еще какие, к родству принадлежащие, в какой бы степени ни было.

«Аще кто верен, или верна». «К верным обращает законоположение, кои, веруя, готовы послушаться слова Апостольского» (Экумений). Веру напоминает, говоря как бы: верные не должны допускать, чтоб свои им бедствовали, и тем меньше обращались к неверным. «Кстати он прибавил: «аще кто верен», – ибо верные не должны были получать пропитание от неверных, чтоб не казалось, будто имеют в них нужду» (святой Златоуст).

«Да довлит их» – своих родных вдовиц. «Не сказал: да доставляет им роскошное содержание, но: да удовлетворяет их нужды» (святой Златоуст).

«Да не тяготится Церковь, да сущих истинных вдовиц удолит». Берите, говорит, вы, родные, своих родных вдовиц на свое содержание. Ибо, если бросите, Церковь должна будет взять их на свое попечение, и тогда ей тяжело будет содержать вдовиц истинных, то есть таких, у которых никакой нет родни. «Видишь ли, что опять истинными вдовицами,

долженствующими состоять на попечении Церкви, называет Апостол совершенно одиноких, не имеющих ниоткуда утешения (обеспечения). (А у которых есть родные, тех велит брать родным.) И это было лучше. Потому что отсюда проистекали два немалые блага: одни находили повод делать добро, другие были хорошо пропитываемы, и Церковь не обременялась» (святой Златоуст).

д) Как действовать относительно пресвитеров (1Тим. 5:17–25)

Апостол касается здесь: аа) содержания пресвитеров (1Тим. 5:17, 18); бб) поведения (1Тим. 5:19–21) и: вв) рукоположения (1Тим. 5:22–25).

аа) Содержание пресвитеров (1Тим. 5:17, 18)

1Тим. 5:17. Прилежащие же добре пресвитеры сугубыя чести да сподобляются: паче же труждающиеся в слове и учении.

«Прилежащие», *προεστώτες*, – предстоящие, – добре – добре настоятельствующие в Церкви, или в общине христианской. «Пресвитеры» – священники, которые выбираемы были из людей преимущественно пожилых, как более степенных, опытных и обычно пользующихся уважением, и чрез рукоположение получали благодать священства на продолжение дела Апостольского проповеданием Евангелия и вообще слова Божия и освящением верующих благодатию чрез святыя таинства. В силу сего они настоятельствовали в общинах христианских, руководя их, вразумляя и исправляя. Кто ревновал о сем не щадя сил и даже живота, тот добре предстоятельствовавал. «Кто суть «добре предстоящие»? – спрашивает святой Златоуст и отвечает: – Послушаем, что говорит Христос: «пастырь добрый душу свою полагает за овцы» (Ин. 10:11). Следовательно, доброе предстоятельство в том состоит, чтобы ради попечения о предстоятельствующих ничего не щадить». В другой раз Спаситель приточно представил доброго предстоятеля под видом верного и мудрого домостроителя, которого господин дома поставил над челядью

– «даяти в свое время житомерие» (Лк. 12:42), – то есть все нужное для содержания каждого. Добрый предстоятель по сей притче – тот, кто неленостно раздает верующим житомерие слова Божия и таинственного облагодатствования.

Такие предстоятели, говорит, «сугубыя чести да сподобляются». «Честию здесь называет Апостол попечение, доставление всего необходимого; подобно тому как выше, когда говорит: «вдовицы чти», – говорит о необходимой для них пище. – Что же значит: «сугубыя чести»? Сугубые по отношению к вдовицам, или по отношению к диаконам, или просто: «сугубыя чести», – то есть великой» (святой Златоуст). «Добрые и верные строители (экономы) дома Божия должны быть почитаемы достойными не только высокого почитания, но и совершенного обеспечения в содержании; чтоб они не были беспокоиваемы недостатком потребного, но в радости прилежали учению веры. Настоятельнее будет в труде сем тот, кого не смиряет нужда, и ревность его все более и более будет расти, когда видит, что труд его приносит плод и для настоящей жизни, не до избыточествования, но до отвращения скудости и недостатка» (Амвросиаст).

«Паче же труждающися в слове и учении». Три дела лежит на предстоятеле Церкви – учить, руководить и исправлять – и освящать таинствами. Первые два исправляются трудом в слове и учении. И это есть важнейший труд, – и потому, что он труднее, и потому, что приготавливает и к принятию благодати чрез таинства. Почему тот, кто подымлет его, достоин и большего почета и большего обеспечения. Святой Златоуст говорит: «Апостол хочет, чтобы таких почитали больше, нежели всех других, и приводит причину: они, говорит, подымлют великий труд. И справедливо. Ибо тогда как другой и не бодрствует, и не печется, но без заботы и печали пребывает, тот трудится, печется и поучается, особенно когда бывает неопытен во внешних науках. Почему же не пользоваться ему большею честию, нежели все прочие, когда он предается стольким трудам? Притом он служит предметом бесчисленных разговоров. Один укоряет его, другой хвалит, иной насмехается над ним, тот оскорбляет его память и намерения, – и он

нуждается в великом подкреплении, чтобы переносить это. – Очень важно и много содействует благоустроению Церкви и великую приносит пользу, когда предстоятели ее учительны. А когда этого нет, то в Церквях много от того бывает ущерба. Поэтому к прочим свойствам предстоятеля, – к страннолюбия, кротости и непорочности, – Апостол и сие причисляет, говоря: «учительну». Где теперь говорящие, будто не нужно слова и учения? Пусть, говорят, жизнию своею научают любомудрию. – Конечно, и это совершенно необходимо. Но не слышишь, что говорит святой Павел: «паче же труждающиеся в слове и учении»? Не очевидно разве, что он дает предпочтение учительным предстоятелям? К тому же, когда речь идет о догматах, тогда какую силу имеет жизнь? Тут нужно учительное слово. – Впрочем, о каком слове говорит он? Не о хвастливом (не о щегольском), не о таком, которое отличается внешнею утонченностию, но о таком, которое проникнуто силою духа, исполнено разума и мудрости. Поэтому ему нужно не искусство и изящные выражения, а мысли, – не ученое изложение, а, как обыкновенно говорят, душа».

1Тим. 5:18. Глаголет бо Писание: вола молотяща не обратиши: и: достоин делатель мзды своя (Втор. 25:4; Мф. 10:10).

«Здесь приводит Апостол и постановление закона, и заповедь Христову, – и то и другое согласны между собою; ибо закон говорит: «вола молотяща не обратиши». Видишь ли, каких трудов требует он от учителя? (Подобных труду вола молотящего.) Потому что нет, воистину нет другого труда, равного его труду. – Но это есть постановление закона. Какую же приводит он заповедь Христову? «Достойн, – говорит, – делатель мзды своя». Следовательно, тот, кто предается неге и покою, недостоин ее. Кто не есть вол молотящий, кто не несет терпеливо ярма, не обращая внимания на жар и терние, и не прежде оставляет его, как по собрании плодов в житницу, тот недостоин ее. – Поэтому надобно, чтобы учителям все необходимое было доставляемо в довольстве, дабы они не трудились для сего сами и, занимаясь маловажным, не пропускали важнейшего, дабы упражнялись в духовных

подвигах и не имели никакого попечения о житейских делах. Таковы были левиты: они не заботились о житейском, потому что попечение о них имели миряне и законом определены были их доходы, как-то: десятины, начатки и многое другое. Но им по всей справедливости назначалось сие по закону, так как они искали настоящего; а я говорю, что предстоятели, имея вечные надежды, не должны иметь ничего больше, кроме пищи и одежды, чтоб они не развлекались этим» (святой Златоуст).

бб) Поведение (1Тим. 5:19–21)

1Тим. 5:19. На пресвитера хулы не приемли, разве при двою или триех свидетелех.

«Хулы», κατηγόριαν, – осуждения, обвинение, которое может быть и истинным, следовательно, не хулою, которая означает ложное поношение лица. Наши перевели сие слово хулою, внушая сразу заподозреть во лжи худую речь о пресвитере, потому что, с одной стороны, почтенному сим саном и при таком возрасте неудобно и необычно поскользаться на дела, достойные осуждения, а с другой, – лица того чина, имея долг исправлять, легко подвергаются нерасположению исправляемых, понуждающему их и за ними самими подсматривать, самих подозревать и, нередко свои подозрения облекая в достоверность, ложно выставлять действительными делами. Посему «Апостол не сказал: не осуждай, но: и не принимай обвинения, и вовсе не призывай его на суд» ^святой Златоуст). «Поелику чину сему принадлежит высокая честь, ибо лица сии суть викарии Христовы; то не легко, не сразу должно принимать обвинение их. Невероятным должно представляться, чтобы тот, кто есть предстоятель Божий, вел себя преступно, как, напротив, от комедианта с вероятностию можно ожидать всяких гнусностей» (Амвросиаст).

Но, как человеки, и они могут погрешать и, погрешая, подлежат суду и осуждению. Почему, когда случится так, что предстанут два или три свидетеля, в подтверждение и обвинение, тогда принимай это обвинение. Принимай не значит: тотчас и суд произноси, но: принимай во внимание, подвергай исследованию и по исследовании уже произноси суд и взыскивай (святой Златоуст).

Закон повелевал, чтоб не один был свидетель «во свидетельство на человека по всякому преступлению», но два или три (Втор. 19:15). «Закон повелевает это относительно всех (обвиняемых). Но наипаче надлежит так поступать в рассуждении пресвитера. Ибо случается, что он, так как вверено ему предстояние в Церкви, оскорбит кого-либо из согрешающих, и те, будучи за сие расположены к нему неприязненно, сплетают клевету. Почему против него должно быть тем паче представлено это число свидетелей» (блаженный Феодорит). «Но что, если и двое солгут? Это редко случается; притом может быть исследовано на суде, и таким образом сие может обнаружиться. Слова Апостола и указывают на строгое исследование» (святой Златоуст).

1Тим.5:20. Согрешающих же пред всеми обличай, да и прочии страх имут.

Речь идет все о пресвитерах. Если по исследовании окажется кто из них действительно согрешившим, обличай его пред всеми, чтоб и прочие страх имели и с большею осторожностью удерживались от грехов. Ибо если пресвитеру не дается пощады, то что достанется другим? Амвросиаст пишет: «хотя не легко верить должно взводимой на пресвитера вине; но если доказано будет или явно будет, что он поступил нехорошо, то, в таком случае, Апостол повелевает обличать его публично, чтоб и прочие страх имели, – что очень полезно не только для освященного клира, но и для народа. Ибо, когда увидят, что и сановитый муж обличается за грех, поневоле и сами себя будут держать осторожно». То же читаем и у блаженного Феодорита: «не осуждай, говорит, прежде обличений, явно же обличенных в каких-либо беззакониях не удостоивай пощады; но, по уличении, произноси на них приговор в присутствии всех, чтоб из страха наказания избегали греха». Святой Златоуст рассуждает при сем о всех вообще погрешающих, так, однако ж, что речь его может быть применяема и частнее к суду над пресвитерами. «Не тотчас отсекай (то есть произноси суд и делай расправу), но все исследуй с великою точностию. Когда же ясно узнаешь, строго взыскивай, чтоб и другие вразумлялись. Ибо как необдуманно

осуждать бывает вредно, так и не наказывать явно согрешивших – значит: давать дорогу другим к тому, чтоб и они сие творили и на сие покушались. «Обличай», говорит, показывая, что (нужно действовать) не кое-как, но с строгостию, потому что таким образом и другие будут бояться. – Но не больше ли будет соблазна, когда пред всеми станешь обличать? Каким же это образом? Когда узнают грех и не будут видеть наказания, тогда действительно станут соблазняться. Ибо от того, что согрешившие остаются ненаказанными, многие естественно и сами поползают на грех; как, наоборот, от того, что они бывают наказываемы, многие исправляются. Так действовал и Бог. Он вывел фараона на среду (напоказ всем) и наказал; видим также, что (явно пред всеми) получили наказание и Навуходоносор, и многие другие люди и города. – Следовательно, Апостол хочет, чтоб все имели страх пред епископом, и поставляет его над всеми».

1Тим. 5:21. Засвидетельствую пред Богом, и Господем Иисус Христом, и избранными [Его] Ангелы, да сия сохраниши без лицемерия, ничесоже творя по уклонению.

«Засвидетельствую» – призываю во свидетели. Делается это и в показание важности предлагаемого закона, и в укрепление решимости неотложно исполнять его. Так Моисей говорит Израилю: «засвидетельствую вам... небесем и землею» (Втор. 4:26); так Михей взывал: «Слышите... дебри основания земли» (Мих. 6:2). Похоже это на то, как бы говорилось: «заклинаю тебя Богом живым».

Но к какому предмету относится такая строгость наказа, – к предыдущему, то есть суду, или к последующему, то есть к не скорому, а осмотрительному возложению рук? Важно, конечно, дело суда, но возложение рук важнее. Почему скорее можно принять последнее, чем первое. Из наших толковников к возложению рук относит сие заклинание только Амвросиаст, все же прочие относят его к суду. Святой Златоуст говорит: «сказав (просто, без заклинания) о епископах, о диаконах, мужах, женах, о вдовицах, пресвитерах и о всех прочих и показав, над кем простирается власть епископа, когда стал говорить о суде, присовокупил: «засвидетельствую пред Богом». Страшное

изрекает он внушение. Не посовестился сказать сие даже из уважения к тому, что Тимофей был его возлюбленное чадо (боясь будто небрежности даже с его стороны). Но тому, кто не постыдился о себе самом сказать: «боюсь, да не како, иным проповедуя, сам неключим буду» (1Кор. 9:27), – можно было не постыдиться и не посовеститься сказать сие и Тимофею. Он как будто так сказал: призываю во свидетели Бога и Сына Его и слуг Его, что я заповедал тебе; вот пред Ними заповедую тебе. Он устрашает Тимофея».

Прибавление слов: «и избранными [Его] Ангелы» – наводит на мысль, что святой Павел, произнося такое заклинание, ставит себя со святым Тимофеем на страшном суде Божиим, на коем, как представляет слово Божие, и грядущий Судия, и престол Его окружены будут всеми Ангелами, – и говорит как бы ему: на страшном суде Божиим стою, или буду некогда стоять, с тобою; блюди, да не презриши данной тебе заповеди! «Призывает он Отца и Сына (и Ангелов) во свидетели сказанного им для того, дабы в грядущий день, если бы что совершилось вопреки долга, остаться правым пред ними, то есть как бы снимая с себя всякую ответственность» (святой Златоуст). «Избранными же Ангелов назвал в отличие от демонов, которые тоже суть ангелы, но отверженные» (блаженный Феофилакт, Экумений).

«Да сия сохраниши». «Сия», – как замечено, восточные наши толковники относят к суду. Слово святого Златоуста приведено; вот и слово блаженного Феодорита: «два дает повеления: не осуждать, положившись на достоверность свидетелей, прежде личного исследования; и, после явных обличений, не отлагать (и не укрывать) приговора, из милости к судимому, нарушая справедливость. (И чтоб это строго соблюдаемо было, приводит во свидетели Бога Отца и Господа Иисуса Христа со святыми Ангелами.) Наряду с Богом и со Христом Апостол поставил Ангелов не как равночестных, но как рабов. Свидетельствую, говорит, тебе при Боге и Сыне Его и при служителях Его».

Но Амвросиаст относит к возложению рук. «Клятву налагает пред Богом Отцом и Христом, Сыном Его, и избранными Его

Ангелами, коих Господь в Евангелии называет святыми (Мк. 8:38). Эти (святые) названы избранными потому, что есть другие, отверженные, которые не Божии суть ангелы, а диаволы, как согласующиеся с ним в отступничестве. Под клятвою же повелевает Апостол соблюдать то, что касается рукоположения на служение в Церкви, – заповедует, чтобы при сем не было поступаемо без предварительного строгого рассуждения и чтоб никто не получал церковного чина с легкотою, прежде чем дознано будет, какова жизнь его и каковы нравы, но всяк тогда уже поставляем был во священники или служители Церкви, когда окажется достойным того, чтоб, если после окажется укоризненным, князю народа (епископу) не пришлось сожалеть, что не вполне (не до ясности) расследовал, чего он стоит, и рукоположил неодобрительного».

«Без лицемерия», *χωρίς προκρίματος*, – без предубеждения, без предвзятого мнения о подсудимом или намечаемом к рукоположению, в пользу его или против него, – мнения, которое устанавливается без разбора по одной видимости или молве. Пусть все определяет строгое расследование, до полной ясности доведенное, – там (если к суду относить) относительно дела судимого, здесь (если относить к рукоположению) относительно жизни и нравов избираемого.

«Ничесоже творя по уклонению». – «По уклонению», *κατὰ προκλίσιν*, – по склонению на чью-либо сторону, не по сущности дела, а по чувству, отынуды навеянному, по пристрастию. Итак, Апостол строго запрещает епископу действовать по предубеждению или пристрастию, суд ли творит или избирает кого к рукоположению. Блаженный Феофилакт пишет: «будь ровен, *ἰσος*, (ни на ту, ни на другую сторону не клонящимся), – к тем, о коих идет рассуд или разбор, чтоб не случилось *προκρίμα* (решение прежде или без рассуждения), – то есть чтоб никто не предзанимал тебя и, наперед привлекая тебя к себе, не расположил тебя по этому одному (прежде рассуждения и рассмотрения) произнести суд и постановить решение. Ничего не делай по уклонению, *κατὰ προκλίσιν* (от: *κλίνω*), – то есть по пристрастию, преклоняясь на одну сторону. Хотя бы писалось чрез: *η* (*προκλήσιν*), – мысль останется одна и та же. Как бы так

говорилося: приглашает тебя одна сторона ей помочь; так ты не делай по сему приглашению (а по рассуждению и правде)». Экумений пишет: «святый Василий в толковании притчей читает: μη ката προσκλησιν – то есть не склоняясь к тому, что не право, но правый произнося суд. Именно он так говорит: ничтоже творя по уклонению, но правые и непревратные произнося суды».

вв) Рукоположение (1Тим. 5:22–25)

1Тим. 5:22. Руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже приобщайся чужим грехом: себе чиста соблюдай.

«Дошел и до главнейшего, чем преимущественно держится Церковь, то есть до хиротонии» (блаженный Феофилакт). И относительно нее дает правила: «ибо пишет епископу» (Экумений): «руки скоро не возлагай». «Что значит: «скоро»? Не по первом, не по втором, не по третьем испытании, но неоднократно рассмотрев и тщательно исследовав; так как это дело не безопасное» (святый Златоуст). «Надлежит исследовать прежде жизнь рукополагаемого, а потом призвать на него благодать Духа» (блаженный Феодорит).

«Ниже приобщайся чужим грехом», – то есть грехам рукополагаемого, «возводя недостойного на степень тайносовершителя для народа» (Экумений). Если скоро, без должного исследования, Рукоположишь кого, то может случиться, что он кажется неисправным. Грехи, которые он потом наделает, и вред, который он тем причинит Церкви, тебе вменяются. И будешь ты причастен чужим грехам. «Доставив ему власть, подвергнешься наказанию за соделанные им, – как прежние, так и будущие, грехи. Ибо, неблагоприятно отпустив ему прежние грехи, ты сделаешься виновным и в тех, которые он совершит в последствии времени, – именно: будешь причиною сих последних, – потому что вверил ему начальство, – а прежних, – потому что не дал ему оплакать их и прийти в состояние сокрушения. Ты становишься соучастником как благих его дел, так и грехов» (святый Златоуст). «Не должно рукополагать и того, за которым подозреваются грехи (чьа непорочность сомнительна), чтоб не запятнаться грехами его рукоположитель. Если совершенно скрыты грехи его (никакого их следа не видно), то рукоположитель безопасен: совесть его

свободна. Но подозрение должно наводить страх. И тогда он грешит, если, не испытав как должно, рукоположит. Рукополагаемый должен быть лучше прочих. Не довольно для него быть без порока; явны должны быть его добрые дела, чтоб почесть его достойным рукоположения» (Амвросиаст).

«Себе чиста соблюдай». По ходу речи прямее будет понимать: «чиста» – от вменения грехов рукополагаемого. Так блаженный Феодорит: «не делай себя подлежащим осуждению», – рукоположив, конечно, неосмотрительно такого, который не был того достоин и которого грехи запятнают тебя самого. Так Амвросиаст: «соблюдая сие (то есть строгим дознанием удостоверяясь в достоинстве рукополагаемого), епископ сохранит себя чистым, по отношению к вере и Церкви, – и в будущем веке получит за то воздаяние».

Но другие наши толковники понимают здесь заповедь святому Тимофею – блюсти свою собственную нравственную чистоту. Святой Златоуст говорит: «здесь Апостол говорит о воздержании». Экумений и Феофилакт пишут: «о целомудрии дает урок; целомудрие блюсти увещавает». – Связь с предыдущим будет такая: но, распознавая, достойны ли рукоположения другие, смотри, своего достоинства не потеряй. Или так: чтоб тебе смелее было пытаться, хорош ли тот, не дурен ли другой, сам будь чист. Или еще так: если сам будешь хранить себя чистым, то будешь иметь очи для узрения, чист ли и достоин ли другой. – Святой Златоуст присовокупляет к сему такое наведение: «если же мужу, который до такой степени соблюдал посты и столько времени употреблял воду, что стал от того подвергаться болезням и частым недугам, Апостол заповедует воздержание, и тот не огорчается его внушениями; то тем более мы не должны огорчаться, когда слушаем чьи-нибудь наставления о сем. Если принять такую мысль, то в ней можем видеть причину или повод и к следующему за сим напоминанию.

1Тим. 5:23. Ктому не пей воды, но мало вина приемли, стомаха ради твоего и частых твоих недугов.

Слова: «себе чиста соблюдай» – могли понудить святого Тимофея к большему воздержанию и к большей строгости в

отношении к телу, как самому прямому средству к соблюдению чистоты. Но святой Тимофей и так постоянно вел крайне воздержную жизнь, несмотря на то, что не пользовался крепким здоровьем и часто недуговал, может быть, особенно недугами стомаха (желудка). Припомнил сие Апостол и, умеряя данный урок, говорит как бы: слыша сие: «себе чиста соблюдай», – ты не бросься на большой подвиг воздержания. Не делай этого. Тебе, по состоянию твоего здоровья, напротив, нужно некое послабление, и ты, с этих пор, не одну пей воду, но употребляй немного и вина. Разумеется виноградное, легкое и притом употребляемое большею частию с водою.

«Не пей воды», $\mu\eta\kappa\epsilon\tau\iota\ \upsilon\delta\rho\omicron\tau\omicron\tau\epsilon\iota$, – не значит: совсем не пей воды, а: не одну пей воду, не одною водою напояйся, или утоляй свою жажду, как тебе обычно. – «Мало вина приеми», $\omicron\iota\nu\omega\ \omicron\lambda\iota\upsilon\omega\ \chi\rho\omega$, – употребляй немного вина. «Этим не дано ему позволение неумеренно напиваться вином, но разрешено пить его, сколько нужно для здоровья, а не для удовольствия» (святой Златоуст). «Не просто сказал: употребляй вино, но ограничил сие употребление, прибавив: немного. Ибо юность горяча и от вина скоро приходит в движение» (блаженный Феофилакт). «Стомаха ради» – указывает на болезни желудка. «Но кажется, святой Тимофей подвергался недугам не желудка только, но и других частей, как на это намекают слова: «и частых твоих недугов» (святой Златоуст, блаженный Феофилакт).

Амвросиаст рассуждает при сем: «здесь святой Апостол дает святому Тимофею частный (его лично касающийся) совет, чтоб он благоразумно управлял собою. Бог хочет, чтоб Ему служили посильно, а не так, чтоб расслабляли себя чрезмерностию и потом имели нужду искать помощи врачей. Надобно так вести дело воздержания, чтоб, если можно и потребуется, постепенно его усиливать, а не так, чтоб приходилось потом умалять его, по причине в начале допущенной чрезмерности. Чрезмерность (телесного воздержания) самую душу делает немощною, и она, обеспокоенная изнеможением тела, не столько уже бывает усердна к Божественным службам. Душа же, покойная с этой

стороны, всем сердцем своим восторгается к Богу, с неразделяемым вниманием умоляя Его даровать ей потребное ко спасению».

Святой Златоуст такой задает при сем вопрос: «почему святой Павел не исцелил желудка у святого Тимофея?» И отвечает: «не потому, что не мог, а потому, что хотел отсюда извлечь какое-либо важное наставление; ибо тот, чья одежда воскрешала мертвых, без сомнения, мог сделать и это. – Зачем же именно не сделал? Затем, чтобы мы, когда и теперь видим подверженными недугам людей великих и добродетельных, не соблазнялись этим. Таким образом и это сделано с пользою. К тому же если ему самому дан был ангел сатанин, чтоб он не возгордился, то тем более (подобное предотвращение возгордания нужно было) Тимофею, потому что знамения легко могли привести его к гордости. Потому Апостол позволил ему пользоваться правилами врачебной науки, дабы и он сам меньше думал о себе, и другие не соблазнялись – и уразумели, что и те святые мужи, совершая то, что совершали (дела дивные), не переставали быть одинаковой с нами природы». «Чтоб мы не думали, будто древние выше нашего естества, но верили, что и они люди (подобные нам)» (блаженный Феофилакт).

1Тим. 5:24. Неких [же] человек греси предъявлени суть, предваряюще на суд: неким же и последствуют.

После маленького по-видимому отступления, Апостол опять возвращается к правилам об избрании к рукоположению, «снова продолжает слово о рукоположении» (блаженный Феофилакт). – Когда сказал он: не рукополагай скоро, а исследуй прежде, достоин ли кто, чтоб не сделаться соучастником в его грехах; то у святого Тимофея естественно мог родиться вопрос: да как же быть, – ведь не узнаешь?! Апостол предотвращает такое недоумение, говоря как бы так: как не узнаешь! Никакого труда нет узнать. Иных людей грехи идут впереди них, весть о делах их предшествует им, и, прежде чем увидишь ты кого из таких в лицо, тебе ведомо может быть, что он, например, нечист сердцем и телом, нечист на руку, нечист языком и подобное. И это наперед уже будет руководить тебя к произнесению

суждения о нем, достоин или нет. Останется тебе только проверить, так ли и на деле есть, как слышится. И суд сам собою определится. Некоторых же людей грехи не явны. Они умеют их прикрывать и в лицо всем кажутся добрыми и честными. Но дела их все же стоят за ними и влекутся вслед их как хвост кометы. Они не исчезли, а есть в последях своих. Присмотрись, и увидишь. К этому тебя и обязывает и право тебе дает мое постановление: «руки скоро не возлагай»: разбери, рассмотри, расследуй. Станешь разбирать, мудроно будет укрыться делам недобрым. Если же укроются как-нибудь, тогда ты не будешь виновен; потому что сделаешь с своей стороны все возможное. «Предъявлени», προδηλοι, – наперед явны, прежде чем станешь разбирать. «Предваряюще», προαγουσαι, – наперед тебя ведя, руководя, располагая, побуждая. «На суд», εις κρισιν, – к произнесению суда. Как будто хотел сказать: тут и разбирать нечего. Других же дела «последствуют» за ними, επακολουθουσιν, – идут позади их по стопам их, шаг за шагом. Видимостию своею, кажушимся доброповедением они закрывают их от взора других; но они всё же там, назади. Присмотрится кто и увидит.

Так разумеют все наши толковники. Они, между прочим, из слов: «неким же и последствуют» – делают такое наведение: в сей жизни иные ухитряются так искусно прикрывать дела свои недобрые, что до самой смерти остаются на добром счету; но по смерти грешность их там, в другой жизни, обнаруживается и подвергает их осуждению. Смерть не уничтожает их дел, или не делает того, чтоб люди сии – перешли на тот свет, а дела их здесь остались. Нет, вслед за ними пойдут и дела их и там вызовут праведный об них суд. А дела других здесь еще решают их участь, явно показывая, что их там ожидает. Экумений, а за ним блаженный Феофилакт приводят мнение святого Василия Великого, который в этих словах Апостола видит и такую мысль: дела некоторых грешников, делающие их достойными осуждения, не прекращаются с их смертью, а продолжают твориться и без них, со вменением, однако же, им. Это именно такие дела, худые последствия которых не прекращаются со смертью наделавших их, а продолжают или

совращать в неверие и зловерие, или увлекать к худой жизни. Таковы ереси и еретические писания – и соблазнительные увеселения и обычаи.

1Тим. 5:25. Такожде и добрая дела предъявлена суть: и сущая инако, утаиться не могут.

Что сказано о грехах, то же приложимо и к делам добрым. И они у иных бывают предъявлены, – наперед известны, идут впереди человека, рекомендуя его. А у иных бывают «инако», то есть не бывают явны, неизвестными остаются, так что нельзя с первого разу сказать, каков тот-то, хорош или худ. Но, говорит, и такие дела утаиться не могут: расследуй, и найдешь. До очевидности представляет сие история избрания в епископы в городе Комане святого священномученика Александра из угольников. Избрание происходило под председательством святого Григория чудотворца Неокесарийского. Когда несколько лиц, предъявленных к избранию, не были одобрены, кто-то выкрикнул: уж не Александра ли угольника избрать?! Но стал святой Григорий разбирать и нашел, что он достойнее всех, и всеми был (августа 12-го).

е) Как и чему кого учить, судя по его внешнему положению в обществе (1Тим. 6:1– 19)

Доселе учил Апостол, как руководить разные лица преимущественно по положению их в Церкви. Теперь переходит к указанию образа действия на лица, судя по их положению в обществе. Как там, так и здесь не все обнимает святой Павел, а касается только: аа) рабов (1Тим. 6:1, 2) – и: бб) богатых (1Тим. 6:3–19), – потому, конечно, что это особенно требовалось.

аа) Чему учить рабов? (1Тим. 6:1, 2)

1Тим. 6:1. Елицы суть под игом раби, своих господий всякия чести да сподобляют, да имя Божие не хулится и учение.

«Сие говорит Апостол о рабах, у которых господа неверные» (блаженный Феодорит). «Учи их, говорит, и увещевай, чтоб они, хотя господа их суть неверные, слушались их, сподобляя их всякой чести и словами и делами» (блаженный

Феофилакт). Иные из рабов могли подумать, а может быть, и думали, что как они получили отпущение грехов, приняты в милость Божию, имеют свободу приступать к Господу, то по сим преимуществам им не следует уже более рабствовать неверным господам. Апостол в предотвращение этого заповедует святому Тимофею толковать каждому из них: «Не думай, что если ты верный, то и свободен» (святой Златоуст). «Ты свободен духовным естеством (свободен от грехов, свободно приступаешь к Господу), но раб телом. Но и это самое есть свобода, служить, говорю, о имени Христове» (блаженный Феофилакт). Расположись служить самоохотно, уверовав, что такова воля Господа о тебе, и будет работа твоя делом свободы, Богу приятным, а не игом. Это именно внушать и указывает Апостол; ибо говорит: рабы да почитают господ своих достойными всякой чести. Так стоит по-гречески. У кого есть в сердце такое убеждение, тот не будет чувствовать ига рабства. Чествующий кого охотно преклоняется пред ним и покорствуется ему.

Но такое внушение, как рабам иго рабства делать легким, только намекается в словах: да почитают достойными чести. Главное же намерение Апостола – воодушевить рабов к верному служению выгодами веры. Толкуй им, говорит, что если они не будут чествовать господ верным служением, то господа станут худо думать о нашем учении и нашей вере, и они таким образом подадут повод хулить имя Божие, нареченное на христианах. А если будут служить им охотно и почтительно, особенно после прежнего неохотного и ворчливого служения, то тем дадут высокое понятие о нашем учении и расположат обратить к вере в Господа Спасителя. «Неверный, если увидит, что чрез веру люди впадают в самомнение, часто будет поносить ее как учение, располагающее к возмущению; а если заметит, что они стали более покорны, то тем скорее сам покорится, тем внимательнее будет к тому, что говорится (в проповеди Евангельской)» (святой Златоуст). – Для верного, любящего и чтущего веру, не может быть более сильного побуждения к спокойному и охотному несению ига верного рабствования неверным.

1Тим. 6:2. Имущий же верных господий да не нерадят о них, понеже братия суть: но паче да работают, зане верни суть и возлюблени, иже благодать восприемлющи. Сия учи и моли.

То была речь об отношении к господам неверным, а теперь об отношении к верным. Верные господа разумеются не веру только содержащие, но и живущие в духе веры, следовательно, братски относящиеся к рабам, не обременяющие их сверх силы, жалеющие их и радеющие о них. Видя это, неразумные слуги могли забываться, полагать чувству равенства господам и вследствие того нерадеть о своих службах и непочтительно относиться к господам. Предотвращать это и внушает здесь святой Павел. Учи, говорит, чтоб слуги верными господами не пренебрегали, а еще усерднее им работали. «Рабы, у которых господа благочестивы, благочестие их да не обращают в повод к небрежению; но да удостаивают их поэтому большей услужливости (блаженный Феодорит). Говори им: «если вы удостоились такой чести, что господами имеете братии (или господ имеете братьями), то должны ради сего преимущественно повиноваться им» (святой Златоуст). «Нельзя так, – что поскольку ты братом стал иметь господина в силу крещения, то тебе можно небрежно относиться к нему; напротив, в этом самом находи побуждение – служить и рабствовать ему еще с большим усердием» (блаженный Феофилакт).

Побуждением же к сему выставляется: «зане верни суть и возлюблени, иже благодать восприемлющи». Вера не отнимает права господства, а украшает его. Слуга, чтущий высоко веру, высоко чтит ее и в господине, а ради нее и господина. Отсюда – не умаление чувства обязанности рабствовать, а возвышение и как бы освящение. И рабствуй паче, говорит, «зане верни суть». Но в силу веры они «и возлюблени», – возлюбленны Богу (Экумений), – возлюбленны и рабам, потому что к этому обязывает и располагает вера, учащая любить и чужих всех, а не только своих, и притом таких, кои господа им суть. Нельзя вам не чувствовать, сколь благо для вас, что имеете господ верных и возлюбленных. Но «насколько благодетельствованы вы тем, что имеете господ братьями, настолько и сами будьте

благодарны, усерднее служа им» (Экумений). «Сказав: «возлюблени», – Апостол изгоняет страх, имея который к господам слуги часто впадают в ненависть к ним, – и вместо него вводит любовь» (блаженный Феофилакт), или «со страхом сочетается любовь» (Экумений).

«Иже благодать восприемлющие», – которые благодать восприемлющие суть, восприемлют, причастны суть благодати, то есть получили отпущение грехов, приняты в сыновство Богу, снабжены дарами Духа Святаго. Те, которые приняты в такую милость Божию и так Богом почтены, не должны ли и слугами более быть почтены чрез изъявление большей покорности и большего усердия в служении им? Такую мысль подает славянский перевод, – каковой перевод допустим и греческим текстом: οἱ τῆς εὐεργεσίας ἀντιλαμβάνομενοι, – которые благодетельствие восприемлют, или причастны благодетельствия, – разумеется, – Божия благодетельствия нам, грешным, верх которого есть устройство спасения в Господе Иисусе Христе – «сия благодать воз благодать» (Ин. 1:16).

Но греческий текст может подавать и такую мысль: которые пекутся и ревнуют о благодетельствии, подразумевается, рабам, – «которые заботливо стараются благодетельствовать рабам» (Экумений, блаженный Феофилакт). По-русски так и переведено: которые благодетельствуют им – рабам. И наши толковники все эту мысль держат. Святой Златоуст говорит: «господа больше доставляют рабам, чем рабы господам; ибо первые и золото тратят на них и заботятся о снабжении их необходимыми вещами, одеждою и всем прочим. И, на это здесь указывая, Апостол говорит: οἱ τῆς εὐεργεσίας ἀντιλαμβάνομενοι, – которые пекутся добро делать вам, рабы. Они беспокоятся и трудятся ради вашего спокойствия – и ужели не должны пользоваться великою честью от своих домочадцев?» То же и у блаженного Феофилакта: «вспомни (слуга), что он (господин) еще и благодетель твой (не только верный и возлюбленный), беспокоится и печется о тебе, чтоб накормить тебя, чтоб одеть и всякой другой удовлетворить твоей потребности и нужде: так что у него много прав на тебя

(на твою ему покорность и служение), кроме того, что купил тебя».

Предполагается, что господа, уверовав и освятившись благодатию, изменили свой деспотский нрав и стали обращаться с рабами, как с своими кровными, и содержа их хорошо, и любовное к ним расположение являя. Вследствие чего они, возлюбленные рабам по вере, еще более возлюбленны по благодеяниям своим к ним. Почему сии последние естественно усерднее должны служить им теперь, чем прежде. Верным господам, говорит Апостол, рабы должны усерднее служить, потому что они верны и возлюбленны и тем паче потому, что они им самим благодетельствуют, будто воздавая им добром прежде, чем они делают что для них; считайте себя уже отблагодетельствованными со стороны господ за ваше им служение (Экумений). Служа им, отплачивать им будете долг благодарности за их благодеяния к вам, вас покрывающие и обнимающие.

«Сия учи и моли». Учи, как власть имеющий, умоляй, – уговаривай, убеждай, как любящий отец или брат. «Делай первое, как учитель, второе, как отец» (блаженный Феодорит). «Учителю должно употреблять не только власть, но и великую кротость, и, с другой стороны, не только кротость, но и власть» (святой Златоуст). «Ибо врач есть, а врач берет иногда мягкостью, а иногда и строгим принуждением» (блаженный Феофилакт).

Слова сии у нас стоят в связи с предыдущим, то есть с тем, что следует внушать рабам. Так может быть и требовалось, не столько по важности самого предмета, – покорности рабов господам, сколько по вреду, какой могла нанести Церкви и верующим непокорность их. – Но кажется лучше соединять их с последующим и относить ко всему сказанному выше. Святой Златоуст отрывает сии слова от этого, 2-го, стиха и соединяет с следующим, – 3-м.

бб) Чему учить богатых? (1Тим. 6:3–19)

Все это отделение (1Тим. 6:3–19) содержит следующее: α) внушается: «сия учи» (1Тим. 6:2) – и вслед за тем пишется укор иначе учащим, последнюю недоброю чертою которых ставится

то, что они «непщуют приобретение быти благочестие» (1Тим. 6:5) (1Тим. 6:3–5). Это подало повод: β) к указанию (1Тим. 6:6–16); αα) пагубных последствий от любоимания для веры и жизни (1Тим. 6:6–10) и внушению: ββ) «сих бегай» (1Тим. 6:11), – гони же благочестие, веру и прочее, с заклинанием соблюсти неотложно такую заповедь, до пришествия Господня (1Тим. 6:11–16). После сего следует уже: γ) чему учить богатых, – именно – чтоб не гордились, не уповали на богатство, а употребляли его на добрые дела, «сокровиществуя себе основание добро в будущее» (1Тим. 6:19) (1Тим. 6:17–19). – Таким образом тут все говорится о любоимании в разных отношениях. Почему сочтено уместным озаглавить сие отделение: «чему учить богатых», – почитая указание вредных последствий от пристрастия к богатству и внушение бегать сего, ревновать же о всякой добродетели, введением к тому, а указание недобрых качеств инако учащихся – поводом.

α) Сия учи (1Тим. 6:3–5)

Повод этот устроился будто нечаянно. Апостол имел в виду только внушать – держаться здорового учения и бегать всякой инаковости в нем и споров, как неоднократно делает в сем Послании. Но как для отклонения от последнего самым лучшим побуждением служит знание недоброты инако учащихся, то ее и изображает Апостол. А одною из выдававшихся тогда черт этих инако учащихся была та, что они действовали «скверного ради прибытка» (Тит. 1:11). Поставив в конце эту черту в словах: «непщующих приобретение быти благочестие», – Апостол затем ведет уже речь все о страсти к стяжаниям и богатству.

1Тим. 6:3, 4. Аще ли кто инако учит и не приступает ко здоровым словесем Господа нашего Иисуса Христа и учению, еже по благоверию, разгордися.

Святой Златоуст, как замечено, читает это в связи с «сия учи и моли». Так учи, а от тех, которые инако учат, отступай. Чтоб отступал от учения их, об этом святому Тимофею нечего было напоминать. Отступай, говорит, от самых инакоучителей, – не связывайся с ними, «отвращайся от них» (святой Златоуст). Потому что, свяжись с ними, – и пойдет словопрение, от которого никогда никакой не бывает пользы, а одно

раздражение и раздор. Уступить тебе они не могут, потому что по гордости и самомнению думают, что знают истину и стоят в ней, тогда как совсем не знают ее. Это самопрельщение и держит их в упорстве и противлении истине. И ничего с ними не поделаешь. Лучше всего не связываться с ними. Возвещай одну истину, – и кто есть от истины, послушает тебя (Ин. 18:37). Таково содержание подлежащего Апостольского урока.

Кто эти инакоучители, Апостол не определяет частно, а вообще говорит: инако учат, не приступают к здоровым словесам Господа и учению, еже по благоверию. Тут можно разумать все христианское учение, – и догматы, и правила жизни, и освящение таинствами. Кто хоть в чем-нибудь из сего отступает от словес Господа и здорового учения, содержимого сонмом благоверных, тот есть инакоучитель, гордый словопритель, недостойный общения. Почему и: «сия учи и моли» (1Тим. 6:2) – относится не к одной покорности рабов, но ко всему вышеизложенному, не исключая, конечно, и этого.

Здоровые словеса Господа те суть, о коих Он свидетельствовал: «вся, яже слышах от Отца... сказах вам» (Ин. 15:15). Они те же, что и Дух Святой внушал Апостолам: ибо и Он имел изрекать, «елика аще услышит» (Ин. 16:13), и, конечно, что ни изрекал, изрекал, как слышал. Здоровые словеса Господа совмещают, следовательно, истину, в тайне Триипостасного Бога сокровенную, и на землю принесенную Сыном Божиим воплотившимся, и распространенную среди людей чрез Апостолов Духом Святым, – истину здоровую, то есть чистую, беспримесную, непреложную. Здоровы они, как чистую истину содержащие и как здоровье душе, приемлющей их, подающие. Ибо истина здоровье душе приносит, а ложь, хотя бы и малая, расслабляет ее и немощною делает.

«Учение, еже по благоверию», – составляется здоровых словес Господа и откровений Духа Святаго. Оно сводит воедино все словеса и из всех истин, ими возвещаемых, составляет одно целое, один образ созерцания дела спасения в Господе Иисусе Христе, благодать Святаго Духа, по благоволению Отца. Господь многое говорил, многое говорили и Апостолы от Духа Святаго. Слышавшие и принимавшие слагали

всё в сердце своем, которое, как архитектор (зодчий) некий, благодатию руководимый, и устроило тот образ созерцания дела спасения. Сей образ и совмещал «учение, еже по благоверию». Установившись под влиянием Апостолов, образ сей вынесен в сердцах верующих из века Апостольского, обновляемый и хранимый преемниками их, и предан последующим родам верных, от которых друг-друго-приимательно и до нас дошел. Так что: «учение, еже по благоверию», – есть учение, Церковью содержимое, – тогда при Апостолах и теперь по преемству от них.

По-гречески стоит не: «благоверие», – а: благочестие, – τῆ κατ' εὐσεβείαν διδασκαλία. Но это не отступление от подлинного слова Апостольского, а точнейшее его выражение. Благочестие есть сердечное отношение к Богу. Жизнь по благочестию есть жизнь в страхе Божиим, во славу всесвятого имени Его; учение по благочестию есть учение, содержимое по несомненной вере слову Бога истины. Такое содержание истины есть воистину благоверие, – и оно только одно и есть таково.

1Тим. 6:4. Разгордися, ничтоже ведый, но недугуяй о стяжаниих и словопрениих, от нихже бывает зависть, рвение, хулы, непщевания лукава.

«Разгордися». Это тот, кто не приступает к словесам Господа или криво толкует их. Бог говорит и дает законоположения, а тварь не слушает или, слушая, – толкует слышанное не по-Божиему, а по-своему, подвергая Божие осуждению, как неудобное себе. То и другое действие выражает: отойди, путей твоих ведать не хочу. Так говорят в лице Богу не грешники только, но паче еретики, инакоучители. Не гордость ли это? Это верх гордыни, – сатанинская гордость, которою обычно и преисполнены все инакоучители. И естественно; ибо, не внемля слову Божию, они уму только своему последуют, а ум кичит. Кичливы и все инакоучители, хотя они прикрываются иногда очень смиренным видом, – овечьёю одеждою, волцы суще. Τετυφωται – надмился, говорит Апостол, как мыльный пузырь. Мыльный пузырь кажется чем-то, а на деле ничего прочного в себе не имеет. И инакоучитель, не сообразующийся ни с прямым словом Божиим, ни с учением Церкви, Которая

есть столп и утверждение истины, построив умом своим свою систему учения о спасении, носится с нею, мечтая в самопрельщении, что вот наконец он постиг истину, которой другие не знают. И кичит. А между тем явно, что не знает истины, а уклонился в ложь. Ложь утверждает, что есть то, чего нет. Почему, хотя она выставляет себя знанием и другим может представляться такою, на деле ничего не знает, – пузырится только, будто знает. Апостол и отмечает, что инако учащий «разгордесея, ничтоже ведый». Положите, что кто-нибудь отвел бы вам глаза и кучу сора представил вам кучею золота. Виделась бы вам куча золота, а на деле все же это куча сора. Такова всякая система инакоучителей; кажется блестящею, как золото, истиною, – на деле же есть сбор мечтаний, не содержащих истины. И можно положить за признак, что, коль скоро с какими-либо умовыми построениями вяжется кичливое самомнение, знай, что тут ложь кроется, что это не есть постижение истины, а мечта, ничего-неведение. Святой Златоуст говорит: «следовательно, нам случается воспаляться гордостью не от знания (истины), а от незнания (ее); потому что тот, кто знает учение, согласное с благочестием, более всех умеет смиряться; тот, кто наставлен в здоровом учении, не бывает одержим сею болезнью (гордости). Следовательно, можно знающему что-нибудь (думающему, что знает) не знать ничего (как должно); ибо тот, кто не знает того, что должно, ничего не знает».

Как инакоучитель, свою построив систему учения, дмится ею, то не может терпеть несообразного с ним, почитая то оскорблением для себя в самом чувствительном месте и унижением своего высокодержимого учительства. Оттого всюду заводит совопросничества и словопрения; спорливость ярая сопровождает его и идет по следам его. Это далее и выставляет на вид святой Павел: «и недугуй о стязаниях и словопрениях». – «Стязания», ζητήσεις, – изыскания, – расположение вопросов, – что это, от чего то, как есть вон то и подобное. И пошли толки, коим конца не жди. «Словопрения», λογομαχία, – война из-за слов. Так как инакоучитель предлагает как истину что не есть таково, то есть чему не отвечает действительность, то его речь

ничего существенного не содержит, а есть набор слов, – и, защищая себя, он не другое что делает, как притягивает о словах, -словопрением недугует. Говоря: «недугуй», – Апостол дает мысль, что у инакоучителя царит в душе неутолимый позыв к спорам. Эта спорливость у него сидит внутри, как болячка какая. И он все спорит. – У Апостолов же было правилом – не заводить споров: "мы, – говорит, – такого обычая не имеем» (1Кор. 11:16). И святому Титу и святому Тимофею пишет святой Павел не вдаваться в споры. Скажи или засвидетельствуй истину – и довольно. Кто от истины, послушает. Кто же не от истины, с тем, сколько хочешь спорь, ничего с ним не сделаешь. – Спор – от беспокойства за стойкость мысли; беспокойство же это от убеждения во вседовлетельности оснований ее. Апостолы прямо от Бога получили истину и упокоивались непоколебимо в вере ей. И доводов особых к утверждению истины для них не требовалось. И для других они не изобретали их, а только излагали то, что внушал им Бог Дух Святой. – Этого недостает инакоучителям; они и спешат восполнить то шумом слов. – Что делали Апостолы, то же доселе делается и в Церкви: предлагает она «учение, еже по благоверию», какое приняла от Бога чрез Апостолов и какое хранила и хранит. Кто от истины, слушает; кто не от истины, идет прочь. Видит сие Церковь, но споров не поднимает, а только молится. Святой Златоуст говорит: «следовательно, – состязание есть недуг. И справедливо. Ибо душа тогда занимается исследованием (ζητησει, – стяжанием), когда она разжигается (как огневицею) помыслами, когда они обуревают ее (то есть когда она больна); а когда она находится в здоровом состоянии, тогда не исследует, а почивает в вере. Посредством исследования и споров ничего нельзя найти. Ибо когда исследование приступает к разъяснению того, что возвещается одною верою, тогда оно и не открывает сего, и не дает его уразуметь; подобно тому, как если бы кто, смежив глаза, стал искать что-нибудь, что ему желательно найти, то не мог бы (успеть в этом). Так без веры ничего нельзя отыскать, а только неизбежно должны рождаться споры». «Где нет веры, – продолжает Феофилакт, – там все больно, там только разгорается война словесная (из-за слов) и

больше ничего, – причем более искусный в препираниях напрягается низвергнуть другого. Вера есть око; не имеющий очей ничего не находит, а только ищет».

Ничего не зная, думается, яко всезнающий, и недугует спорливостию: такова характеристика инакоучителя. Какой теперь плод от этого? «От нихже (стязаний и словопрений) бывает зависть, рвение, хулы, непщевания лукава». Все это видится во всяком словопрении. Зависть завидует, что другой взял верх. Она сопутствуется «рвением», ερις, – ретивостию, вызывающе напряженное усилие не дать другому себя опередить или взять над собою верх и взявшего верх опять низвергнуть долу под себя. От сей ретивости – жар спора; в жару же спора невольно вырываются «хулы и непщевания лукава». «Хулы»: хулят друг друга за обороты речи, непоследовательность, за неведение фактов и сторон дела, за неточное понимание свидетельств и подобное. Это больше всего разгорячает раздражение и, поселяя раздор и вражду, преграждает для истины всякий вход в душу. Но при этом простая хула не может не отдаваться и богохульством. Ибо спорящий инакоучитель идет против истины, – и истины Божией, следовательно, против Бога. Почему, хуля истину Божию, Бога хулит. А то недивно, что и прямо против Бога проторгнется какая-либо хула, относительно, например, устройства спасения, святых таинств и вообще промышления. «Непщевания лукава», υπονοιαι πονηραι. – 'Υπονοιαι – подозрения, подбигающие и подкрадывающиеся мысли: и в самом деле не так ли? Инакоучитель не щадит совести несогласного с ним, а сыплет бесщадно фразами, все более и более резкими. Между ними недивно найтись и таким, которые оставят впечатление и породят колебание: не так ли? Это «не так ли», как заноза, войдет в сердце и омрачит покой веры и светлость состояния душевного. Вот случай. Молодой инок послан куда-то старцем. На дороге пристал к нему еврей и завел спор в защиту еврейства, кончившийся тем, что инок сказал: может быть, и так. Когда он воротился домой, старец увидел его мрачным, как сажа. Может быть, и так, – было у него непщевание лукавое и вот что произвело. Как лукавое, от лукавого, мрачного

происходящее, мраком всю душу его и тело преисполнило, конечно, потому, что привело внутрь и самого лукавого – мрачного. – Почивай в вере, бегая всяких споров, и избежишь от подобной беды. Непщевания лукавые будто ничего, как легкое движение воздуха. Так кажется; на деле же это настоящая язва, требующая врачевания. Они то же в деле веры, что занявшие сердце помыслы в деле жизни. Как последние или изгоняются борьбою, или ввергают в падение, так и в отношении к первым или бороться надо спешно, восстанавливая пункт веры, против которого они направлены, или, не делая этого, неизбежно подпасть их власти и уклониться от истины. Так распространяются все заблуждения и совершаются все отпадения от веры.

1Тим. 6:5. Беседы злыя растленных человеков умом и лишенных истины, непщующих приобретение быти благочестие. Отступай от таковых.

«Беседы злыя», παραδιδασκαλία. – Διδασκαλία – препровождение времени, наполнение его каким-либо занятием, отсюда беседы, рассуждения и речи. Παραδιδασκαλία, -все это в худом смысле, – препровождение времени пустое, беседы не о добром и не к добру ведущие, рассуждения и речи, чуждые истины. «Беседы злыя» есть точное выражение сего слова. Здесь разумеется не самый спор, а черта его или следствие и соприкосновенность. Спор, ведомый инакоучителями, – пустое и зловерное препровождение времени; зловерное потому, что, как пред сим сказано, он рождает «непщевания лукавая». Διδασκαλία от: τριβω – тру. Ведущие беседу взаимно трутся. Но трение от здорового здоровье укрепляет, по крайней мере не расстроивает; а трение от больного может сообщить болезнь и заразить. Так и здесь, – потрись беседою с инакоучителем, – можешь заразиться его инакоучением и заболеть зловерием. По святому Златоусту, слова: «беседы злыя» – имеют у Апостола такой смысл: «подобно тому как овцы, будучи заражены чесоткою, когда приходят в соприкосновение с здоровыми, и им сообщают свой недуг; так и эти злые люди». У блаженного Феодорита читаем: «отступившие от истины (инакоучители) и последующие собственным своим помыслам покушаются учить

ненадлежащему. – Отсюда рождаются «непщевания лукавая», а от них происходит какая-то пагубная болезнь, заражающая ближних. Сие означают слова: «беседы злыя». Ибо как больные овцы, пасущиеся вместе с здоровыми, сообщают им болезнь, так и эти люди ближних своих наполняют заразою». Экумений прямо выражается: «беседы злыя», – передание болезни злых догматов, – метафора, взятая от паршивых овец». «Как паршивые овцы, – поясняет его Феофилакт, -трясь между здоровыми, заражают и их своею болезнью; так и инакоучители, потираясь беседами своими, παράδιатρίζοντες, – с другими, растлевают их (умы и сердца своим зловерием)».

Потому от них такой плод, что они сами «растленны умом». Таковы все не приступающие к здоровым (не испорченным кривотолкованием) словесам Господа и учению, благоверно содержимому и хранимому Церкви. Ум их, приняв ложные начала и положения, или догматы, растлился и их растлил. Сами виноваты. Зачем уму своему поблажили взяться за то, что ему не под силу. Следовало, подклонив его под иго веры, заставить его покорно принять открытое и преданное, изучить то и усвоить; а они позволили ему изобретать и сочинять самую веру. Он и напутал; но, приняв за несомненную истину свое изобретение, он растлился сам и их растлил: и стали они «человеки, растленные умом», растлением своим заражающие и других. Чего другого и ожидать от них? «Благий человек от благаго сокровища износит благая: и лукавый человек от лукаваго сокровища износит лукавая» (Мф. 12:35).

Растленны они умом, потому что «лишены истины». В этом причина растления ума. Как содержание истины есть здоровье ума, так лишение истины есть болезнь его и растление; подобно тому, как содержание и хранение заповедей есть здоровье воли, а уклонение от них – болезнь и растление ее – и как сочувствие к Божественному и небесному, вкус в том и услаждение тем есть здоровье сердца, а лишение такого сочувствия, вкуса и услаждения есть болезнь его и растление. Тут бывает то же, что, например, с ягодами. Оставь их как есть, они скоро попортятся и истлеют: но – переполни их сахаром, через варку в растворе его, они приобретают силу противостоять

растлению. Так ум, оставленный как есть, скоро портится, а переполни его истиною, – и истина сообщит ему крепость и силу противостоять всякому растлению. Лишение истины порождает в уме два зла, – или мрак неведения, или растление зловерием. И то худо, а это еще хуже. Мрак, лишение света причиняет замирание и даже смерть: ибо ничто живое не может жить без света, – вещественное без вещественного, духовное без духовного. Уму свет – истина; без нее он замирает или замороженным бывает. Зло великое; но о замороженном можно иметь надежду, что отойдет, очнется и оживет. Растленный же зловерием не подает такой надежды. Он поврежден внутреннейше и существенно; потому может быть возвращен к здравью, свойственному ему по естеству, только силою Божиею, сотворившею естества, то есть только будучи перетворен особенною Божиею благодатию.

«Непщующих приобретение быти благочестие». – «Приобретение», *πορισμὸν*. – Пороc – имяе вдоволь всех потреб жизненных; *πορισμός* – приобретение сих потреб и способы к тому. Под: «благочестием» – разумеется вера вообще. Они, говорит, веру почитают средством к приобретению, превращают ее в такое средство. Это верх растления умственного и нравственного. Веры тут уже нет, тем паче нет благочестия или сердечного настроения в духе веры. Между тем хлопоты у них всё о вере, – и хлопоты усиленные, так что дело сие не обходится без споров. Не отсюда ли и споры? Как торгоши спорят при продаже из желания увеличить прибыль, так и эти инакоучители всюду заводят споры, потому что иначе нельзя им будет добыть что-либо, и им придется голодать. «Эти спорники, – пишет блаженный Феофилакт, – привлекая к себе учеников, пользуются ими и все больше и больше подвизаются в спорах, чтоб все более и более их привлечь к себе», – конечно, чтоб больше и приобретать от них.

«Отступай от таковых». «Не сказал: схватывайся с ними и борись, но: «отступай», – то есть «по первом и втором наказании» (Тит. 3:10). Ибо тех, которые бьются из-за прибыли и денег, когда и чем можно убедить?» (блаженный Феофилакт). «Иначе не убедишь ты таковых, как если дашь им; но и этим не

насытишь их жажды приобретения. «Око лихоимца, – говорит Писание, – не насытится части» (Сир. 14:9). Поэтому от них, как от неисправимых, надобно отвращаться» (святой Златоуст).

β) Указание (1Тим. 6:6–16)

Указание последней недоброй черты в инакоучителях дало святому Павлу повод предложить нужные внушения против любостяжания. Здесь он αα) изображает пагубные последствия от забот о стяжаниях, определив наперед меру потреб и указав источник довольства ею (1Тим. 6:6–10); а затем: ββ) делает соответственное сему предмету обращение к святому Тимофею (1Тим. 6:11–16).

αα) Пагубных последствий от любоимания (1Тим. 6:6–10)

1Тим. 6:6. Есть же снисkanie велие благочестие с довольством.

«Снисkanie», опять: πορίσμος, – приобретение, имение потребного, обладание им. «Благочестие» – истинная вера с настроением сердца в духе веры и соответственную тому жизнь. Такое, говорит, благочестие само по себе есть уже снисkanie потреб или оно с собою приносит обладание потребным, не потому, чтобы давало богатство, а потому, что так настроивает человека, что он чувствует себя совершенно удовлетворенным относительно телесных потреб, довольствуясь тем, что имеет. Как благочестие настроивает его быть довольным тем, что имеет, то этим самым погашает всякий позыв к стяжаниям. Человек благочестивый богат потому, что доволен всем и не чувствует ни в чем недостатка, как, напротив, богача следует считать бедным, когда он чувствует, что ему все еще много недостает. Слова: «благочестие с довольством» – не такую имеют мысль: благочестие с имением довольного количества потреб, хотя и ее можно допускать, но такую: благочестие с чувством довольства, когда благочестие до того исполняет сердце человека, что по духу его он чувствует себя довольным. «Те (инакоучители, спорщики) «зле непшуют приобретение быти благочестие» (блаженный Феофилакт), – «потому что они притворно облакаются в одежду благочестия, чтоб иметь в нем средство к стяжаниям» (Экумений). «И в благочестии есть снисkanie, но не так, как те полагают, а

гораздо выше. В нем снискание не тогда, когда имеешь, а когда не имеешь: ибо оно научает довольству. А довольство есть великое и прочное богатство» (блаженный Феофилакт). «Благочестие, таким образом, само в себе есть истинное стяжание; потому что довольствуется тем, что есть, и не ищет преизбыточества. Или (так можно разуметь) благочестие есть снискание, потому что при нем не ищут изобилия, а удовлетворяются имением нужного вдоволь» (Экумений).

Так дух благочестия, делая довольным и, следовательно, богатым, погашает жажду стяжаний. Но к этому же может приводить всякого и естественное рассуждение. Какой смысл иждивать на это заботу и труды, когда ничего с собою не возьмешь отсюда?

1Тим. 6:7. Ничтоже бо внесохом в мир сей: яве... ниже изнести что можем.

«Это говорил и блаженный Иов: «сам наг изыдох от чрева матери моея, наг и отыду» (Иов. 1:21)» (блаженный Феодорит). «Таким образом, если мы ничего не принесли и ничего не вынесем, то какая нужда заботиться иметь больше, чем нужно?» (Экумений). Инакоучители так болят любоиманием, что даже благочестие обращают в средство к тому. И этим обличают паче слабость и растление ума. Ибо, если б здрав у них был ум, не стали бы они так заботиться о вещественных стяжаниях. Ибо «такого рода приобретение ничего не значит, как видно из того, что оно остается здесь и не переселяется вместе с нами (в другой мир) и не сопутствует нам туда. Мы пришли в этот мир, не имея ничего, и оставим его, тоже ничего не имея. Потому что творение рождается нагим и нагим отходит. Следовательно, нам не нужно ничего лишнего, если мы ничего не принесли с собою и отойдем, ничего не имея» (святой Златоуст). «Напрасно смертные люди стараются копить имущества и стремятся быть богатыми, открытым гласом возвещает Апостол, когда знают, что ничего (неотъемлемо) собственного не могут стяжать в мире сем. К чему служит человеческая жадность, кроме разве что она сама себе вражествует? Никем ничего не вносится в мир, и ничего вынесено быть не может. К чему же навязывать себе бремя забот и искать собрания богатств? Таким же выйдешь,

каким пришел. Что и Иов пишет, такое исповедуя убеждение свое: «наг изыдох от чрева матере моея, наг и отыду тамо... буди имя Господне благословенно» (Иов. 1:21). Если б скупцы не удерживали накопленного для себя одних на пагубу себе, то и немногие из них сколь многим могли бы доставить пользу с пользою вместе и для себя самих!» (Амвросиаст).

1Тим. 6:8. Имеюще же пищу и одеяние, сими довольни будем.

Скажет кто: хотя ничего не приносим сюда и ничего не вынесем отсюда; но жить, однако ж, надо, пока мы здесь. А чтобы жить, надо иметь пищу, иметь одежду. Следовательно, нельзя обойтись без того, чтоб не иметь. – Но только, говорит Апостол, и нужно иметь. Есть пища, есть одежда, – и довольно. «Он определяет здесь, в чем должно полагать довольство, о коем поминал» (блаженный Феофилакт). «Надобно питаться тем и в такой мере, что и сколько нужно для насыщения; надобно одеваться тем, что может только защитить нас от непогоды и прикрыть наготу; а это исполнить может и простая одежда. Лишнего ничего не должно быть» (святый Златоуст). «Вкушай то, что питает, а не гортань только услаждает, и одевайся тем, что наготу прикрывает и защищает, а не тем, что изнеживает и тщеславит. Таково значение слов: «пища» – и: «одеяние» (Экумений). Впрочем, «одеяние», σκεπασματα, – может содержать под собою одну одежду, но и кров. Мысль Апостола: ограничиваться в удовлетворении необходимых потребностей телесных самонужнейшим, чтоб забота о том не томила головы и сердца.

Указав таким образом естественность для христианина, разумность и удобоисполнимость нестяжательности, Апостол затем изображает ярко пагубные для веры и добродетели последствия любостяжания.

1Тим. 6:9. А хотящии богатитися впадают в напасти и сеть, и в похоти многи несмысленны и вреждающия, яже погружают человеки во всегубительство и погибель.

Укор не вообще богатство имеющим, но пристрастным к нему, жаждущим его, гоняющимся за ним и употребляющим его только в свое собственное удовольствие и удовлетворение

своих пожеланий и страстей. Возможно и обладание богатством безукоризненное, и пользование им похвальное, – относительно чего ниже и дает Апостол уроки, – стих 17 и далее. Почему сказал: «хотящие» βουλομένοι, – обладаемые желанием, непрестанно им влекомые и снедаемые. «Не сказал просто: богатящиеся (обладающие богатством), но: «хотящие богатиться». Ибо если кто, получив богатство от предков, распоряжается им по Божественным законам, то он свободен от обвинения» (блаженный Феодорит). «Не тех, которые, имея стяжания, хорошо распоряжаются ими, не пристращаясь к ним и раздавая их бедным, обличает Апостол, а тех, которые жаждут приобретения» (святой Златоуст). «Иждивать достояние на бедных не есть дело хотящих богатиться» (блаженный Феофилакт). «Такие не станут раздавать другим, боясь, что самим не останется на удовлетворение своих пожеланий» (Экумений).

«Впадают в напасти и сеть», εἰς πειρασμὸν καὶ παγίδα, – в искушение и сеть. Искушение есть такое стечение случайностей, которое сильно раздражает позыв на какой-либо грех и будто против воли влечет к нему. Это же и сеть есть. Но сеть может означать и осечение или вплетение в грешные дела, так что хочешь не хочешь, а греши: так дела настроились и сплелись. Гонящийся за богатством того и другого обобратиться не может. У него поминутно случаи – покривить душою скверного ради прибытка и попрасть законы правды и любви, внушаемые совестью; когда привыкнет к такому образу действия, то делается им опутан, как сетью, выступить из которой не может. «Кто, родившись от бедных и жадно домогаясь богатства, употребляет всякий способ к приобретению, не зная сытости этому вожделению, – тот идет по сетям греха» (блаженный Феодорит). Апостол не сказал: подвергаются искушению, а: «впадают». То есть искушение всегда одолевает их; как только представится искусительный случай, они падают под искушением, не могут противостать ему.

Но можно разуметь здесь не одни нравственные искушения и сети, но и внешние, житейские, – разные неприятности и затруднения. И их много у гонящегося за богатством: дома –

опасности от воров и огня, в дороге – напасти от разбойников, в сделках – сопротивления, в течении дел – непредвиденные расстройства и подобное. Святой Златоуст говорит: «в какие искушения и сети впадают хотящие богатиться? В такие, – что это удаляет их от веры, приводит на путь заблуждения, окружает опасностями и лишает покоя». Так и блаженный Феофилакт: ««впадают в искушение и сеть», так как и против веры (и заповедей) погрешают, и опасностями окружены бывают из-за богатства, и всех боятся». Эту же мысль выражает и наш славянский перевод: «впадают в напасти». – И незаконно устранять такую мысль. Последующие слова, служа объяснением сих слов, говорят и о внутренних и о внешних вредных последствиях любостяжания, – кои суть искушения и сети.

«И в похоти многи несмысленны и вреждающия». – «Похоти» – всякого рода пожелания самоугодия, наперекор совести и явным заповедям Божиим. Потому они, по природе своей, несмысленны и вредны. Похотей смысленных и безвредных нет. Все они бессмысленны и пагубны и для души и для тела, только в разных степенях. Когда Апостол говорит: впадают в похоти, понимает: подчиняются им, живут по ним, они – закон для них. «Текущее богатство ввергает в непотребные похоти, потому что доставляет к тому способы» (Экумений). Какие именно похоти, Апостол не перечисляет; но они сами собою естественно выказываются в тех, кои не как следует пользуются богатством: есть, пить, валяться в плотских грехах, обижать, тщеславиться, властолюбствовать, всегда на своем поставлять, хоть и неправое, и подобное. Святой Златоуст так изображает несмысленные и вредные похоти богатых: «как не назвать бессмысленною страстию, когда эти люди (богатые) держат у себя дурачков и карликов, не из человеколюбия, а для удовольствия, – когда в своих дворцах устрояют водоемы для рыб, когда содержат диких зверей, когда занимаются собаками, когда украшают коней и заботятся о них не меньше, чем о детях? Все это бессмысленно и излишне, совершенно ненужно и бесполезно. – Какие страсти бывают вредны? Когда люди разжигаются беспутною любовью, когда ищут имущества своих

ближних, когда стремятся к наслаждению, когда предаются пьянству, когда жаждут убийства и гибели других».

«Яже погружают человека во всегубительство и пагубу». Это конец удовлетворения несмысленных и вредных похотей. Любитель богатства, пока богатится, хотя тоже живет по похотям, но все еще умеряет их, чтоб разливом их не помешать притечению богатства; но, когда разбогатеет, уж не может совладать с собою и вдается во всю широту похотений своих. Кончается это всегубительством и пагубою.

«Всегубительство», ολεθρος, – всебедственность; «пагуба», ατωλεια, – гибель, – «и здешняя и будущая» (блаженный Феофилакт), – и временная и вечная. «Хорошо сказал: «погружают», – так что и подняться наверх становится для них невозможным» (святой Златоуст). Полное расстройство здесь, и конечная пагуба там. «Они кончают жизнь, претерпевая треволнения и крушения» (блаженный Феодорит); и туда переходят не на лучшее, так что «любоимание здесь не безопасно, а в будущем предается осуждению» (Амвросиаст).

1Тим. 6:10. Корень бо всем злым сребролюбие есть, егоже нецыи желаяще заблудиша от веры, и себе пригвоздиша болезнем многим.

Сребролюбие – корень всех зол; потому что дает способы жить по похотям, которые недобры и не ведут к добру, как сказано пред сим, и потому что для удовлетворения сей страсти обладаемый ею, не задумываясь, готов бывает «на всякое злодеяние, на всякое преступление и непотребство и действительно совершает их» (Амвросиаст). «Из сего корня прозябают убийства, чародеяния, хищения, ложь, нарушение клятвы и все роды преступлений» (блаженный Феодорит). «Не щадит оно живых, не щадит и мертвых, но и их грабит; восстает на родителей и братии и Божие достояние святотатственно крадет. Изгони сребролюбие – и не будет ни войн, ни вражды, ни блуда; ибо блудница из-за денег отдает себя непотребству» (блаженный Феофилакт).

«Егоже нецыи желаяще», ορεγομενοι, – так неудержимо, как неудержимо томимый жаждою желает воды, – «заблудиша от веры», απεπλανηθησαν, – соспустили с прямого пути веры, и

пошли иною дорогою, – и, не вооружаясь против веры и даже не отрекаясь от нее гласно, уклонились от нее, сами того не замечая. Все внимание их было поглощено стяжаниями, – и они шли, куда вела сия страсть, не помышляя о вере, и, шедши так, прошли мимо веру и пришли туда, где и следа не осталось веры, ни в образе воззрений на вещи, ни в образе чувств, настроений и жизни. Святой Златоуст говорит: «хорошо сказал Апостол: ἀπεπλάνηθησαν. Потому что сребролюбие, привлекая к себе их глаза и понемногу закрывая их, не позволяет им видеть пути (веры). Как человек, который идет прямою дорогою, устремив мысль на что-нибудь другое, хотя и подвигается вперед, однако, не замечая сего, проходит мимо того предмета, к которому спешил, – потому что незаметно и бессознательно его увлекают ноги его: так нечто подобное сему есть и сребролюбие (причиняет сребролюбие, когда, привлекая к себе очи душевные, делает то, что обладаемый им мимоходит веру)». Настроение сердечное у сребролюбца несообразно с верою: вера повелевает уповать на Бога, а он уповает на богатство; вера запрещает высокоумствовать, а он высокоумствует (ниже – стих 17); вера не велит похотствовать, а он расплачивает похоти и прочее. Таким образом сребролюбие самым вселением своим в сердце делает то, что любитель его мимоходит веру. «Ибо любитель стяжаний как будет веровать Евангелию, вводящему нищету (любовь к ничего-неимению)? Невозможно это» (блаженный Феофилакт).

Но от сребролюбия бывает не такое только сердечное уклонение от веры, но и видимое отступление от нее, или отречение, когда из-за веры приходится много терять в производстве стяжаний. Любитель их и отступает от веры, чтоб не лишиться их. Верно, в многолюдном и нескудном богатыми Ефесе бывали такие опыты. Апостол ими и пользуется для очевиднейшего представления зловерности сребролюбия.

«И себе пригвоздиша болезнем многим». – «Болезнем», οδυαις, – болезнованиям, прискорбностям, чувствительным очень беспокойствам. «О двух вредных следствиях (сребролюбия) упоминает Апостол (отступлении от веры и уязвлении себя болезнованиями); но то, которое казалось для

них более тяжким, он поставляет здесь на последнем месте, то есть: «пригвоздиша себе болезнем». И этого нельзя иначе узнать никому, как только живя близ богатых. Сколько они плачут, сколько они рыдают!» (святой Златоуст). «Страсть к обогащению не только препятствует соблюдать должные отношения к Богу в вере, но и самих любителей своих чувствительно уязвляет заботами, отнятием сна, страхами» (Экумений). «Пригвоздиша», *περιετπειραν*, – уязвили, пронзили. Святой Златоуст говорит посему: «видишь ли, на что он намекает, говоря: *περιετπειραν*? То, что он хочет выразить этим оборотом речи, имеет такой смысл. Страсти суть терние, и подобно тому, как тернием, с какой бы стороны ни прикоснуться к нему, всякий до крови уязвляет себе руки и причиняет на них раны: так и от страстей будет терпеть то же самое всякий, кто подчинится их власти, – он душу свою подвергнет страданию. Скажи мне, сколько имеют забот, сколько огорчений те, которые бывают ими уязвлены! Того даже высказать нельзя».

Сделаем небольшую выписку и из беседы святого Златоуста, держанной по истолковании предыдущих текстов. «Будем избегать сего корня зол (сребролюбия), – и избегнем всякого зла. Ибо какое зло не от денег происходит или, правильнее говоря, не от денег, а от злого произволения тех, которые не умеют пользоваться. Потому что деньгами можно пользоваться следует, можно, при их содействии, наследовать Царствие. Но ныне то, что дано нам для вспомоществования бедным, для прославления Бога и благоугождения Ему, мы обращаем не во благо сих несчастных, а во вред душе своей и чрез это оскорбляем Бога. – Итак, какое зло не происходит от любоимания? Не отсюда ли хищение, вопли, вражды, брани и споры? Одержимые сею страстию разве не простирают своих рук даже на умерших, даже на отцов и братьев? Разве не ниспровергают законов природы, заповедей Божиих и вообще всего? Итак, не будь любви к деньгам, и прекратится война, прекратятся брани, прекратится вражда, прекратятся раздоры и любовь к спорам. Корыстолюбцев надлежало бы изгнать из вселенной, как губителей и волков. Люди, жадные к деньгам, всё приводят в совершенное расстройство. Человек, жадный к

деньгам, не знает ни одного друга. Что я говорю, друга? Он не знает даже Самого Бога. – Раскрой его душу, – и найдешь, что она вооружена не одним мечом и не двумя, а бесчисленными; она никого не уважает, но бесится на всех, – на всех нападает и на всех лает; она убивает не собак, а человеческие души и громко изрыгает хулы на самое небо. От неистовой любви к деньгам все погибло. И не знаю, кого стану винить; до такой степени зло сие овладело всеми, – правда, одними в большей, другими в меньшей мере, однако, – всеми. И подобно тому, как сильный огонь, будучи брошен в лес, все ниспровергает и опустошает, – так и эта страсть губит вселенную: цари, правители, частные люди, нищие, женщины, мужчины, дети – все в равной мере поработились злу сему. Как будто вследствие какого-то мрака, объявшего вселенную, никто не выходит из опьянения. Правда, против любостяжания бесчисленные выводят обвинения и в частном разговоре, и среди народа; однако исправления нигде не видим. Что же? Ужели нет возможности погасить сей пламень? Есть, хотя бы он поднялся даже до самого неба. Нам стоит только захотеть, – и мы без сомнения погасим сей пламень. Ибо как он усилился вследствие нашего желания, так от желания и уничтожится. Разве не свободная наша воля зажгла его? Следовательно, свободная воля в состоянии будет и погасить. Только пожелаем сего. Но каким образом может породиться в нас такое желание? Если обратим внимание на суетность и бесполезность богатства, на то, что оно не может нам туда сопутствовать, что и здесь оно оставляет нас, что, хотя оно здесь только имеет место, однако язвы от него идут с нами туда; если посмотрим, как велики там готовые богатства, – так что если сравнить с ними земное богатство, то оно покажется ничтожнее грязи; если заметим, что оно подвергается бесчисленным опасностям и самое удовольствие него мимолетное смешано с горестями; если прикуем взор к иному богатству, то есть тому, которое уготовано в вечной жизни, и чрез то породим презрение к богатству земному; если рассудим, что последнее, нисколько не умножая ни славы, ни здоровья, ни чего-либо другого, погружает, однако ж, нас в бездну пагубы; если примем в

чувство, что, несмотря на то, что здесь! бывает иной богат и имеет много слуг, отходя туда, отходит он одиноким и нагим. Если мы будем часто повторять и слышать это от других, то, может быть, возвратится к нам здравие и мы избавимся от этого тяжкого наказания».

ββ) Сих бегай (1Тим. 6:11–16)

Изображение худых последствий от любоимания уже само отталкивало от него; несмотря, однако ж, на то, святой Павел счел нелишним прибавить: X) прямое внушение: «сих бегай» (1Тим. 6:11) – и, в противовес заботам о суетных стяжаниях, указать: Z) неустанную («гони» (1Тим. 6:11)) заботу о стяжании всякой добродетели в надежде блаженной вечности (1Тим. 6:11, 12), присовокупив: Y) заклинание именем Божиим исполнить сию заповедь незазорно до пришествия Господня (1Тим. 6:13–16). Эти уроки даются святому Тимофею не в том, конечно, смысле, чтоб он имел в них нужду, но в том, чтоб дать ему руководство, как пасомых отклонять от любоимания и куда их вместо того направлять. Можно и так думать, что в лице святого Тимофея уроки сии даются всем христианам, и наипаче пастырям и архипастырям.

X) Прямое внушение (1Тим. 6:11)

1Тим. 6:11. Ты же, о, человеце Божий, сих бегай.

«Человеце Божий». «Великое достоинство! Правда, все люди – Божии, но преимущественно праведные, – не по той причине только, что они создания Божии, но и по причине своей близости к Богу» (святой Златоуст). «Человек Божий – великая похвала. Так назван был и великий Илия, так названы и многие из Пророков, не потому, что иные – не Божии человеки (ибо все Божии твари), но сохранившие в себе (или восстановившие) первоначальные черты создания поистине называются человеками Божиими. Так все – рабы Божии, как твари; ибо и злочестивый Навуходоносор – Божий раб; но он раб по естеству, а Авраам, и Давид, и Павел, и подобные им – рабы по приверженности. Ибо сказано: «Авраама ради раба Моего» (Быт. 26:24), и: «Давида ради раба Моего» (3Цар. 11:13), и: «Павел, раб Иисус Христов» (Рим. 1:1)» (блаженный Феодорит).

Человек Божий страхом Божиим водится и всячески угождать Богу старается. Из числа таких особенно суть Божии человеки – те, которым вверяются от Бога особые некоторые дела, которые не только к дому Божию принадлежат, свои суть Богу, но и поставляются правителями по дому. К таким принадлежал и святой Тимофей. Почему и назван Божиим человеком.

В этом наименовании сокрыто уже побуждение к: «сих бегай», – к беганию любоимания и соединенных с ним неправостей и тревог. поскольку ты – Божий человек, то тебе совсем не пристало гоняться за стяжаниями. Имеешь Владыку, – богатого всем, и в Нем Отца многопопечительного. Если станешь гоняться за стяжаниями, то подвергнешь хуле Владыку своего и Отца. И некогда тебе этим заниматься. Есть у тебя дело, которое должно поглощать все твое внимание и наполнять все твое время. «Если ты – человек Божий, то не ищи излишнего и не ведущего к Богу, а напротив, бегай сего» (святой Златоуст). «Если ты человек Божий, то не ищи того, что отвращает от Бога (и дела Божия), но – что? Бегай сего» (блаженный Феодорит). «Бегать любостяжания внушает и заповедует человеку Божию, чтоб и здесь быть ему безопасну, и в будущем получить богатое воздаяние. Ибо не несправедливо увенчать презирающего то, к чему очень многие льнут и влекутся» (Амвросиаст) – Так тебе, человек Божий, неуместно обременять себя любостяжанием, если б даже это было делом позволительным. Но когда знаешь, что оно противно Богу, что Бог отвращается от него, как от идолослужения, то тебе следует не тихо отступать, а бежать от него. Говоря об инакоучителях, написал: «отступай» (1Тим. 6:5). Помянув о «бабьих баснях», приложил: «отрицайся» (1Тим. 4:7). От любостяжания же и сребролюбия, говорит, «бегай», как от огня, как от верной пагубы.

З) Указание заботиться о стяжании добродетели (1Тим. 6:11, 12)

1Тим. 6:11. Гони же правду, благочестие, веру, любовь, терпение, кротость.

«Бегай», – не в пустоту направляясь, но устремляясь на противоположное тому, от чего бежишь: «гони же правду» – и прочее. Там: «бегай», – здесь: «гони». «То и другое делай с напряженным усердием» (святой Златоуст). «Не сказал: отступи и приступи, но: «бегай» – и: «гони» (блаженный Феофилакт).

«Гони», говорит, и указывает разные добродетели, как цель гнания. поскольку это «гони» противоположно «бегай», – а бегать заповедует любостяжания: то все сии добродетели надобно здесь понимать – поколику они противоположны любостяжанию, или поколику нестяжательность дает их проявлению и упражнению пространное поприще, или поколику стяжание их ведет к нестяжательности и утверждает в ней. «Повелевает Апостол человеку Божию бегать любостяжания «тещи» вслед правды, благочестия и прочего, о чем поминает, потому что его нельзя избежать, не прилепившись к тому, что ему противоположно» (Амвросиаст).

«Гони правду». Будь алчущ и жаждущ правды, как и Спаситель заповедал (Мф. 5:6). Строго соблюдай законы справедливости во всем, – в помышлениях о других, в отношениях к ним словом, в сделках с ними и в столкновениях – и тем паче в судах. Всякому воздавай свое. На милость нет закона; а правда свою определенную имеет меру, отступление от которой, и небольшое, вводит в неправду. Соблуди тебе такой образ действия нельзя при любостяжании. Оно на всяком шагу будет вязать тебе руки и путать ноги. При нем весы твоей правды не могут стоять право, а все будут клониться на кривду. Только нестяжательность даст тебе полную свободу действия; только при ней цвести может правда твоя и дела твои беспрепятственно будут «тещи» путем ее. «Правду внушает, – чтоб никого не олихоимствовать, как делают хотящие богатиться» (блаженный Феофилакт).

«Благочестие – гони». «Благочестие» – настроение сердца в отношении к Богу в духе веры. поскольку оно направление свое получает от веры, то в нем заключается и «догматов содержание» (святой Златоуст, Экумений, блаженный Феофилакт). Но само по себе оно собственно слагается из чувств и расположений к Богу, возникающих и зреющих под

влиянием искренней сердечной веры. Такое настроение у нестяжательного естественно, а у любостяжательного ему быть нельзя, как нельзя птице летать с оледеневшими крыльями. У нестяжательного сердце отрешено от вещественного и тварного и дух свободен. Как он по природе своей ищет жить в Боге, то, получив свободу, к Богу устремляется, и Им жить начинает, и, с сей высоты приникая к сердцу, преисполняет его благоговейными чувствами к Богу, в многообразных оттенках, зависящих то от воззрений к Богу в разных отношениях (существо Божие, свойства, действия), то от разных своих ему состояний. Совокупность всех их и есть благочестие, которого и признаком служит не иное что, как присутствие и движение тех чувств. Любостяжание, напротив, отягчает сердце «печальми житейскими» (Лк. 21:34) и обременяет ум многопопечительностью (Прем. 9:15). Внимание к требованиям духа отходит, и он гложет. Вместе с ним заглушаются и все чувства к Богу, и благочестие остается только в видимых проявлениях его заведенными к тому порядками в Церкви. Весь строй внутренний тогда у человека бывает земен: грудью пресмыкается он по земле и питается землею.

«Гони веру». Вера здесь – не исповедание догматов, а уверенность в Боге, коею исполненный верует, что Бог не оставит раба Своего, вседушно Ему работающего. Почему и не томит себя заботою об утрешнем, как и Спаситель повелел (Мф. 6:25–34). Приступающий работать Богу как следует жизнь свою отдает в руки Божий и уже не возвращается к заботе о себе. Он не лежит праздно; но заботы не имеет, а покоится в Боге, доволен бывая, что подает Бог, – и куском хлеба, и даже ничем. Забота о себе есть болезнь неверующего сердца. Она раскрывается из чувства необходимых потребностей, неруководимого верою. Начинается с малого, но не стоит на одном, а растет и быстро вырастает в многозаботливость. Как растет забота, так вместе же растет и любоимание. Когда простая забота станет многозаботливостию, тогда в основе ее есть уже и любостяжание полное. По мере многозаботливости и любостяжания гаснет вера. В последних степенях их и следа ее уже не остается. Вера не отнимает труда и снискания

потребного, но освящает их и руководит, держа сердце свободным от пристрастия и привязанности к снисканию и снискиваемому и вместе с тем прогоняя лень и праздность. При этом настроении пусть и богатство потечет, вера не даст сердцу приложиться к нему. Она сохранит сердце богатого в чувствах приставника Божия, Божия прикащика. В этом духе ниже дается и заповедь богатым (1Кор. 6:17–19).

«Гони любовь». Любовь «не ищет своих си» (1Кор. 13:5); почему не станет перетягивать на свою сторону того, что должно принадлежать другому, и на просьбу нуждающегося не скажет: себе нужно. Ее природа совершенно противоположна любоиманию и любостяжанию: ибо она не любит собирать и удерживать для себя, а расточать и раздавать. Почему, любовь ли стяжешь, погасишь любостяжание или, любостяжание прогонишь, проложишь дорогу любви. Стань помогать другим из своего и благотворить, – расслабишь узы любоимания и восприимешь зачатки любви. Продолжай богатиться добрыми делами (ниже: 1Тим. 6:18), – узы любоимания совсем спадут и воцарится любовь. Как, напротив, станешь скупиться, – ту же стянешь себя узами любоимания и восприимешь ожестечение сердца. Продолжи такую жизнь, – сердце ко всем окаменеет, а узы те и самого тебя душить станут, доведши тебя до того, что тебе жаль будет и на себя что-либо истратить. А откуда зависть, вражда, подыскивания, суды, смертельная ненависть, убийства и всякие нестроения? Все напаче от любоимания. Где любовь, там всему этому нет места. Растапливая узы любоимания, она и все худые последствия отстраняет.

«Гони терпение». Не ищущий многого естественно довольствуется малым; а это требует терпения. Почему положивший быть нестяжательным должен запастись терпением, положив его в основу своей доброй решимости. Отчего ищут многого? От саможаления, от того, что жаль себе отказать; а себе жаль отказать, потому что отказ скорбь причиняет; скорбь же при отказе бывает от неумения, неготовности и нехотения терпеть. Положивший не гоняться за многим наперед просмотрел уже все сии скорбности, лишения, тяготы, – и имеющие возникать по поводу их припадки

саможаления, – и все решился терпеть. Оттого никакие случайности скорбные, зависящие от неимения многого, не смущают его, но благодушно и легко переносятся бывают. Почему и сказал Апостол: «гони терпение», в той мысли, что если догонишь его и овладеешь им, то подсечешь все зародыши саможаления, а с этим отворишь всякое возбуждение позывов к многоимению. – Но требование нестяжательности не есть требование ничего-неимения, а только непристрастия к имению и способам стяжания его. И многое имеющий может быть нестяжательным. Но такому для удержания в себе нестяжательности и для действия в духе ее еще более нужно терпение. И тут руку помощи самую сильную подает ему любовь, которая «вся терпит» (1Кор. 13:7).

«Гони кротость». Кротость противоположна гневу, серчанию и всяким чувствам неудовольствия на других за что бы то ни было. Это чувство возникает от всего, что каким-нибудь образом тревожит наше самолюбие; но самое широкое поле для распложения сего зелия представляет любоимание. Не тронь, это мое. Таков закон любостяжания. Тронет кто, – и пошли неудовольствия, серчание, гнев, вражда, ненависть. Кто же непристрастен к стяжаниям, тот свободен от всех таких тревог, хотя проходит те же случайности житейские, которые крайне возмущают других. Видимо посему, что с нестяжательностью естественно сочетана кротость. Почему в словах: «гони кротость» – надо видеть вместе урок: будь нестяжателен, потому что иначе нельзя тебе быть кротким. Но кротость может иметь и другие источники – любовь, преданность в волю Божию и подобное. – Вошедши же в сердце, она вместе с своими родителями подсекает и любостяжание. Почему в кротости можно видеть и средство против сей страсти. Гони кротость, и она, водворившись в сердце, поможет тебе невозмутимо блюсти нестяжательность.

1Тим. 6:12. Подвизайся добрым подвигом веры, емлися за вечную жизнь, в нюже и зван был еси, и исповедал еси доброе исповедание пред многими свидетели.

Урок продолжается. Потому и эти слова надлежит рассматривать в том же направлении, как и предыдущие, то

есть в их отношении к нестяжательности или любостяжанию. — «Подвизайся добрым подвигом веры». Подвиг предполагает не только усиленный труд, но и борьбу для преодоления препятствий внутренних и внешних, когда требуется не с делом только каким сладить, но при этом себя одолеть и все, что в себе восстает против него, и против других устоять, и над течением обстоятельств взять верх. В отношении к вере подвиг есть уверование, потому что надо и свой ум и волю подклонить под иго веры, и от прежней веры отстать, и с прежними единоверцами разойтись; еще больший подвиг есть и свое внутреннее, и свое внешнее наладить по духу веры, что всегда требует немалой перестройки порядков установившейся жизни своей; затем подвиг есть стоять твердо и в веровании, и в жизни по вере, — каковой подвиг наипаче труден и высок во время гонения и нападков на веру и верующих. Всё это общие всем верующим подвиги; но есть и особые, на некоторых только лицах лежащие подвиги веры, именно распространение веры и руководство других в деле веры, — подвиг Апостольский и пастырский. Какой в настоящем месте разумеать подвиг веры? Все, исключая подвига уверования; но особенно последний — Апостольский и пастырский. Святой Тимофей давно уже уверовал и познал веру во всей широте; об этом и поминать нечего. Но подвиг хранения веры и жизни в духе веры, подвиг перенесения искушений по причине веры, у пастыря же подвиг научения и руководства пасомых никогда не прекращается. Их все и можно разумеать в настоящем месте, как и делают наши толковники. Святой Златоуст говорит при сем о подвиге хранения веры и жизни в духе ее. «Требуется не только исповедание (принятие веры, уверование), но и стояние в нем, дабы постоянно пребывать в принятом исповедании; а для сего по всей справедливости нужны великие подвиги и немалые труды, чтоб не уклониться с правого пути; потому что много предстоит соблазнов, много препятствий. Вследствие сего тесен и прискорбен путь сей. Поэтому надо отовсюду оградить себя, надо со всех сторон надлежащим образом вооружить себя. Отовсюду появляются бесчисленные приманки, которые привлекают к себе душевные очи, именно — утехы, деньги,

прельщение, леность, слава, гордость, власть, любоначалие, – и появляются со светлым и приятным лицом, способным привлечь к себе тех, которые подчиняются их влиянию и не очень любят истину, ибо она жестка и не содержит в себе ничего приятного. Почему? Потому что она всевозможные утешения обещает только в будущем, между тем как эти предметы уже теперь обещают почести, удовольствия, покой, конечно, не истинный, но имеющий только наружный его вид. Вследствие сего всякий сластолюбивый, изнеженный и слабодушный прилепляется к ним, бежа от трудов, сопряженных с добродетелию». – Экумений пишет о претерпении искушений за веру: «подвиг веры есть и все сказанное (в стихе 11: правда, благочестие и прочее), и мужество в искушениях за веру». Блаженный Феофилакт поминает и о трудах пастырства: «подвизайся, – говорит, – добрым подвигом веры», – то есть стой за веру твердо и непоколебимо и ревнуй о ней и силою слова, и чистотою жизни».

Как такого рода подвиги служат противоядием любостяжанию и крепкою основою нестяжательности, очевидно само собою. Дух жизни по вере есть от всего отрешенный и, следовательно, нелюбоимательный; искушения за веру, подобно огню, переплавлением очищающему металлы от сторонних примесей, выжигают всякие пристрастия к земному; пастырские же заботы, кроме сего, и времени не оставляют заняться стяжаниями. Почему Апостол и написал о подвигах: «подвизаясь от всех воздержитесь» (1Кор. 9:25) и: «Никтоже... воин бывая обязуется куплями житейскими» (2Тим. 2:4).

«Емлися за вечную жизнь». Это прямо отрицает любостяжание. Взяться за вечную жизнь значит всю душою и всем сердцем взыскать ее. Взыскивать при сем стяжания уже нечем: и мысли, и желания – все переселены в область вечной жизни; для стяжания чего-либо временного не остается уже сил. И Спаситель сказал, что нельзя Богу работать и мамоне. Работы сии взаимно себя исключают. Почему возьмись за вечную жизнь, – и погасишь любостяжание, восприяв вместо него нестяжательность. К тому же, взявшись за вечную жизнь, надо уж и дела направить исключительно к стяжанию ее, – а они все

держатся на самоотвержении и любви – деятельных, – кои обе суть для любостязания «огнь поядающий» (Втор. 4:24).

«В нюже и зван был еси». Обетование жизни вечной входило в предметы первого оглашения приходящих к вере. Проповедники с одной стороны представляли уму: «открывается гнев Божий с небеси» (Рим. 1:18), – с другой: «живот вечный возвещаем вам» (1Ин. 1:2). Оттуда страх, отсюда сладкая надежда и влекли к вере, предлагая в ней средство зараз и от гнева избавиться, и вечного блаженства сделаться наследниками. И во все времена эти два побуждения привлекали и привлекают к вере, держали и держат в ней не холодными, а воодушевленными любителями ее. Апостол напоминает святому Тимофею: помнишь, что привлекло тебя к вере? Сладкая надежда вечных благ. Они и обещаны были тебе от лица Божия, так что ты прямо в жизнь вечную и зван, и, окрестившись, записан в наследники сей жизни, – в наследники Божий, сонаследники же Христовы (Рим. 8:17). Так тебе, таковому сущу, не пристало любостязательничать: ибо это значило бы золото и камень драгоценное променять на сор и плевелы. – Это и всем можно напоминать. Ибо «всякий приступающий ко крещению в жизнь вечную зовется» (Экумений).

«И исповедал еси доброе исповедание пред многими свидетели» – «Исповедание» – разумеется веры, которое добро есть, когда совершается небоязненно, с дерзновением, без всяких колебаний, с полной уверенностью в истине. Про какое поминается исповедание? Исповедание бывает при крещении; провозглашается исповедание пред мучителями; дается оно и пред рукоположением. Какое здесь? Меньше всего последнее. Уместно первое; на него наводит предыдущее: «зван был еси» – и то обстоятельство, что святой Тимофеей рекомендован был апостолу Павлу от всех верующих на своей ему родине, как жаркий ревнитель веры (Деян. 16:2). И еще более уместно второе. Сопутствуя Апостолу, святой Тимофеей всюду являл исповедание веры; так что свидетельницею его исповедания была вся вселенная. Святой Златоуст говорит: «Апостол хвалит здесь дерзновение и мужество святого Тимофея; ты, говорит, на

всех местах являл свое доброе исповедание». Блаженный Феофилакт пишет: «хвалит его дерзновение и мужество, как исповедавшего Христа среди опасностей. Или говорит об исповедании, бывающем при крещении, когда мы исповедуем, что отрицаемся от сатаны и сочетаваемся Христу».

Что есть такое исповедание для любостяжания и нестяжательности? То же, что и добрый подвиг веры. К тому же исповедающий Христа пред лицом смерти, внутреннейше и существенно от всего отрешается; но вместе с тем преисполняется неописанно ублажающими чувствами от действительного при сем общения с Господом, Который близ есть. Память о сем потом не отходит; намеренное же воспоминание о том восстанавливает всякий раз в силе и полное отрешение, и всеблаженное вкушение Господа. Таковому где взять вкуса для тленных стяжаний?!

У) Заклинание именем Божиим (1Тим. 6:13–16)

1Тим. 6:13, 14. Завещаваю ти пред Богом оживляющим всяческая, и Христом Иисусом свидетельствовавшим при Понтийском Пилате доброе исповедание: соблюсти тебе заповедь.

Дается завещание пред лицом Бога вездесущего и всеоживляющего. Это равносильно заклинанию именем Бога, которое вяжет совесть и обязывает к точному исполнению завещаемого. В настоящем месте оно усиливается еще напоминанием о втором пришествии Христовом и особенно впечатлительных свойствах Божиих – Вседержительстве, неприступности и невидимости – всевидящей. Святому Тимофею едва ли нужно было такое напряженное внушение. Делается оно в показание важности предмета – нестяжательности пастырей, причем в лице святого Тимофея Апостольский дух обнимал всех пастырей до скончания века и в среде их очень многих, которым крайне необходимо такое внушение. Амвросиаст пишет: «с большою внушительностью и прозрением в далекое дает Апостол наставления пастырю Церкви; ибо в его лице – спасение всей паствы. Не о святом Тимофее беспокоясь, он так сильно выражается, но о преемниках его, чтоб они, примером святого Тимофея

руководясь, верно соблюдали, к чему обязывало их рукоположение, в себе самих передавая пример сей и последующим за ними преемникам».

«Завещаваю ти пред Богом». «Опять призывает во свидетели Бога, подобно тому, как незадолго пред этим делал сие (1Тим. 5:21), – в одно время и умножая страх, и содейвая ученика своего непоколебимым, и открывая, что это не человеческие распоряжения, дабы святой Тимофей, приемля заповедь сию как бы от Самого Господа и дабы всегда имея в мысли свидетеля, от которого он слышал ее, воспоминанием об этом приводил в сотрясение душу свою» (святой Златоуст).

«Пред Богом, оживляющим всяческая». Мысль о Боге вездесущем, всесодержащем, всему дающем бытие и жизнь, самое сильное дает возбуждение нравственной энергии; ибо оживляет чувство всесторонней зависимости от Бога, на коем утверждается и коим живится страх Божий – источник деятельной премудрости. Если предметом завещания признаем нестяжательность, то можем положить, что напоминание о Боге всеоживляющем дается с тем, чтоб восставить убеждение, что «не о хлебе едином жив бывает человек» (Мф. 4:4), и тем отнять самую крепкую опору и заботы о стяжаниях; ибо она поддерживается наипаче опасениями за жизнь при ничегонеимении. «Апостол говорит здесь, как бы так выражаясь: не бойся смерти, ибо ты раб Бога, Который может все оживотворить» (святой Златоуст). Если предметом завещания признаем вообще веру Христову и ревность о ее распространении и поддержании, то напоминание о Боге всеоживляющем дано «как ободрение в опасностях, сопряженных с тем: ибо если Бог все животворит, то чего нам бояться подвигов за веру?» (Экумений). Может быть, имелось в виду навести мысль и на будущее воскресение (святой Златоуст, блаженный Феофилакт) и напомнить слово Господа: «веруяй в Мя, аще и умрет, оживет» (Ин. 11:25). Не неуместно сие допустить как предначатие последующей речи, где говорится о втором пришествии Господнем.

«И (пред) Христом Иисусом свидетельствовавшим при Понтийстем Пилате доброе исповедание». Это второе

напоминание к возбуждению и укреплению нравственной энергии. Христиане живут и дышат Христом Господом. Почему напоминание о Господе Спасителе всегда вызывает помышление самое возбуждательное и оживительное. С этою целию оно и здесь сделано. «Еще и от примера Учителя берет он руководительное наставление. Сказанное им имеет такой смысл: как Он делал, так, говорит, и вы должны делать. Ибо Он для того свидетельствовал (доброе исповедание), чтобы мы по следам Его шли в (сем) добром исповедании. То же самое внушает Апостол и в Послании к Евреям, говоря: «взирающе на начальника веры и совершителя Иисуса, Иже вместо подлежащая Ему радости, претерпе крест, о срамоте нерадив, одесную же престола Божия седе» (Евр. 12:2); и опять: «Помыслите убо таковое Пострадавшего от грешник на Себе прекословие, да не стужаете душами своими» (Евр. 12:3)(святой Златоуст).

Но к чему возбуждает и что подражанию представляет здесь такое напоминание? Самое ли доброе исповедание, то есть содержание его, или непоколебимое мужество, с каким оно дано пред лицом смерти? – И то и другое. Предмет доброго исповедания Господня есть уверение, что Он есть Сын Божий воплотившийся, чтоб водворить среди людей истину. Святой Златоуст спрашивает: «что называет здесь Апостол добрым исповеданием Господа?» И отвечает: «то, что, будучи вопрошен от Пилата: «убо Царь ли еси Ты?» – Он отвечал: «Аз на сие родихся и на сие приидох в мир, да свидетельствую истину» (Ин. 18:37). Или для сего так говорит, или для того, что, будучи вопрошен: Сын ли Он Божий? – сказал: «вы глаголете, яко Аз есмь» (Лк. 22:70). Такое свидетельство дано и пред Пилатом, – только не словом, а неответанием на вопрос или молчанием и сказанными затем словами (Ин. 19:7–11)». Экумений прямо и понимает здесь под исповеданием то, что Господь «засвидетельствовал, что Он есть Христос, Сын Божий». Но в этом существе нашей веры, совершающей спасение людей. Почему блаженный Феодорит пишет: «добрым исповеданием Господа назвал Апостол спасение вселенной. Ибо за спасение оной претерпел Господь страдание». Отсюда Амвросиаст

наводит: «о страдании Христа Господа напоминает, чтоб страх навел, внушая, что тот по справедливости должен и быть признан виновным в сем страдании, кто презирает то, для чего пострадал Христос». после сего намерения Апостола в напоминании и добром исповедании Христа Иисуса пред Пилатом можно выразить так: исповедуя Христа Иисуса Сыном Божиим, воплотившимся и пострадавшим нашего ради спасения, будь и сам готов все, даже смерть, претерпеть за веру в Него за жизнь по Духу Его. Это то же, что пишет святой Петр: «Христу убо пострадавшу за ны плотию, и вы в ту же мысль вооружитесь» (1Пет. 4:1). Применяя это к предмету речи, видим здесь сильнейшее побуждение и к нестяжательности, и к не боязненному исповеданию веры словом и делом, и к доброму пастырствованию. Последнее видит здесь блаженный Феодорит, -пиша: «такое свидетельство (Христово) Апостол представляет ученику своему (в пример), чтоб и он с большим усердием настраивал своих учеников», не боязненно и не утомимо свидетельствуя пред ними и пред всеми, в чем истина о Христе Иисусе Господе нашем.

1Тим. 6:14. Соблюсти тебе заповедь нескверну и незазорну, даже до явления Господа нашего Иисуса Христа.

Какую заповедь? Сию, то есть заповедь о нестяжательности. Так заставляет разуместь течение речи. Можно такой смысл дать и слову блаженного Феодорита, который пишет: ««соблюсти тебе заповедь», – то есть сие самое, о чем пишу» – Пишется же – впереди предостережение от любостяжания в заповеди: сего бегай, а гонись за всякою добродетелию, – а после даются уроки о спасительном употреблении богатства. Следовательно, совершенно уместно под заповедью разуместь здесь внушение – сохранить себя непричастным этой губительной страсти любоимания.

Но все другие наши толковники под заповедью разумеют здесь веру и жизнь по вере. И блаженный Феодорит в обязательстве соблюсти заповедь нескверною и незазорною видит урок: «к Божественному учению не примешивай чуждого», то есть блюди христианское учение чистым. Другие же к верованию чистому прилагают и жизнь непорочную. Святой

Златоуст говорит: «соблюсти тебе заповедь нескверну» – значит: чтоб ни за верования, ни за жизнь не навлекал ты ни малейшего укора». Экумений и Феофилакт: «чтоб ни в догматах, ни в жизни ты ничем не пятнал себя».

Принимая такую мысль, надо будет все сие завещание Апостола (1Тим. 6:13–16) признать заключительным словом Послания; последующую же за сим речь Апостола – припискою, с отношением, однако ж, ее к предыдущему слову против любостяжания. Кончив завещание с молитвенным обращением к Богу, Апостол припомнил, что относительно стяжаний не все сказано, – и именно, что не стяжания виноваты в пагубности их, а недолжное их употребление, и прибавил, как должно употреблять богатство не на вред спасению, а в пособствование к нему. Сказав же это, повторяет будто завещание, говоря вместо: соблюди заповедь – «предание сохрани» (1Тим. 6:20), которое слово можно признать и истолкованием предыдущего: «соблюсти заповедь».

«Заповедь нескверну и незазорну». Заповедь всегда чиста, нескверна и незазорна, сколько ее ни нарушай кто. Но кто нарушает ее, тот себя сквернит тем, что противоположно заповеди, и делается чрез то зазорным.

«Даже до явления Господа». Не то значит, чтоб предсказывалось святому Тимофею продолжение жизни до пришествия Господа, а выражается лишь: навсегда, до скончания жизни своей; ибо для каждого переход из сей жизни в другую есть момент предстания Господу и, следовательно, явления ему Господа, ἐπιφανεῖα. Святой Златоуст говорит: «до явления Господа», – то есть до твоей кончины, до исхода твоего. Не сказал он так (буквально), но сказал: «даже до явления Господа,» чтобы больше ободрить его», – чтоб «больше оживить и возбудить его ревность напоминанием о явлении Господа, напоминая и о страшной оной славе» (Экумений, блаженный Феофилакт), – и той, которая имеет сопровождать являющегося на суд Господа, и той, которая, по суде, сделается наследием верующих, блаженной жизни удостоенных. – Или в таком же смысле сказал так Апостол, в каком Господь сказал Апостолам: «се, Аз с вами есмь во вся дни

до скончания века» (Мф. 28:20). В лице Апостолов Господь видел всех верующих и их ублажил таким обетованием. И здесь Апостол в лице святого Тимофея видел всех архипастырей и пастырей и в закон им поставил друг-друго-приимательно блюсти заповедь сию (веру ли Христову разуметь здесь или только нестяжательность) до явления Господа, до второго Его пришествия, всеобщего воскресения, суда и окончательного решения участи всех, внушая им сие предостережение: «бдите, яко не весте, в кий час Господь ваш приидет» (Мф. 24:42).

1Тим. 6:15. Еже во своя времена явит блаженный и един сильный, Царь царствующих и Господь господствующих.

Помянув о явлении Господа и тем приведши на память и прочее, соприкосновенное с ним, – воскресение, суд, вечное блаженство и вечные муки, – для возбуждения бодренности и бдительности в соблюдении заповеданного, – Апостол, для той же цели, живописует теперь свойства Бога, имеющего произвести все сие, углубляя вместе с тем убеждение, что так точно будет. Для чего это делает Апостол, святой Златоуст объясняет так: «хорошо сделал Апостол, предложив такое богословие. Это и нужно было. Ибо так как он призвал Бога во свидетели, то говорит много о сем свидетеле, чтобы глубже напечатлеть помышление о Нем» – и тем усилить бдительность и ревность. А блаженный Феодорит пишет, что Апостол изображением того, «что свойственно и принадлежит Богу, имел намерение подтвердить учение о воскресении, суде и воздаянии», – оживить и усилить убеждение в том с тою же целью, – то есть чтоб оживить ревность; ибо ничто столько не сильно поддерживать нравственную энергию, как память о последних.

Явление Господа явит Бог, – Бог Триипостасный. Явится Сын воплотившийся, по воле и благоволению Отца в общении с Духом Святым, как было и первое явление для устройства спасения. «Во своя времена» – в то время, которое держится в тайне Божества и Ему Единому ведомо, – «то есть во время приличное, должное» (святой Златоуст), -"предопределенное» (Экумений, блаженный Феофилакт). Сказал сие Апостол, чтоб пресечь столь свойственное немощи человеческой покусение

определять момент явления Господа и вместо того настроить – ожидать Его каждую минуту. Явится Господь несомненно и решит участь твою навсегда. Что тебе нужды знать, ныне или завтра явится? Будь готов, – вот что нужно!

За сим живописуются наиболее впечатлительные свойства Божества. На первом месте поставляется блаженство Божие. Блажен Бог Сам в Себе и достоин убажания от всех различных тварей, то есть вседоволен, всесовершен, полнота всего, почему и всехвальный. «Он есть самоблаженство» (святой Златоуст). Если Он всеблаженство, то ничего более не желает, как того, чтобы всех убажить, всех сделать блаженными. Страшно явление Господа, ибо сопровождаться будет страшным судом; но оно и безмерно обрадовательно, ибо положит начало всеблаженной жизни, «где не будет уже ни печали, ни воздыхания» (святой Златоуст). Только будь готов, – «не смотри на кажущиеся убажательными здешние блага, но к Тому Единому прилепи взор, Который есть самоблаженство» (блаженный Феофилакт), «от лица Которого бежит всякая скорбь и печаль» (Экумений), так что ты еще здесь начнешь вкушать блаженство, которое во всей силе откроется лишь по явлении Господа.

«И един сильный», δυναστης, – один Властитель. Все в Его деснице. Следовательно, Он не только хочет, но и силен всех убажить. Если взять во внимание все напоминаемое явлением Господа, будет: силен всех воскресить, собрать во едино, произвести суд, разделить одесную и ошуюю, и одних убажить, а других предать вечным мукам, – и все сие запечатлеть на вечные веки неизменным решением и определением Своим. Ибо воле Его кто противиться может? Есть и между тварями такие, которые являются облеченными царственною и господственною силою, но и они все в Его власти. Ибо Он один есть «Царь царствующих и Господь господствующих». Так благонадежен будь, что всякое обетование Божие исполнено будет неотложно. Как обетовании никто не вынуждал, а они суть дело свободного Божия благоволения, так и исполнению их никто помешать не может; и определение Божие о них измениться не изменится, ибо Бог неизменен. Так будь

благонадежен; но вместе и страшись. Ибо если всё во власти Его, то тебе некуда ускользнуть и укрыться от Него, если по несчастию прогневаешь Его и заслужишь осуждение. Обрати же всю ревность свою на то, чтоб делать одно благоугодное пред Ним и в конце явиться благоприятным Ему. «Земных же каких-либо властителей и царей не бойся» (блаженный Феофилакт), если станут с угрозами отклонять тебя от угодного Богу.

1Тим. 6:16. Един имеяй бессмертие и во свете живой неприступнем, егоже никтоже видел есть от человек, ниже видети может: Емуже честь и держава вечная. Аминь.

"«Бессмертием» называет непрестаемость» (блаженный Феодорит) – или, полнее, – то, что Он есть Сый, присносуший, источник жизни имеющий в Себе, ничего отынуды не заимствуя и никогда ничем не истощаясь. От Него и все прочее имеет бытие и жизнь. Он есть «даяй всем живот и дыхание и вся» (Деян. 17:25). Экумений задает при этом вопрос: «как говорит он о Боге, что Он один имеет бессмертие, когда и Ангелы, и души, и демоны имеют бессмертие?» И отвечает: «эти не имеют бессмертия сами по себе, но причастны суть бессмертия по благодати Того, Кто один есть бессмертен по естеству. Ибо сие, – быть бессмертными, – от Бога им дано. Бог есть, из Коего мы причащаемся, как всего другого, наилучшим представляемого, так и бессмертия». Помянул же о сем свойстве Апостол, по блаженному Феодориту, для того, чтоб, вместе с указанием на всемогущество, углубить убеждение, что Таковой силен совершить как явление Господа, так и все соприкосновенное с ним. Но если возведем при сем мысль к общему содержанию речи Апостола, – к нестяжательности; то можем сказать, что он помянул о сем свойстве, чтоб внушить: вот к Кому прилепляйся или Кого стяжать поревнуй, оставляя позади все тленное.

«Во свете живой неприступнем». «Неприступен сей свет, потому что, по причине безмерного его блистания, никто приступить к нему не может» (блаженный Феофилакт), – приступить и взглянуть; ибо от силы света зрение омрачается. Не на вещественный свет сим указывается, – хотя возможно представлять, что Бог где-либо во вселенной, являя тварям в возможном для нее величии Свое Божеское присутствие,

являет его в безмерном блистании света, – но это есть образное выражение непостижимости Божеского естества: «по невозможности исследовать самое естество Божие, указал на неприступный свет окрест сего естества» (блаженный Феодорит). Святой пророк Давид то же самое выражает словом: «тма»: «положи тму закров Свой» (Пс. 17:12). Святой Златоуст говорит: «иной ли свет Он Сам, и иной тот, в котором Он живет? («но сие неприложимо к Богу; естество Его неописуемо, а если Он живет во свете, то описуется светом» [блаженный Феодорит]). Неужели и местом Он определяется? Нисколько. Не с тою целью, чтобы мы думали сие, но чтобы показать нам непостижимость Божеского естества, сказал Апостол, что Бог живет во свете неприступном, – настолько изъясняя учение о Боге, насколько это было для него возможно. Видишь ли, до какой степени бывает немощен язык наш, когда хочет провещать что-либо великое?» «Апостол, сколько возможно, песнословит Бога и простирает взор, сколько он может достигать» (блаженный Феодорит).

«Если окрест Его свет неприступный, то как возможно увидеть Его? Почему присовокупил: «Егоже никтоже видел есть от человек, ниже видети может» (блаженный Феодорит). Не человеки только, но и все чины Ангельские, – и Архангелы, и Престолы, и Херувимы, и Серафимы, – не видят Божеского естества. Видят и они явление только Божеского величия, сколько снести могут, но не естество, которое сокровенно есть. Везде есть Бог естеством и везде сокровен. Когда Спаситель говорит, что Ангелы видят лице Отца Небесного, то лицом означает близкое и впечатлительное явление Ангелам Божеского присутствия, сколько вместимо для них, – и умное неотрываемое созерцание Ангелами Божества, сколько достижимо сие для них. Естество же Его ни для кого не зримо. «Бога никтоже виде нигдеже» (Ин. 1:18). Для всех тварей «положил Он тму закров Свой». Святой Златоуст прилагает: «и Сына никто не видел и видеть не может». – «То есть, по Божеству, – поясняет блаженный Феофилакт, – Он вииден был (и есть) только по человечеству». «И Духа Святаго Божество никто не видел, – как Отчего и Сыновнего», – дополняет Экумений. У

Апостола речь о свойствах Божеского естества, или Бога Триипостасного, Единого Нераздельного.

«Ему же честь и держава вечная» – да будет от нас воздаваема и восписуема. «Честь Его всегда, держава Его всегда пребывает» (святой Златоуст). Наш долг – благоговейно чествовать Его и песнословить, предаваясь вместе с тем всецело Его вседержительству, – непостижимому, но всегда благодетельному. «Слава Ему! мы можем это только говорить, это только делать, не испытывая, что Он есть в Себе» (святой Златоуст). «Безукоризненно мы можем это только делать, – то есть славить Его, а не любопытно исследовать Его» (блаженный Феофилакт). Можно и то подумать, что Апостол сими словами переводит внимание от мрака, покрывающего естество Божие, во мрак, скрывающий пути Божественного промысления. Он как бы говорит: не смущайся, что не все чтут Бога Триипостасного, и еще более Сына Божия воплотившегося. Это не умаляет ни Божеской чести, ни славы воплощенного домостроительства. Там и здесь честь Божия пребывает неизменною. Не смущайся также, если во вселенских явлениях и в течении дел и положений человеческих иные не видят Божия вседержительства, а может быть, и для тебя самого не ясно виден перст Божий, все движущий и всем правящий. Держава Божия не пресекается. Верь и упокоевайся в Боге, не распложая нерешимых вопросов, для чего то, от чего это. «Положим, что что-либо в настоящее время не исполняется, – держава Его вечная тем не менее пребывает» (святой Златоуст).

у) Чему же собственно учить богатых? (1Тим. 6:17–19)

Коротко о сем слово Апостола, но полно. Учи, – говорит, – чтоб богатые: αα) не высокоумствовали (1Тим. 6:17), чтоб: ββ) не уповали на богатство, а на Бога (1Тим. 6:17) и чтоб: γγ) богателись добрыми делами, сокровиществуя чрез то себе основание добро в будущее (1Тим. 6:18, 19).

αα) Чтоб богатые не высокоумствовали (1Тим. 6:17)

1Тим. 6:17. Богатым в нынешнем веце запрещай не высокоумствовати.

«Запрещай», παρὰυυελλε, – сказывай, приказывай, повелевай, – то есть не одно убеждение употребляй, но и

власть. Потому что ничто так не противно духу Христову, как те недобрые расположения, какие внедряет богатство при неразумном к нему отношении. А по Апостолу, в сонме христиан все должны быть святы и полны духа Христова. Не имеющий сего изгонялся вон. Чтоб этого не было необходимости делать и над богатыми, как делалось над блудниками, Апостол велит предупреждать сие, заповедуя богатым не допускать того худа в сердце, которое порождается богатством у не внимающих себе.

«Запрещай не высокомудрствовать». «Это заповедует он, зная, что ничто так не возбуждает надменности, гордости и высокомерия, как деньги» (святой Златоуст). Высокомудрие есть первое порождение неразумного отношения к богатству. Богатство Бог дает и, если Он не благоволит дать, не станешь богат, сколько ни усиливайся. Между тем то, как Бог подает, невидимо, свои же усилия видны, осязаемы и чувствительны. Упираясь вниманием на последнем – своем – и забывая прозревать под ним первое – Божие, иной и все уже себе приписывает, и естественно высоко о себе думать начинает. – Еще – богатство дает способы окружать себя довольством и пышною видимостию, в доме, одежде, содержании и во всем. Эта мишурная представительность, ничего существенного в себе не имеющая, набивает, однако ж, мысль, что как это внешнее все хорошо, так и обладающий им хорош сам в себе. Помышление сие переходит потом в чувство хорошества личного, или в самочувствие, от которого тотчас дается новый отпрыск высокого о себе мнения, а от этого и все проявления гордости. – К тому же ведет и честь, всеми невольно изъявляемая богатству. Ибо, когда другие чтут, как самому себя не почтить? Иной и начинает себя чтить, как высокодостойную какую особу, и на других свысока посматривать. Вот и высокомудрие. Таким образом, богатство очень скользкий путь, и само в себе представляет много препятствий к удержанию духа Христова, как и Спаситель определил: «не удобь богатый внидет в Царствие» (Мф. 19:23). «Не удобь», – а не: не может. – Апостол и руководит его к сему, – очищает ему путь к Царствию. Первое – не высокомудрствуй. Богатство – не твое; оно – текуче, ныне есть, а завтра уже его нет; оно – вне тебя и

не есть твое личное достоинство. Почему крайнее неразумие есть – высокоумдрствовать из-за богатства, когда оно ничто. Как самому богатому трудно удерживать такие мудрые помышления, то долг пастыря есть чаще напоминать ему о сем. Труби, добрый пастырь, «богатым не высокоумдрствovati». Тем богатым, которые богаты в нынешнем веке, то есть благами тленными, только в настоящем веке имеющими место. Но, прибавив это слово, Апостол сделал намек на богатство, имеющее место и вне нынешнего века, ценное и за пределами его, стяжеваемое, однако ж, в сем веке. Святой Златоуст говорит: «хорошо сказал Апостол: в нынешнем веке; ибо есть и иные богатые – в веке будущем». Блаженный Феодорит прибавляет: «ибо есть богатые будущего века, обладающие пребывающим и постоянным богатством». Это «праведные», – дополняют блаженный Феофилакт и Экумений. Как стяжать такое богатство и богатым, Апостол указывает немного ниже, именно: посредством тленного богатства, обращая его на благотворения.

ββ) Чтоб не уповали на богатство (1Тим. 6:17)

1Тим. 6:17. Ниже уповати на богатство погибающее, но на Бога жива, дающего нам вся обильно в наслаждение.

Второе порождение неразумного отношения к богатству есть упование на него. Богатство силу дает богатому, и вообще среди людей, и пред властями, не по своему существу, а по той же немощи любоимания; и богатый, успев обделать одно-другое дело посредством богатства, начинает чувствовать, что богатство – сила, что с ним все можно обделывать и всего достигать; неоднократно повторенный успех располагает его опираться на богатство, а потом – и вполне возуповать на него. И стало богатство для него – бог. Вот и пагуба. Ибо таким отношением к богатству внутренний, естеством человеческим требуемый и определяемый, строй извращается: становится во главу, чему следовало быть в ногах. По естеству человеку надлежит в Боге жить и, Ему предав себя, всецело на Него уповать; все же тварное иметь под собою, или около себя, то как совсем ненужное, то как средство побочное, подспорье. А у богатого это ненужное, ничтожное, подножное стало там, где

подобает иметь Единого Бога. – И стал он похож на ходящего на голове вверх ногами.

Это внутренний вред от упования на богатство, мысль о котором подается словом: «уповати». Но Апостол в отклонение от него представляет далее и более осязательное побуждение – неверность и непрочность богатства: «ниже уповати на богатство погибающее», μηδε ηλτικεναι επι πλουτου αδηλοτητι, – и не возлагать всецело упования своего на неверность богатства, или на неверное богатство. 'Ηλτικεναι. – возуповать, всем упованием опереться. 'Αδηλοτης – безвестность, невидность, неясность. Ясно ли видно, что будет с богатством чрез день и даже час? Никому это неизвестно, никто наверное сказать сего не может. Но в таком случае есть ли смысл полагаться на него? Что оно непрочное и непостоянное, видишь кругом: «то приходит оно к одному, то переходит к другому» (блаженный Феодорит), а у двери гроба и всех оставляет. «Зачем же надеешься ты на вещь, которая непрочна? Зачем уповаешь на то, на что нельзя возлагать упования?» (святой Златоуст). – Видишь, как он обличает уповающих на богатство, как бессмысленных? Ибо кто из смысленных станет уповать на неверное? (Экумений). – Хорошо выразил мысль Апостола наш славянский перевод: «на богатство погибающее». Оно уже гибнет, хоть кажется стоящим: вот-вот рушится. Так и чувствуй богатый, что ты будто по трясине идешь, или по хрупкому льду, или по слабой жерди над бездною. Того и гляди, что обрушишься и поглощен будешь. Богатство – крайне хрупкая опора, «неверная, легкорушимая, нестойкая» (блаженный Феофилакт). – Но у богатого богатство запорашивает глаза, и он не видит сего, – наводить его на узрение сего – дело пастыря. Толкуй, говорит, ему почаще, чтоб не уповал на богатство.

Но как человеку без упования жить нельзя, ибо глубоко лежит в нем чувство немощности своей, то Апостол и не оставляет богатого безопорным и беспомощным; но, изгнав упование на богатство гибнущее, велит перенести его туда, где его следует полагать, – «на Бога жива». Душа естественно богоуповательна, и если страсти, особенно пристрастие к богатству, не расстроивают ее, то она всегда проявляет свое

упование на Бога. Пробуждает, поддерживает и оживляет такое упование, внимание к тому, как течет жизнь наша. На опыты сии и наводит Апостол мысль, чтоб убедить, что он ничего трудноверимого не предлагает, говоря: «на Бога жива пусть уповают», – когда Он «дает нам вся обильно в наслаждение». «Хорошо сказал: «вся обильно», – указывая на небо, воду, воздух, свет, разные произрастения и все прочее. Видишь ли, как обильно и с какою щедростью доставляет Он нам все это?» (святой Златоуст, блаженный Феофилакт, Экумений). От этого данного и полученного и о прочем разумевай. Святой Павел не раз обращался в своих речах к сим естественным щедротам Божиим, чтоб в слышащих оживлять веру в Бога и упование на Него. Так, убеждая листрян обращаться к Богу живу, он говорил, – что Бог «не несвидетельствована Себе остави, благодворя, с небесе нам дожди дая и времена плодоносна, исполняя пищу и веселием сердца наша» (Деян. 14:17). Так и афинянам он толковал, что Бог хотя невидим, но «всем дает живот и дыхание и вся», – что Он «не далече от единого коегождо нас есть» и Его нельзя не осязать в естественных щедротах, от Него изливающихся на нас. «О Нем бо живем, движемся и есмы» (Деян. 17:25, 27, 28). Являясь в мир на житье временное, мы походим на странника, который заходит в дом богатого владельца, где находит кров, пищу, покой, услугу и все потребное и где, на случай особой какой нужды, его извещают: если еще что нужно, обращайся к владельцу; он все доставит. Видя такое о себе попечение, какой странник, в здравом уме находясь, не расположится полное возыметь упование на такого владельца? Так и мы, входя в мир, находим уже наперед приготовленным для нас все потребное для жизни и обетование имеем от Самого Владыки мира, что Он все готов исполнить, чего ни попросим. Разумно ли после сего будет, если мы станем не на Сего Владыку, многомилостивого и все щедрого, уповать, а на другое что?

yy) Чтоб богателись добрыми делами (1Тим. 6:18, 19)

1Тим. 6:18, 19. Благое делати, богатитися в делех добрых, благоподатливым быти, общительным, сокровиществующе себе основание добро в будущее, да примут вечную жизнь.

Восставая так против неразумного отношения к богатству, Апостол, однако ж, не говорит, чтоб бросали богатство, а только внушает обращать его на доброе употребление, чтоб таким образом самому навыку много иметь и быть богатым дать другое, душеспасительное направление. Если ты привык, говорит, богатым быть и иметь сокровищницы свои наполненными, богатись, но добрыми делами, – сокровиществуй, но на небесах для будущего века. «Если хочешь богатиться, богатись в благотворении» (блаженный Феофилакт). «Если ты ищешь богатства, ищи того, которое остается твердым и неизменным, которое происходит от делания добрых дел» (святой Златоуст). То и другое совершишь ты, обратив богатство свое на благотворение ближним своим. Все сие внушать богатым – дело пастыря.

Внушай, говорит, «благое делати», *αγαθοεργεῖν*, – благотворить. Пусть готов будет на всякое дело благое, и, как только представится случай, творит его. Как голодный о том только и думает, как бы достать что поесть, и, увидев съестное, неудержимо бросается на него, так и богатый пусть только и дум имеет, что о том, как бы кому и где добро сделать, и, как только надумает, пусть спешит на дело сие. Такой образ действия сделает то, что он будет непрестанно «богатиться в делах добрых». Богатиться добрыми делами и благотворить – одно и то же означает, – увеличивать сумму благих дел, видимо являемых. Но как под этою видимостию благою могут укрываться неблагие расположения, то Апостол и добавляет: «благородным быти, общительным». «Первое относится к деньгам, а последнее к любви» (святой Златоуст). Пусть делают все сие от души, пусть не руки только и ноги благотворят, но паче и сердце. Благороден – тот, кто охотно дает и в меру нужды нуждающегося. Сердце у него отрешено от богатства и не сжимается, когда он иждивает его, а рад бывает. Если он не все сразу и одному отдает, заставляет его так поступить не сжигание сердца, а благоразумие, благими целями руководимое. Сознывая себя Божиим приставником, всякому дает он свое житомение, то есть, вникнув в нужду, удовлетворяет ей охотно, с радостью. У Апостола и стоит:

εὐμεταδότους – благопередавательным быть, будто чужое передают, не цепляясь за передаваемое сердцем, чтоб удержать его. «Общительным», κοινωνικούς, – то есть «разговорчивым, приветливым» (святой Златоуст). «Снисходительным, сердечнoучастливым» (Экумений). Общительный не только все свое считает общим, но и всех вообще своими, не особится ни от кого, никого не чуждается, все ему как родные, со всеми радушен и приветлив и всем дает не вещи только и деньги, но и сердце, и об этом свидетельствуют и тон речи его, и взор очей, и мина, и всякое движение. За то и все считают его своим и обращаются к нему как к своему родному, с теплым доверием и уверенностью, что встретят сердечное участие.

"Сокровиществуя себе основание добро в будущее». – «Сокровиществуя», ἀποθησαυρίζοντας, – отлагая как в сокровищницу. Кто полагает что в сокровищницу, тот уверен бывает, что положенное будет цело и сохранно. Эту безопасность и прочность положенного имел в виду святой Павел, употребив сие слово. Благотворители сокровиществуют себе, прочно и благонадежно полагают доброе основание в будущее, εἰς τὸ μέλλον, – для будущего, для будущей своей участи. «Где есть твердое основание, там ничего нет неустойчивого, но все твердо, неподвижно, несокрушимо, пребывающе» (святой Златоуст). «Поелику дела добродетели несомненно упрочивают будущее, то Апостол и помянул при сем об основании» (блаженный Феофилакт). «Сокровиществуя основание» – то же, что прочное полагая основание» (Экумений).

«Да примут жизнь вечную». Вот что есть то будущее, которому прочное основание полагают добрые дела благотворения, – получение жизни вечной, блаженной. Делание добрых дел, в духе веры Христовой, обеспечивает наследие блаженства вечного. А в этом должна состоять последняя цель наших стремлений и трудов. «К тому всячески должно стремиться, чтобы положить прочное основание будущей блаженной жизни. Как же может сие состояться? Если и основание сие зложим благотворением здесь, в сей жизни. Ибо

Апостол делание добрых дел назвал основанием будущей жизни, и оно сильно доставить нам наслаждение оною жизнью» (Экумений). «Истинная жизнь есть та, которую чаем в будущем веке, которая не знает запада и не определяется временем, ибо вечна, почему справедливо и истинною называется. Настоящая жизнь есть только образ жизни, а не истина ее. Но по тому самому, что она есть образ истинной жизни, не есть совсем ничто (*inanitas* – призрак), а напротив, есть то, что дает возможность приобрести жизнь истинную. Сею, временною, стяживается та, вечная, когда путем сей спешим в ту. Как же это бывает? Когда не привязываемся к здешним благам, а посредством их стараемся обогащаться добрыми делами. Сего ради поставим себе целию стать богатыми в добрых делах и посредством земных сокровищ стяжать себе сокровища духовные; будем сеять на земле, чтоб пожать на небе, где из сеемого на земле добра слагается вечное сокровище» (Амвросиаст).

Послесловие (1Тим. 6:20, 21)

Коротко; ничего стороннего не касается, только напоминает главнейшее – храни предание, уклоняясь от суесловий, опасных для веры, – и отечески преподает Апостольское благословение. В начале Послания это для всех поставлено главным делом.

1Тим. 6:20. О, Тимофее, предание сохрани, уклоняясь скверных суесловий и прекословии лжеименного разума.

«Предание», *παράθηκην*, – то, что с доверием положено у кого-либо (*παρα*) для хранения. Как в настоящем месте идет речь о вере, то под сим словом: «предание» – разумеется все учение о вере, преданное святому Тимофею. Апостол заповедует ему: храни сие учение, как оно тебе предано. «Не уменьшай его: оно не твое; тебе вверено чужое: не убавляй его» (святой Златоуст). «Все, мною тебе заповеданное, храни, так как это Господние суть заповеди» (блаженный Феофилакт). «Храни же заповедь Божию, которую Бог вверил тебе чрез меня» (Экумений). – Это закон и для всех пастырей всех веков, – усвоив преданное, хранить его, как предано, чтоб и преемникам своим предать его таким же, без прибавления своих измышлений. Викентий Лиринский пишет на сие место: «кто ныне «Тимофей», если не вся вообще Церковь или, частнее, не все общество предстоятелей, которые и сами должны иметь, и другим должны сообщать неповрежденным ведение Божественной веры? Что значит: «предание сохрани»? Значит: сторожи, потому что есть воры, есть враги, чтобы между добрым семенем пшеницы, которое посеял на поле Своем Сын Человеческий, не посеяли они, когда спят люди, плевел (Мф. 13:37–39). «Предание, – говорит, – сохрани». Что такое «предание»? То, что тебе вверено, а не то, что тобою изобретено, то, что ты принял, а не то, что ты измыслил, дело не ума, а учения, дело, к тебе переведенное, а не от тебя получившее начало, в коем ты не производитель (*auctor*), но страж, не учредитель, но последователь, не ведущий, но вслед идущий. «Предание, – говорит, – сохрани», – то есть талант веры вселенской сбереги целым и непочатым. Что тебе

вверено, то у тебя да пребудет, то да предано будет тобою (и другим после тебя). Золото получил ты, золото отдай. Не подкидывай мне одно вместо другого, вместо золота не подавай мне бесстыдно свинца или обманно меди; не хочу золота на вид, но золота по природе. «О Тимофее» ! О священник! О беседовник! О учитель! Если милость Божия признала тебя годным к сему, по способности, трудам и учению; то будь Веселеилом духовной скинии, обделывай Маргариты Божественного учения, принаравляй их верно, украшай мудро, придавай им блеска, грации, привлекательности. Да будет, по твоему изложению, уразумеваемо яснее то, чему прежде веровали менее ясно. Пусть чрез тебя потомство поймет радость и утешение, что ясно понимает то, что прежде древность чтит, не разумея. Однако ж учи тому же, чему сам научен, чтоб, говоря ново, не учить новому».

«Уклоняйся скверных суесловий и прекословий лжеименного разума». – «Разума», γνῶσθεως – знания; знания, которое хвалится, что знает, тогда как не знает, почему ложно носит такое наименование, – лжеименно есть. Знание стало лжеименно, потому что разум пошел ложною дорогою и заблудился, полагая, однако ж, что идет верно, верно смотрит и верно видит; почему стал не тем, чем ему следует быть, стал неразумом и, именуясь разумом, ложно именуется так, – лжеименен есть. От чего это случилось с разумом? От того, что он не за свое дело берется. Житейские дела разумеет ему дано, а постигать Божеское не дано. Это он должен принять верою так, как откроет Бог. Бог открыл; приими то верою, стараясь только уразуметь сие открытое, как оно открыто. Когда разум и в откровении все берется разумеать по-своему, а не по тому, как открыто; то обыкновенно путает и заблуждается, как и тогда, когда берется за постижение Божеского без откровения. Но между тем и в сем случае он свои постижения считает беспрекословными и усиленно прекословит не тем только, которые, подобно ему, по своему смыслению толкуют откровенное, но несогласно с ним, но наипаче тем, которые разумеют откровенное, как оно открыто. Прекословие составляет потому его неотъемлемую черту. Но прекословит он

попусту, ибо как не стоит он в истине, то и прекословит не истиною, а ложью же и выходит у него все одно пусторечие, суесловие. Те же, которые содержат истину, как она открыта, не любят прекословить, а говорят только: так Бог открыл и мы так содержим; хочешь покориться Богу, послушай нас, не хочешь, Бог тебе судья. «Мы же такового обычая, – то есть спорить, – не имеем» (1Кор. 11:16). Вот это и напоминает Апостол святому Тимофею: уклоняйся от этих суесловий и прекословий. Какие это суесловия и прекословия, он не различает; какие бы ни были, но, коль скоро они не согласны с тем, что явно Бог открыл нам, уклоняйся от них. Учи паству истине Божией, и истина сия сделает ее способною отражать всех суесловцев. Святой Златоуст говорит: «видишь ли, как опять он повелевает даже не сходиться с таковыми. «Уклонялся, – говорит, – прекословий». Следовательно, есть прекословия, на которые даже отвечать не должно. Почему? Потому что они удаляют от веры; потому что не позволяют стоять твердо и непоколебимо. Поэтому мы не должны придерживаться сего, а веры, которая есть незыблемый камень. Ибо тогда ни реки, ни ветры, устремляясь на нас, не будут в состоянии причинить нам никакого вреда, потому что мы незыблемо утвердились на камне. Суесловия и прекословия назвал он произведениями лжеименного разума. И хорошо сказал он таким образом. Ибо где нет веры, там нет знания (Божественных вещей). Когда что порождается (в сем отношении) от собственных наших соображений, то это не есть знание».

«Суесловий», κενολογίας, – пустословий. Если вместо ε поставить αί, то будет: новословий. Экумений и Феофилакт говорят, что святой Златоуст так и читал (верно, где-либо в другом! месте, кроме Толкования), разумея под сим новизны в учении. В Вульгате и в тексте так стоит: vocum novitates. Викентий-преподобный из этих слов делает свои наведения в знаменитом своем трактате о хранении преданного, как видно и из последних слов приведенного выше из него места.

1Тим. 6:21. О немже нецыи хвалящися, о вере погресиша. Благодать с тобою. Аминь.

«О немже хвалящися» – о знании, знанием хвалясь. Люди многоспособные, приобретши много познаний о вещах тварных, изучившие историю, физические науки, математику, медицину, правоведение, филологию, приходят нередко к ложному убеждению, что для них и предметы веры не непостижимы, и начинают толковать их так, чтоб это было разумно, чтоб вера их была разумная, то есть ничего неразумеемого не содержала, и все в ней понимаемо было естественно. Но как вера, исходя от Бога преестественного и ведя верующих преестественным путем к преестественному общению с Богом преестественным, естественно понимаема и истолковываема быть не может; то умники, задумывающие так относиться к ней, неизбежно уклоняются от нее, криво толкуют ее положения и, выдавая такие толкования за истину, погрешают. Это было всегда и ныне есть, – что хвалящиеся знанием, ἐπαγγελλόμενοι, – по профессии знальщики, когда берутся уразуметь веру, погрешают в вере. 'Нотоχῆσαν, говорит Апостол, – не попали на след веры, не туда направились, куда она указывала. «Тому, кто следует одним человеческим разумениям, неизбежно αὐτοχεῖν, – не попадать в такт и в цель веры. Ибо вера не допускает умопостижений» (блаженный Феофилакт). Святой Златоуст говорит: «Апостол говорит так, может быть, потому, что тогда некоторые называли себя гностиками (знальщиками), то есть знающими больше других». К сему блаженный Феодорит прибавляет: «они от Симона называли себя гностиками, говорили о себе: о чем умолчало Божественное Писание, то нам открыл Бог. Исполнено же сие всякого злочестия и непотребства. Сие-то ведение Апостол справедливо назвал «лжеименным». Они имеют мрак неведения, а не свет боговедения». Гностики в силе раскрылись во II веке; но недивно, что начатки их проявлялись и при Апостолах.

«Благодать с тобою». «Апостол присовокупил обычное благословение» (блаженный Феодорит). «В запечатление всего благожелает ему благодати, коею подается и хранится всякое благо. Ее да будем богато причастными и мы все, не погубляя полученных от нее благ, но ею сохраняя их и славя Христа,

благодатей Подателя, со Отцом и Святым Духом» (блаженный Феофилакт).

Приведем и заключительное на все Послание слово блаженного Феодорита: «учение сие надлежит с точностию сохранять всем сподобившимся священства; и как некое правило всегда иметь пред собою, и с ним соображать и что им говорить, и что делать следует. Так возможно сподобиться части блаженного Тимофея, и даже самого пребожественного Павла, по благодати и человеколюбию Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, – с Коим Отцу со Святым Духом подобает слава и великолепие ныне и всегда и во веки веков! Аминь.